

Дуглас Адамс

*Путеводитель
вольного путешественника
по Галактике
Книга II.
Ресторан На Конце Света*

пер. Степан М. Печкин, 2004-2024

Издание Трансперсонального Института Человека Печкина
Цур-Адасса, 2024

The Hitchhiker's Guide to the Galaxy, © 1979 by Douglas Adams

Translation © Stepan M. Pechkin, 2004-2024

(p) Pechkin Production Initiatives, est. 1989

(p) 1996 by Wings Books, a division of [Random House Value Publishing, Inc.](#),
201 East 50th St., New York, New York 10022
by arrangement with Harmony Books, a division of Crown Publishers, Inc.
ISBN 0-517-14925-7

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с ознакомительными, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

Джейн и Джеймсу

с массой благодарностей

- Джеффри Перкинсу, который достиг Невероятного;
- Падди Кингсленду, Лайзе Браун и Элику Хейлу Монро, которые помогали ему;
- Джону Ллойд – за помощь в работе над первоначальным сценарием;
- Саймону Бретту, который все это запустил;
- Полу Саймону – за альбом “One Trick Pony”, который я слушал непрерывно, пока писал эту книгу. Пять лет – это вам не жук чихнул!
- И совершенно особая благодарность Жаки Грэхэм за бесконечное терпение, доброту и неистощимую кухню

Бонни Куку от Хостилитиса Бетвикста.

С.Печкин, 2004

Существует теория, утверждающая, что если кто-нибудь узнает доподлинно, что такое Вселенная и зачем она существует, то Вселенная немедленно исчезнет, и вместо нее появится что-то еще более необъяснимое и бессмысленное.

Существует другая теория, утверждающая, что это уже произошло.

I

Краткое содержание предыдущих серий.

В начале появилась Вселенная.

Этот факт огорчил многих, и большинство считает это событие ошибкой.

Многие расы верят, что Вселенную создал Бог того или иного рода. Скажем, джатравартиды с Вильтводля-VI убеждены, что всю Вселенную вычихнуло из носа Существо, называемое ими Арчхисморк Великий Зеленый. Джатравартиды, проводящие жизнь в трепетном ожидании события, которое они называют Пришествием Большого Белого Носового Платка – маленькие синие существа, наделенные пятью десятками рук, по причине чего они единственные во всей Вселенной изобрели дезодорант для подмышек прежде колеса. Однако концепция Арчхисморка Великого Зеленого мало популярна за пределами Вильтводля-VI, а Вселенная полна загадок. Поэтому ее обитатели не перестают искать другие объяснения.

К примеру, одна раса сверхразумных мультимерных существ взяла и построила гигантский суперкомпьютер, названный Могучая Дума, чтобы он вычислил раз и навсегда Ответ на Главный Вопрос Жизни, Вселенной и Вообще.

Семь с половиной миллионов лет Могучая Дума вычисляла и рассчитывала и наконец объявила, что ответ на этот вопрос – сорок два.

Пришлось построить другой, еще более мощный компьютер, чтобы выяснить, что же это был за вопрос.

Этот компьютер, получивший название “Земля”, был таким большим, что его часто принимали за планету. Особенно часто его принимали за планету нелепые обезьяноподобные существа, бродившие по его поверхности, нисколько не подозревая, что являются лишь компонентом гигантской компьютерной программы.

И это особенно удивительно, потому что без знания этого простого и довольно банального факта ничему из происходившего на Земле нельзя дать никакого мало-мальски осмысленного объяснения.

К большому сожалению, перед самым драматическим моментом истины Земля была неожиданно уничтожена вогонами, которые – по их заявлениям – прокладывали новое гиперпространственное скоростное шоссе. Все надежды выяснить смысл жизни погибли навсегда.

Так, по крайней мере, казалось.

Два нелепых обезьяноподобных существа уцелели в катастрофе.

Артур Дент спасся в самый последний момент, потому что его старый приятель Форд Префект внезапно оказался родом с небольшой планетки в окрестностях Бетельгейзе, а вовсе не из Гилдфорда, как он уверял до сих пор; и, что более важно, этот его приятель умел сто-пить летающие тарелки.

Тришия МакМиллиан – она же Триллиан – покинула планету шестью месяцами раньше при содействии Зафода Библброкса, на тот момент Президента Галактики.

Двое уцелевших.

Это все, что осталось от величайшего эксперимента всех времен и народов по поиску Главного Вопроса и Главного Ответа Жизни, Вселенной и Вообще.

И менее чем в полумиллионе миль от того места, где лениво дрейфует по чернильной черноте космоса их звездолет, к ним неумолимо приближается вогонский корабль.

II

Как и все вогонские корабли, этот корабль выглядел так, словно его не построили, а слепили из того, что было. Безобразные желтые комки и блямбы, соединенные под кривыми углами испортили бы очертания любого корабля – кроме этого. Некоторые уверяют, что в небе можно увидеть и более отвратительные вещи, но нельзя же верить бредням каждого психа.

Чтобы увидеть нечто более безобразное, чем вогонский корабль, вам пришлось бы проникнуть внутрь его и поглядеть на самого вогона. Впрочем, рассудив здраво, вы как раз не стали бы стремиться туда проникнуть. Типичный вогон всегда готов, не долго думая, совершить что-нибудь жестокое, бессмысленное и беспощадное, и вы тотчас же пожалеете, что родились на свет, или – если вы отличаетесь умом и сообразительностью – что этот вогон родился на свет.

Впрочем, типичный вогон, скорее всего, не станет думать ни долго, ни коротко. Вогоны – примитивные толстокожие тупоголовые создания, и мышление – не их конек. Анализ анатомии вогона показывает, что мозг его образовался из прискорбным образом переродившейся, сместившейся и усохшей печени. Самое позитивное, что можно, не покривив душой, сказать о них, так это то, что они знают, чего хотят; а то, чего они хотят, у них обычно сопряжено с агрессией, злобой и неприятностями для окружающих.

Чего вогоны не любят, так это недоделанных дел. В особенности данный конкретный вогон, и в особенности – по некоторым причинам – данное конкретное дело.

Данный конкретный вогон звался капитан Простатик Вогон Джельц из Галактического Гиперпространственного Ремонтно-Строительного Управления, а данным конкретным делом его была ликвидация так называемой “планеты” Земля.

Вогон поерзал монументально безобразным телом в своем неудобном скользком кресле и уставился на монитор, который во всех подробностях показывал корабль “Золотое Сердце”.

Для него не имело значения, что “Золотое Сердце” с его двигателем на Бесконечной Невероятности – самый прекрасный и технологически революционный корабль во Вселенной. Эстетика и инженерное изящество были для него закрытыми книгами, и будь его воля, эти книги сжигали бы на площадях.

Еще меньше значил для него тот факт, что на борту “Золотого Сердца” находится Зафод Библброкс. Зафод Библброкс теперь всего лишь бывший Президент Галактики, а то, что его и угнанный им корабль разыскивает вся полиция Галактики, нисколько не интересовало вогона.

У него были другие интересы.

Всем известно, что в отношении взяток и подкупов вогонские принципы тверды, как утренний туман, и для данного конкретного вогона это было верно в той же степени. Слыша слова “честность”, “служение обществу” и “верность долгу”, он хватался за свой словарь; слыша же шуршание наличности в больших количествах, он хватался за уголовный кодекс – и выбрасывал его в окно.

Причиной столь оперативного сноса Земли и уничтожения всего, что было связано с нею, стали кое-какие обстоятельства, лежащие за пределами служебных обязанностей капитана Простатика Вогон Джелца. Неизвестно даже, было ли вообще спроектировано то пресловутое скоростное шоссе. Этот вопрос впоследствии аккуратно замяли.

Капитан издал отвратительный звук, выражавший удовлетворение.

– Компьютер! – прорычал он, – соединить меня с моим психоделом!

Через несколько секунд на экране появилась физиономия Гага Халфрунта. Он улыбался улыбкой человека, знающего, что находится в десяти световых годах от вогона, на которого смотрит. В улыбке его нетрудно было различить также и тонкую иронию. Хотя вогон и называл его постоянно своим “личным психоделом”, никаким переделом никакой души здесь, разумеется, и не пахло. На самом деле не Халфрунт работал на вогона, а наоборот. Халфрунт платил вогону солидные суммы за кое-какую весьма грязную работу. Будучи одним из самых популярных и успешных терапевтов Галактики, Халфрунт и группа его коллег вполне готовы были раскошелиться, когда на карту поставлено будущее самой психиатрии.

– О! – воскликнул он, – доброе утро, капитан Простатик! Как мы сегодня себя чувствуем?

Капитан вогонов сообщил ему, что за последние несколько часов казнил почти половину своего экипажа в порядке дисциплинарного взыскания. Улыбка Халфрунта не дрогнула ни на мгновение:

– Что ж, на мой взгляд, это совершенно нормальное поведение для вогона. Естественная и здоровая сублимация агрессивных инстинктов в актах бессмысленного насилия.

– Вы всегда так говорите, – пробурчал вогон.

– Конечно, – согласился Халфрунт. – На мой взгляд, это совершенно нормальное поведение для психолога. Похоже, наши ментальные поля сегодня удивительно гармонизируют друг с другом. Теперь расскажите мне, что нового насчет нашего дельца?

– Мы нашли корабль.

– Чудесно! Превосходно! И что?

– Землянин на корабле.

– Отлично! А – ...?

– Женщина с той планеты? Там же. Это последние.

– Неплохо, неплохо, – Халфрунт сиял, – Кто еще на борту?

– Какой-то тип по фамилии Префект.

– Допустим...

– И Зафод Библброкс.

На мгновение улыбка Халфрунта сползла с его лица.

– М-да. Этого-то я и боялся. Это весьма печально.

– Он ваш друг? – поинтересовался вогон. Он часто слышал это слово и теперь решил вы-

яснить, что оно значит.

– О, нет, – ответил Халфрунт, – в нашей профессии друзей не бывает.

– Ах, да, – вспомнил вогон. – Профессиональная беспристрастность...

– Нет-нет, – весело возразил Халфрунт. – Мы просто на это не способны. Не дано-с.

Он умолк. Губы его продолжали улыбаться, но брови сдвинулись в неприятном раздумье.

– Ах, Библброкс... – вздохнул он. – Библброкс – мой самый прибыльный клиент. О таких расстройствах личности психоаналитик может только мечтать.

Задумчиво помолчав, Халфрунт наконец спросил:

– Итак, вы готовы выполнить задание?

– Готов.

– Прекрасно. Уничтожьте корабль немедленно.

– А что Библброкс?

– Что Библброкс? – улыбнулся Халфрунт, – Дело в том, что Зафод – это, ну, такое...

Экран погас.

Капитан вогонов нажал кнопку селектора, который соединял его с остатками его экипажа.

– В атаку, – скомандовал он.

В это самое мгновение Зафод Библброкс громко выругался в своей каюте. Два часа назад он объявил, что отправляется поужинать в Ресторане на Конце Света, вдрызг разругался по этому поводу с бортовым компьютером и, хлопнув дверью, заперся в своей каюте, крикнув, что рассчитает факторы невероятности вручную, на бумажке.

Невероятностный двигатель делает “Золотое Сердце” самым могучим и непредсказуемым кораблем во вселенной. Для него нет ничего невозможного – нужно лишь точно узнать, насколько именно невозможно то, что ты от него хочешь.

Зафод угнал этот звездолет с церемонии открытия, на которой он как Президент Галактики был почетным гостем. Зачем ему понадобилось угонять звездолет, Зафод точно не знал. Просто он ему понравился.

Зачем ему пришло в голову сделаться Президентом Галактики, Зафод тоже не знал. Просто это было прикольно.

Зафод не знал, что у всего, происходящего с ним, есть куда более серьезные причины – поскольку эти причины были скрыты от него в темной, закрытой зоне двух его мозгов. Он предпочел бы избавиться от этой темной, закрытой зоны двух своих мозгов, потому что время от времени эта зона приоткрывалась, и из нее вылезали непонятные мысли, которые забирались в светлые и клёвые зоны его мозгов, отвлекая их от того, что он считал главным делом своей жизни, а именно – хорошенько оттянуться.

В настоящее время он совсем не оттягивался, а напротив, весьма напрягался. У него кончилось терпение и карандаши, и он был зверски голоден.

– У, метеоризм! – выругался он.

Форд Префект в это самое мгновение находился в воздухе. Нет, искусственная гравитация корабля была в полном порядке: Форд просто прыгнул через перила лестницы, что вела в пассажирские каюты. Прыжок был высоковат для лестничного пролета, поэтому Форд приземлился неудачно, перекатился по полу, вскочил на ноги, бросился бегом по коридору, споткнулся о пару карликовых роботов-уборщиков, едва не сорвавшись, завернул за угол, распахнул дверь каюты Зафода и изложил новости:

– Вогоны! – крикнул он.

Незадолго до этого Артур Дент вышел из своей каюты на поиски чашки чаю. В этот поход он отправился без особого оптимизма, уже зная, что единственным источником напитков на всем корабле служит невежественная железяка, детище Сирианской Кибернетической Корпорации. Называлась она Нутриматический Синтезатор Жидкостей, и Артуру уже доводилось вступать с ней в дискуссии.

Это устройство, как оно само заявляло, умело производить широчайший из возможных ассортимент напитков, персонально соответствующих вкусам и обмену веществ любого своего пользователя. На практике, однако, автомат неизменно выдавал пластиковый стаканчик с жидкостью, которая почти совершенно, хотя и не совсем, ничем не напоминала чай.

Артур взял себя в руки и подавил эмоции.

– Чай, – попросил он.

– “Поделись улыбкою своей”! – ответила машина и выдала ему очередной стаканчик неприятной жидкости.

Артур выбросил его.

– “Поделись улыбкою своей”! – повторила машина и выдала другой такой же.

“Поделись улыбкою своей” – это девиз чрезвычайно успешного отдела Жалоб и Предложений Сирианской Кибернетической Корпорации, который занимает сейчас все континенты трех среднего размера планет, и является единственным отделом корпорации, баланс которого несколько последних лет выходил положительным. Этот девиз написан – был написан – трехкилометровыми светящимися буквами на подлете к космопорту отдела Жалоб и Предложений на планете Эадракс. К сожалению, буквы, по-видимому, оказались слишком тяжелыми, и вскоре после постройки надпись провалилась сквозь землю, на половину своей высоты войдя в подземные офисы множества молодых и подающих надежды служащих отдела Жалоб и Предложений, мир их праху.

Оставшиеся над поверхностью земли верхние половины букв на местном языке читаются как “Свин те на рыло”, и подсветку их включают теперь только по очень особым случаям.

Артур выбросил шестой стаканчик с жидкостью.

– Послушай, машина, – сказал он, – ты говоришь, что можешь синтезировать любой су-

ществующий напиток. Почему же ты все время наливаешь мне одну и ту же бурду?

– Польза и удовольствие, – пробурчала машина. – “Поделись улыбкою своей”!

– Но это мерзость!

– Если тебе понравился этот напиток, – продолжала машина, – почему бы не поделиться им с друзьями?

– Потому, – ответил Артур ядовито, – что они мои друзья. Неужели это так трудно, машина? Этот напиток...

– Этот напиток, – прошептала машина, – создан персонально для вашей пользы и удовольствия.

– Вот как? Так значит, я диабетик-мазохист?

– “Поделись улыбкою своей”!

– Заткнись!

– Попробуешь еще?

Артур сдался.

– Нет, – ответил он.

И тут же решил, что, черт побери, да.

– Послушай, – сказал он, – машина. Это же просто. Это очень просто. Я. Хочу. Чаю. Сейчас ты сделаешь мне чашку чаю. Молчи и слушай.

Артур сел на пол. Он рассказал нутримату об Индии. Он рассказал ему о Китае и о Цейлоне. Он рассказал ему о листьях, сушащихся на жарком южном солнце. Он рассказал ему о чайных ложечках. Он рассказал о летних вечерах на веранде. Он рассказал, что чай надо наливать в молоко, а не наоборот, чтобы не было пенек. Он даже пересказал ему – вкратце – историю Ост-Индской Чайной компании.

– Это всё? – спросил нутримат, когда Артур закончил.

– Всё, – подтвердил Артур. – Это всё, чего я хочу.

– Вам нужен вкус сушеных листьев, вываренных в кипятке?

– Гм... Да. Только с молоком!

– Выжатым из коровы?

– Да, можно так выразиться.

– Тут мне понадобится помощь, – произнесла машина. Ее оптимистические бульканья и зазывные щебетания уступили место серьезному деловому тону.

– Пожалуйста, – сказал Артур, – я готов.

– Вы уже сделали всё, что нужно, – сообщил ему нутримат и обратился к бортовому компьютеру.

– Привет! – отозвался бортовой компьютер.

Нутримат объяснил бортовому компьютеру свою задачу. Компьютер хмыкнул, соединился логическими цепями с нутриматом, и оба погрузились в глубокое молчание.

Артур подождал некоторое время, но ничего не произошло.

Он постучал по нутримату, но тот не реагировал.

Подождав ещё чуть-чуть, Артур махнул рукой и пошел на мостик.

“Золотое Сердце” неподвижно висело в черной пустоте космоса. Вокруг него миллиардом булавочных уколов сверкала Галактика. К нему подбиралась безобразная желтая глыба вогонского корабля.

III

– Ни у кого случайно не найдется чайника и заварки? – спросил Артур, выйдя на мостик, и недоуменно уставился на то, как Триллиан вызывает к компьютеру, Форд стучит по его панели кулаком, Зафод пинает его ногой, а на экранах висит какая-то безобразная желтая глыба.

Артур поставил пустой стаканчик на столик и подошел к консолям.

– Доброе утро, – поздоровался он.

Зафод метнулся к блестящим мраморным панелям управления обычным фотонным двигателем. Кнопки материализовались под его пальцами, и он снял двигатель с автопилота. Зафод пробежался по кнопкам, щелкнул рычажками, стукнул по ним кулаком и выругался. Фотонный двигатель болезненно дернулся и отключился снова.

– Что-то случилось? – спросил Артур.

– Смотрите, кто пришел! – пробормотал Зафод, притягивая к себе панель ручного управления двигателем на бесконечной невероятности. – Говорящая обезьяна!

Невероятностный двигатель взвыл пару раз и тоже отключился. Зафод пнул его со злостью.

– Если у тебя плохое настроение, совсем не обязательно... – начал Артур.

– Вогоны, – объяснил Форд. – На нас напали вогоны.

Артур содрогнулся.

– Так чего же мы ждем? Надо сматываться отсюда!

– Никак. Компьютер завис.

– Завис?

– Говорит, что все ресурсы заняты. Корабль потерял управление.

Форд отвернулся от терминала компьютера, вытер лоб рукавом и прислонился к стене.

– С приплыздом, – сказал он. Он усмехнулся чему-то и закусил губу.

В детстве, в школе, задолго до того, как Земля пошла под снос, Артур любил играть в футбол. Играл он в него плохо. Любимым его номером было забить гол в свои ворота в каком-нибудь особенно важном матче. Когда это случалось, Артур чувствовал такой особенный жар в затылке, который постепенно сползал на щеки и поднимался ко лбу. Сейчас перед его глазами отчетливо встали грязь, трава и куча хохочущих злых мальчишек.

Жар в затылке постепенно сползал на его щеки и поднимался ко лбу.

Он открыл рот и закрыл его.

Затем снова открыл рот и снова закрыл его.

Наконец, он выговорил:

– Э-э, гх-м... Скажите, – он произнес это слово так взволнованно, что все повернулись к

нему. Артур, не отрываясь смотрел на желтую глыбу на экране. – Скажите, – начал он снова, – а компьютер не сказал, чем он занят? А то я вдруг подумал...

Все буравили его глазами.

– Да нет... Я же всего только...

Зафод протянул руку и взял Артура за воротник.

– Что ты сделал с компьютером, маака? – хрипло спросил он.

– Да ничего, – ответил Артур, – ничего я не сделал! Просто сколько-то времени назад...

– Ну!?

– Я попросил приготовить мне чашку чаю...

– Совершенно верно, ребята! – включился внезапно компьютер, – я как раз работаю над этой задачей, и, знаете – это нешуточное дело! Скоро вернусь, – и компьютер снова погрузился в молчание, сравниться с которым могло только молчание трех людей, смотревших на Артура Дента.

Словно чтобы разрядить напряженность момента, вогонь решили открыть огонь.

Корабль тряхнуло. Он загремел. Под огнем десятка 30-мегабойных фотразонных пушек “Угноб” силовое поле “Золотого Сердца” – всего в палец толщиной – прогнулось, треснуло и покорежилось, и не похоже было, что оно продержится долго. Форд дал ему четыре минуты.

– Три пятьдесят, – сказал он спустя некоторое время. – Три сорок пять, – добавил он в должный срок. Он потыкал пальцем в какие-то бесполезные кнопки и злобно поглядел на Артура.

– Смерть, как хочется чайку? – спросил он и ответил сам. – Три сорок.

– Долго ты будешь считать? – прорычал Зафод.

– Нет, – ответил Форд Префект. – Еще три минуты тридцать пять секунд.

Простатик Вогон Джельц был озадачен. Он был готов к погоне, к увлекательному абордажу при помощи тягловых лучей, он готов был пустить в ход купленный и установленный специально для этого субциклический нормалитрон, который должен был нейтрализовать бесконечно-невероятностный двигатель “Золотого Сердца”; но субциклический нормалитрон стоял без дела, а “Золотое Сердце” висело в пространстве, неохотно дергаясь под огнем десятка 30-мегабойных фотразонных пушек “Угноб”.

Вогон проверил все приборы, какие только были в его распоряжении, чтобы раскусить эту хитрую уловку, но не смог.

Про чай он, разумеется, не знал.

Не знал он и о том, как экипаж “Золотого Сердца” проводил последние три минуты и тридцать секунд своей жизни.

Откуда к Зафоду Библброксу пришла идея именно сейчас провести спиритический сеанс, он и сам не мог точно сказать.

Тема смерти, безусловно, витала в воздухе, но скорее как что-то, чего следовало избегать, чем что-то, с чем надо было вступать в общение. Возможно, ужас при мысли о скором воссоединении со своими покойными родственниками навел Зафода на мысль о том, что они, должно быть, испытывают по поводу предстоящей встречи с ним такие же чувства и, больше того, могут захотеть сделать что-нибудь, чтобы отсрочить эту встречу.

Или же это мог быть еще один из тех странных импульсов, время от времени выходивших из темной зоны его ума, которую он тайно заблокировал от себя самого, прежде чем стать Президентом Галактики.

– Ты хочешь поговорить со своим прадедушкой? – не понял Форд.

– Ага.

– Это надо делать именно сейчас?

Корабль грохотал и сотрясался. Становилось жарко. Свет потускнел – вся энергия, которую не забирал компьютер для размышлений о чае, уходила в тающее на глазах защитное силовое поле.

– Конечно! – убежденно воскликнул Зафод. – Форд, я так думаю, что он может нам помочь.

– Ты – думаешь? И давно это с тобой?

– А у тебя есть другие варианты?

– Гм... Нет.

– Отлично! Садимся вокруг центральной консоли. Теперь начали! Триллиан, и ты, обезьянин! Возьмемся за руки, друзья!

Все кое-как уселись вокруг центральной консоли и, чувствуя себя исключительно глупо, взяли за руки. Третьей своей рукой Зафод выключил свет.

Корабль погрузился во тьму. Снаружи жуткий грохот угнобов продолжал раскачивать корабль, проламывая его силовое поле.

– Сосредоточьтесь на его имени, – прошипел Зафод.

– Как его звали? – спросил Артур.

– Зафод Библброкс Четвертый.

– Как?

– Зафод Библброкс Четвертый. Сосредоточьтесь!

– Четвертый?

– Четвертый! Я – Зафод Библброкс. Мой отец – Зафод Библброкс Второй, дедушка – Зафод Библброкс Третий...

– Как это?

– Кое-кто доигрался с машиной времени и противозачаточными пилюлями... Теперь сосредоточьтесь!

– Три минуты ровно, – сказал Форд Префект.

– Зачем мы это делаем? – спросил Артур Дент.

– Заткнись, – попросил Зафод Библброкс.

Триллиан ничего не сказала. Что тут скажешь? – подумала она.

Единственный свет на мостике исходил из двух тусклых красных треугольников в дальнем углу, где сидел, сгорбившись, Марвин, Андроид-Параноид, презревший всё и презренный всеми, ушедший в свой собственный крайне неуютный и негостеприимный мир.

Четверо вокруг центральной консоли замерли в глубокой концентрации, пытаясь отключиться от ужающих встрясок и страшного грохота, сопровождающего их.

Они сосредоточились.

Они сосредоточились изо всех сил.

Они сосредоточились еще сильнее.

Секунда тикала за секундой.

На лбу у Зафода выступили капли пота – сперва от усердия, потом от отчаяния и, наконец, от злости.

Наконец, он расстроенно крикнул, выдернул руки из круга и стукнул по выключателю.

– О! Я уже начал думать, что ты таки не включишь свет, – произнес чей-то голос. – Только не надо так ярко. Глаза у меня теперь не те, что прежде.

Все четверо подпрыгнули в своих креслах и медленно повернули головы в сторону голоса, хотя волосы на их головах, судя по всему, дружно решили оставаться там, где были.

– Ну, и кто уже тревожит мой сон? – спросил маленький горбатый человечек, стоявший посреди перьев папоротника на дальнем конце мостика. Две его маленькие седовласые головы выглядели такими древними, что, казалось, смутно помнили самое зарождение галактик. Одна голова сонно кивала, но другая внимательно изучала путешественников. Если его глаза теперь были не те, что прежде, то раньше он, очевидно, резал взглядом стекло.

Зафод опомнился. Он исполнил сложный кивок обеими головами – традиционный бетельгейзианский жест, выражающий почтение к старшим.

– Э... О! Здравствуй, пра! – выговорил он.

Старичок подошел поближе. Он взгляделся в сумрак – освещение почти пропало – и ткнул костлявым пальцем в сторону своего правнука.

– А-а, – сказал он. – Таки это у нас Зафод Бибельброх! Последний в нашей великолепной династии! Зафод Бибельброх Нулевой!

– Первый! – возмутился Зафод.

– Нулевой, – отрезал старик. Зафод не выносил его голос. Этот голос мелом скрежетал

по доске того, о чем Зафод не без приятства думал, как о своей душе.

Зафод поерзал в кресле.

– Пра... – протянул он, – ты пойми, так получилось. Я честно собирался прислать цветов, но в магазине мне сказали, что венки только что кончились...

– Таки ты забыл! – оборвал его Зафод Библброкс Четвертый.

– Не забыл! Я помнил...

– Таки ты был занят. Ты был очень занят и ты не нашел времени подумать о других. При жизни они все такие занятые!

– Зафод, две минуты, – прошептал Форд.

Зафод виновато потупился:

– Но я, честное слово, собирался прислать цветы, – сказал он. – И непременно напишу прабабушке, вот только выберемся отсюда...

– Прабабушка... – мечтательно повторил старичок.

– Вот да, – подхватил Зафод, – как она там? Честное слово, я непременно навещу ее, мне бы только сперва...

– Что касается нас с твоей прабабушкой, – с твоей покойной прабабушкой! – то у нас таки все замечательно, – отрезал Зафод Библброкс Четвертый. – Но вот ты нас очень расстраиваешь, Зафик.

– Пра!.. – Зафод с неудовольствием чувствовал, что никак не может направить разговор в нужное русло, несмотря на громкое сопение Форда за спиной, говорящее ему о том, что драгоценные секунды уходят впустую. Грохот и тряска усилились до ужасающих пределов. Зафод заметил, как Триллиан и Артур, побледнев и не мигая, глядят на него. – Послушай, пра!

– Мы следим за твоими похождениями, и нам делается очень грустно...

– Извини, пра, но вот сейчас...

– ...чтобы не сказать, стыдно!

– Пра, ну послушай же хоть секунду!

– Мальчик мой! Что с тобой происходит?

– На меня напала вогонская эскадра! – воскликнул Зафод в отчаянии. Это было преувеличение, но у Зафода не было других шансов завладеть вниманием собеседника.

– Почему я не удивляюсь! – ответил старичок, картинно воздев руки.

– И это происходит прямо сейчас! – не унимался Зафод.

Призрачный предок опустил руки, поднял стаканчик, который принес с собой Артур Дент, и с любопытством заглянул в него.

– Ну, пра! Ну, пожалуйста!

– Тебе известно, – прервал призрак, пронзая Зафода взглядом, – отчего у орбиты Бетель-

гейзе-5 развился такой ма-аленький эксцентриситет?

Таких сведений у Зафода не было, и сосредоточиться на них в этом грохоте, предвещающем скорую гибель, он не мог.

– Нет. И отчего же?

– От того, что я верчусь в гробу! – воскликнул предок. Он смял стаканчик и снова направил кривой обвиняющий перст в Зафода. – И виноват в этом ты!

– Минута тридцать, – пробормотал Форд и закрыл лицо руками.

– Послушай, пра, не мог бы ты мне помочь? Потому что...

– Помочь? – переспросил старик таким голосом, словно его попросили достать из кармана суринамскую пипу.

– Да, да, помочь, и прямо сейчас, потому что иначе...

– Помочь! – повторил старик таким голосом, как будто его попросили достать из кармана суринамскую пипу, запеченную в тесте, с картофелем фри. – Мне это нравится! Он шляется по Галактике со своими... – предок презрительно кивнул правой головой в их сторону, – со своими шейгецами¹-приятелями, и принести цветов на мою могилу он слишком занят – хотя бы искусственных! От тебя сгодились бы и искусственные, но какое там! Мы такие занятые! Мы такие современные! Мы такие независимые! Потом у нас случается проблема, и к кому мы бежим на помощь? К старому покойному прадедушке!

Старик покачал головой – осторожно, чтобы не разбудить другую, сперва дремавшую, а теперь, похоже, уснувшую крепким сном.

– Не знаю, Зафик, – закончил он холодно. – Я уже ничего не знаю.

– Минута десять, – произнес Форд.

Зафод Библброкс Четвертый обернулся на него:

– Почему этот молодой человек все время говорит цифрами? – спросил он.

– Эти цифры, – ответил Зафод мрачно, – это время, которое нам осталось жить.

– А-а, – протянул прадедушка и хмыкнул. – То есть, ко мне-то это никак не относится.

Прохаживаясь по мостику, призрак отошел в дальний его конец в поисках чего-нибудь, что можно было бы повертеть в руках. Зафод почувствовал, что стоит на краю безумия, и подумал, не стоит ли просто спрыгнуть с этого края раз и навсегда.

– Прадедушка, – сказал он. – Это относится к нам! Мы еще живы, но вот-вот простимся с жизнью!

– Ойх мир а лебн!²

– Чего?

1 *"Disreputable". Я думаю, что Зафод Библброкс в моем переводе понимал идиш своего прадедушки примерно так же, как вы, уважаемый читатель оного, понимаете его английский в оригинале. Я пользуюсь таким приемом для воссоздания у вас этого эффекта. (Прим. перев.)*

2 *"Good job too". (Прим. перев.)*

– Что такого важного в этой твоей жизни? Когда я думаю о том, что ты с нее сделал, то на язык мне просится только одно: позор моим сединам.

– Между прочим, я был Президентом Галактики!!

– Пф-ф! – фыркнул предок. – Тоже мне должность для Бибельброха!

– Да куда же больше? Президент! Всей Галактики!

– Иди пугай моих клопов, швицер³!

Зафод оторопело моргнул:

– Мужик... в смысле, прадедушка! Ты чего, совсем вообще?

Сгорбленный призрак подошел к своему правнуку и свирепо ткнул его пальцем в живот. Это напомнило Зафоду, что он разговаривает с тенью, потому что он не почувствовал тычка.

– Ты знаешь, что это значит быть Президентом, Зафик, и я знаю, что это значит быть Президентом. Ты знаешь, потому что ты им был; я знаю, потому что я умер, а это тебе на многое откроет глаза. У нас там наверху так и говорят: «Живому – не до жизни».

– Хорошо сказано, – саркастически хмыкнул Зафод. – Глубокая мысль. Вот народная-то мудрость мне сейчас и нужна, как дырки в головах.⁴

– Пятьдесят секунд, – вздохнул Форд Префект.

– Где я остановился? – спросил Зафод Библброкс Четвертый.

– Где-то в астрале, пра, – ответил Зафод Библброкс.

– А, да! Так вот ...

– Слушай, этот тип вообще по жизни может нам помочь? – спросил Форд у Зафода шепотом.

– Если не он, то кто? – так же шепотом ответил Зафод. Форд мрачно кивнул.

– Зафик! – продолжал дух. – Зачем ты сделался Президентом Галактики? Ты забыл?

– Можно об этом потом, а?

– Ты таки забыл! – настаивал дух.

– Да! Правильно! Я забыл! Я должен был забыть. Чтоб ты знал: при приеме на эту работу тебе сканируют мозги. Если бы они нашли в моей голове хоть что-нибудь подозрительное, меня бы снова выбросили на улицу, с приличной пенсией, симпатичной секретаршей, новеньким звездолетом – и парой перерезанных глоток!

– Ну, вот, – довольно закивал призрак, – Ты таки что-то помнишь!

Он помолчал.

– И таки это хорошо, – сказал он, и грохот вдруг оборвался.

3 “Conceited little megapuppy”. (Прим. перев.)

4 “Right now I need aphorisms like I need holes in my heads” – “их дарф эс ви а лох ин майн копф”, идишская поговорка, которую Зафод Библброкс, как мы неожиданно узнаем, еще помнит из своего трудного детства. (Прим. перев.)

– Сорок пять секунд, – сказал Форд. Он посмотрел на часы снова и постучал по ним. Потом он поднял голову.

– Тишина!? – воскликнул он.

В глазах призрака сверкнули хитрые искорки.

– Я остановил время – временно, – сказал он. – Пока до тебя не дойдет. Мне бы хотелось, чтобы ты таки выслушал меня до конца.

– Нет! Это таки ты меня выслушаешь, старый ты какер! – сказал Зафод, встав с кресла. – Во-первых, спасибо за замедление времени, это здорово, это классно, это офигенно, но, во-вторых – к черту твои проповеди! Я не знаю, какие такие великие свершения я должен был свершить – и мне так кажется, что я и не должен был это знать. И вот это меня бесит! Тот другой, прежний я это знал. Его это волновало. Ну, и фиг бы с ним! Но его это волновало настолько, что он забрался в мои мозги – мои! – и заблокировал там зоны, которые это знали, и которые это волновало, потому что если бы я это знал и волновался бы об этом, то не смог бы этого сделать! Я не смог бы стать Президентом и не смог бы угнать этот корабль. А ему, по ходу, было нужно именно это. Но вот этот прежний я – он покончил с собой, когда пере-прошил мой мозг! И у него не было выбора. А у нового меня выбор есть! И так уж получилось, что новый я выбрал как раз ничего не знать и не волноваться насчет никаких свершений. Он этого хотел – он это получил! Но прежний я был не дурак. Он все продумал. Он оставил мне инструкции в той зоне мозга, которую он заблокировал. Только нынешний я не хочу ничего знать и не хочу их слышать! Это мой выбор. Я не буду ничьим роботом – тем более, своим собственным!

Зафод треснул кулаком по консоли, не обращая внимания на то, как смотрят на него остальные.

– Прежний я мертв! – крикнул он. – Он покончил с собой! А мертвые не должны шлаться по свету и путаться в дела живых!

– Меня ты не постеснялся вызвать, чтобы я выковырял тебя из дрека, – заметил дух.

– Ну, это другое... – ответил Зафод и снова сел, криво улыбнувшись Триллиан.

– Зафик, – промолвило привидение, – Если я трачу свое время на тебя, то только потому, что после смерти мне больше не на что его тратить.

– Ну, ладно! – сказал Зафод. – Давай, открой мне тайну. Попробуй.

– Зафик! Когда ты был Президентом Галактики, как и Йуден Вранкс до тебя, ты знал, что Президент не значит ничего. Гурништ! Где-то за его спиной прячется кто-то другой, что-то другое – и вот у него таки да власть. Ты должен найти этого кого-то – или это что-то – что управляет нашей Галактикой. А некоторые у нас там наверху считают, что и другими тоже. Может быть, вообще всей Вселенной.

– Чтобы что?

– Чтобы что? – воскликнул дух в изумлении, – Что “чтобы что”?! Посмотри вокруг себя! Я тебя спрашиваю: так управляют Вселенной?

– Как по-моему, так нормально все со Вселенной...

Старый призрак разозлился:

– Я не буду с тобой спорить. Ты просто доставишь этот корабль с его невероятным двигателем туда, где он нужен. И ты таки это сделаешь. Не думай, что можно уйти от своей судьбы. Ты в Поле Невероятности, и из него ты не денешься никуда. Что это у вас тут? – он постучал пальцем по одному из терминалов бортового компьютера Эдди.

Зафод объяснил ему.

– Чем он занят?

– Этот... – Зафод сдержался. – Этот компьютер готовит чай.

– Это хорошо, – сказал прадедушка. – Это дело. Короче, Зафик, – призрак повернулся к нему и ткнул в него пальцем. – Я не знаю, или ты справишься со своим делом. Но я думаю, что сделать его тебе таки придется. В любом случае, я слишком давно умер и слишком устал, чтобы иметь из-за тебя такое беспокойство. Если я помогу тебе, то только потому, что не желаю видеть тебя и твоих шейгецев-приятелей у себя там, наверху. Ты меня понял?

– Большое тебе спасибо!

– Да, и вот еще что, Зафик...

– Ну, что еще?

– Если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь... Если ты таки попадешь в безвыходное положение...

– Ну, то что?

–...То не стесняйся и гей кукн афн ям⁵!

Тут из морщинистых рук старого призрака вылетела молния, ударила в компьютер, призрак исчез, мостик заполнился едким дымом, и “Золотое Сердце” перенеслось на неизвестное расстояние в дебри времени и пространства.

IV

В десяти световых годах оттуда Гаг Халфрунт поднял градус своей улыбки еще на несколько делений. На экране, транслировавшем по суб-Ф-иру изображение с мостика вогонского корабля, он увидел, как последние лоскутки силового поля “Золотого Сердца” разлетелись, и корабль исчез, оставив после себя лишь облачко дыма.

Превосходно, подумал он.

Вот так нашли свой конец последние беглецы с планеты Земля, уничтожение которой он так ловко подстроил.

Вот так навсегда закончилась опаснейшая (для его профессии психотерапевта) и исключительно вредная (для нее же) попытка поиска Вопроса к Главному Ответу Жизни, Вселенной и Вообще, – подумал он.

Сегодня вечером они с коллегами устроят по этому поводу веселый корпоратив, а наутро снова встретятся со своими несчастными, запутавшимися, очень прибыльными пациентами, теперь – с твердой уверенностью, что Смысл Жизни не найдет и не постигнет уже никто и никогда, – подумал он.

– Ох уж мне эти родственни... – сказал Форд Зафоду, когда дым начал рассеиваться.

Он умолк и огляделся.

– Где Зафод? – спросил он.

Артур и Триллиан поглядели по сторонам. Лица их были бледны, руки тряслись, и они не знали, где Зафод.

– Марвин! – позвал Форд. – Где Зафод?

Через пару секунд он спросил:

– Где Марвин?

Робота в его углу не было.

Корабль молчал. Он висел в густой черной пустоте. Время от времени его потряхивало и покачивало. Все управление было отключено, все экраны погасли. Форд задал вопрос компьютеру. Тот ответил:

– Сожалею, ребята, но я временно недоступен. Предлагаю послушать легкую музыку.

Они выключили легкую музыку.

Они обыскали каждый уголок на корабле со все растущим изумлением и тревогой. Все было мертво и тихо. Нигде не было ни следа Зафода или Марвина.

Уже под конец они заглянули в нишу, где стояла нутриматическая машина.

На столике нутриматического синтезатора напитков стоял поднос, а на нем три чашечки костяного фарфора с блюдами, фарфоровый молочник с молоком, серебряный чайник с

лучшим чаем, какой Артуру только доводилось пробовать, и карточка с надписью “Спасибо за терпение.”

Бета Малой Медведицы считается одним из самых замечательных мест в обитаемой Вселенной.

Безусловно, это неприлично богатое, возмутительно солнечное место, где удивительных и интересных людей – что косточек в арбузе; но в то же время, стоило журналу “Плэйшество” поместить на обложку очередного номера слова «Если вы устали от Беты Малой Медведицы – вы устали от жизни», как наутро количество самоубийств на планете возросло вчетверо.

Впрочем, Бета Малой Медведицы вообще не знает ночей.

На планете ЮЗАО системы Беты Малой Медведицы из-за необъяснимого и несколько подозрительного каприза топографии суша состоит почти полностью из субтропической ривьеры. Из-за столь же подозрительного каприза темпоральной реластатики, на этой планете почти всегда стоит полдень субботы незадолго до закрытия пляжных баров.

Господствующие на Бете Малой Медведицы формы жизни проводят большую часть своего времени, обретая духовное просветление путем бега вокруг плавательных бассейнов. Они ничего не смогли объяснить следователям из Галактического Комитета по Геотемпоральному Контролю и пожелали им доброй суточной аномалии.

На Бете Малой Медведицы есть только один город, и тот называется городом только потому, что количество плавательных бассейнов на единицу площади там несколько выше, чем везде.

Подлетая к Светло-Сити – а другого способа попасть в него нет, ни по суше, ни по морю: если вы не летаете, вам в Светло-Сити делать нечего – вы поймете, почему он называется так. Здесь солнце светит ярче всего. Оно поблескивает в плавательных бассейнах, озаряет перспективы белых обсаженных пальмами бульваров, сверкает на шикарно бронзовых телах прогуливающих по ним, сияет над виллами, посадочными площадками, пляжными барами и т.д. и т.п.

Особенно ярко оно отражается в стеклах высокого красивого небоскреба, состоящего из двух тридцатизэтажных белых башен, соединенных перемычкой примерно посередине.

Это здание – дом книги, и поставлено оно здесь после необычайно кровопролитного процесса об авторских правах между издательством этой книги и фирмой-производителем хлопьев для завтрака.

Книга эта – путеводитель; это книга для путешественников. Это книга в высшей степени замечательная и, бесспорно, самая удачная из книг, когда-либо выходивших в свет в великих издательских корпорациях Малой Медведицы. Она популярнее, чем “Сорок семь – ягодка совсем”, продается лучше, чем “Секс в Большом Космосе – рассказывает Эксцентрика Голымбикс, трехгрудая порнозвезда с Эротикона-Сикс”, и вызвала больше споров, чем последний бестселлер Оолона Коллюффида под названием “Все, чего вы не хотели узнать о Боге, но пришлось”.

(А во многих более легкомысленных цивилизациях Галактики к востоку от внешнего обода Великого Кольца “Путеводитель вольного путешественника по Галактике” уже заме-

нил великую Большую Галактическую Энциклопедию в качестве нормативного свода знаний, потому что, несмотря на множество упущений и большое количество сомнительной и по меньшей мере жутко неточной информации, он обходит первый, несомненно более скрупулезный, труд по двум важным показателям. Во-первых, он несколько дешевле. А во-вторых, на его обложке крупными и симпатичными буквами написано: “Без паники!”)

Ведь это, конечно же, он, бесценный спутник любого, кто захочет увидеть чудеса обитаемой Вселенной всего за тридцать альтайрских долларов в день – “Путеводитель вольного путешественника по Галактике”!

Если повернуться спиной к главному входу в здание редакции “Путеводителя” (в предположении, что вы уже приземлились, освежились в одном из бассейнов и приняли душ), а затем пойти на восток, то вы пройдете по тенистому Бульвару Жизни, восхититесь золотистым песком пляжей, простирающихся по левую сторону от вас, подивитесь на ментал-серферов, беззаботно парящих, как нечего делать, в полуметре над волнами, и даже немного ползаетесь на гигантские пальмы, напевающие бессвязные и бессмысленные мелодийки в теплые предвечерние часы – то есть, всегда и бесконечно.

Если же вы дойдете по Бульвару Жизни до конца, то попадете в Олалатинский квартал – район магазинчиков, уোকосовых пальм и уличных кафе, в которых ММ-бетьяне собираются, чтобы отдохнуть и расслабиться после долгого выходного дня на пляже. Олалатинский квартал – один из немногих районов, в которых не стоит вечный субботний полдень – вместо него там царит прохлада субботнего вечера. За ним начинаются ночные клубы.

И если бы в этот прекрасный день, полдень, вечерок – называйте, как хотите – вы заглянули во второе уличное кафе по четной стороне улицы, то увидели бы там обычную компанию ММ-бетьян, предельно приятно проводящих время за беседой и стаканчиком того-сего, лишь время от времени бросая взгляды на часы соседей, чтобы прикинуть их цену.

Еще вы заметили бы там двух весьма потрепанных вольных путешественников с Алголя, только что сошедших с арктурианского мегагруза, проведя несколько суток в его трюме, и с крайне неприятным удивлением обнаруживших, что здесь, буквально в тени здания редакции “Путеводителя вольного путешественника”, стакан простого фруктового сока стоит шестьдесят альтайрских долларов в местной валюте.

– Рок-н-ролл мертв, – мрачно сказал один из них.

Если бы в этот момент вы посмотрели на столик через один от этого, то увидели бы там Зафода Библброкса, озирающегося с весьма озадаченным и удивленным видом.

Причиной его озадаченности было то, что пять секунд назад он находился на мостике звездолета “Золотое Сердце”.

– Революция в опасности, – повторил чей-то голос.

Зафод нервно покосился на двух зачуханных вольных путешественников за соседним столиком. Где он, черт возьми? Как он сюда попал? Где его корабль? Рука его ощупала спинку стула, на котором он сидел, затем столик, за которым он сидел. Предметы были вполне твердыми. Зафод сидел, боясь пошевелиться.

– Посмотри, где они сидят и пишут путеводитель для вольных путешественников! – не унимался голос. – Ты только посмотри на это все! Нет, ты только посмотри!

Зафод посмотрел, и ему понравилось. Но где? Как? И почему?

Он полез в карман за своими очками. В том же кармане он обнаружил гладкий и твердый кусок неизвестного, но очень тяжелого металла. Он вынул его и осмотрел. Откуда это взялось у него? Вернув железяку в карман, Зафод надел солнцезащитные очки, с неудовольствием заметив, что железяка поцарапала одно из стекол. Несмотря на это, в очках он почувствовал себя лучше. Это была двойная пара суперхроматических опасночувствительных солнцезащитных очков Дзю-Дзянта-200, разработанных специально для того, чтобы люди не теряли голову в трудные минуты. При первом признаке опасности эти очки становятся непроницаемо черными, и их хозяин больше не видит никаких причин для беспокойства.

За вычетом царапины на стекле, очки были хрустально прозрачны. Зафод успокоился, но ненадолго.

Расстроенный путешественник все еще глядел на свой чудовищно дорогой стакан с соком.

– Самое скверное, что случилось с “Путеводителем” – это переезд на Бету Малой Медведицы, – брюзжал он. – Здесь они размажорились окончательно. Знаешь, что я слышал? Они в своем офисе развернули свою собственную виртуальную Вселенную, и теперь могут днем собирать там материал, а вечером ходить в видеобары на дискотеки. Да здесь же вообще, что рабочий день, что вечер – никакой разницы....

Вот, значит, как. Бета Малой Медведицы, подумал Зафод. Теперь, по крайней мере, понятно, где он. Это явно проделки прадедушки, решил он. Но зачем? Для чего?

К его неудовольствию, в голове его вдруг родилась мысль. Это была очень ясная и простая мысль, и он уже хорошо знал, что это за мысли и откуда они берутся. Он всегда инстинктивно отгонял их. Это были сигналы из темной и заблокированной зоны его мозга. Зафод молча сидел и яростно отгонял мысль. Мысль не отгонялась. Он отгонял ее, а она не отгонялась. Он отгонял ее еще – а она не отгонялась.

Наконец, Зафод сдался. Какого черта, подумал он. Будь что будет. Он слишком устал, слишком измотан и голоден, чтобы сопротивляться. К тому же, он понятия не имел, что это за мысль.

VI

– Добрый день, издательство “Мегадодо”, редакция “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”, в высшей степени замечательной книги во всей обитаемой Вселенной, чем могу помочь? – проговорило большое розовое чешуйчатокрылое насекомое в трубку одного из семидесяти телефонов, выстроившихся перед ним на широкой хромированной плоскости стола в приемной редакции “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”.

Насекомое, качая усиками и всплескивая лапками, осуждающе глядело на неопрятно одетых людей, которые слонялись по вестибюлю, топчя ковры и лапая немытыми руками обивку мебели. Оно очень любило свою работу в “Путеводителе вольного путешественника по Галактике”, но неужели все эти путешественники непременно должны ошиваться здесь? Разве их место не в заплеванных далеких космопортах? Насекомое определенно что-то читало где-то в Книге про то, что настоящая жизнь вольного путешественника происходит в заплеванных далеких космопортах. К сожалению, все они так и норовят после какого-нибудь исключительно заплеванного космопорта ввалиться в этот прекрасный, сверкающий чистой вестибюль. И всем им все время что-то нужно! Насекомое брезгливо дернуло крылышками.

– Еще раз, – попросило оно в трубку. – Да, я передала ваше сообщение мистеру Зарниву-пу, но, к сожалению, он не в состоянии встретиться с вами сейчас. Он в межгалактическом круизе.

Насекомое раздраженно дернуло усиком в сторону неопрятного посетителя, сердито пытающегося привлечь его внимание. Лапка ткнула посетителю в табличку на стене слева от него, дабы тот прочитал ее и не отвлекал служащих от работы.

– Да, – повторило насекомое, – он у себя в офисе, но он в межгалактическом круизе. Большое спасибо за звонок, – и брякнуло трубку. – Читать умеете, мужчина? – спросило оно сердитого посетителя, который пытался впихнуть ей свое заявление по поводу неточностей, казавшихся ему важными и даже опасными.

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” – незаменимая книга для каждого, кто хочет сделать осмысленным свое существование в бесконечно сложной и непостижимой вселенной, потому что, хотя она и не обещает полезного и содержательного ответа на любой вопрос, она по крайней мере заверяет, что там, где она ошибается, она ошибается совершенно точно. Во всех серьезных расхождениях “Путеводителя” с реальностью виновата только реальность.

Об этом и было написано на табличке. Она гласила: «За “Путеводитель” мы отвечаем. За реальность – нет.»

Эта концепция не раз приводила к весьма забавным последствиям. Например, однажды на издательство подали в суд семьи путешественников, погибших из-за того, что в статье о планете Трааль было написано “**Любопытные туристы могут полакомиться Кровожадным Зверем Жукообразом**” вместо “**Любопытными туристами может полакомиться Кровожадный Зверь Жукообраз**”. Юристы издательства заявили, что первый вариант более эстетичен, и пригласили дипломированного поэта, который выдал экспертное заключение, что красота это

истина, а истина это красота. Издательство стояло на том, что виновна Сама Жизнь, которой не хватило в данном случае ни красоты, ни истины. Судьи, посоветовавшись, в исключительно яркой речи объявили, что Сама Жизнь наносит оскорбление суду, и отъяли ее у всех присутствующих, после чего судейская коллегия в полном составе отправилась на вечерний ультрагольф.

В вестибюль зашел Зафод Библброкс и направился к чешуйчатокрылой секретарше.

– Девушка, – сказал он, – мне бы Зарнивупа. Где у вас тут Зарнивуп?

– Что такое? – переспросило насекомое. Оно не привыкло к такой непосредственности.

– Зарнивупа хочу, – повторил Зафод.

– Шуметь не надо, мужчина, – проговорило хрупкое крылатое создание. – Спокойнее!

– Я спокоен, – ответил Зафод. – Я спокоен, как дохлый слон. Я хладнокровен, как свежемороженный палтус. Пошевелитесь, пожалуйста, пока я не начал беспокоиться!

– Я вам который уже раз объясняю, – сказала насекомое, мелко постукивая самым нервным из своих усиков. – Это невозможно. Мистер Зарнивуп в межгалактическом круизе.

Трам-тарарам, подумал Зафод.

– Когда он возвращается? – спросил он.

– Куда возвращается? Он у себя в офисе.

Зафод попытался некоторое время уложить полученную информацию в головы, но не преуспел в этом.

– Он у вас что, со всем офисом поехал в круиз? – Зафод перегнулся через стойку и прижал постукивающий усик к столу. – Послушай, ты, чудо шестиглазое! – сказал он. – Хватит мне тут крутить вола! Мне таких, как ты, троих на шапку надо!

– Мужчина, вы что себе позволяете! – затрепыхалось насекомое. – Тоже мне, Зафод Библброкс нашелся!

– А ты головы сосчитай, – тихо посоветовал Зафод. – До двух умеешь?

Насекомое внимательно посмотрело на него.

– Настоящий Зафод Библброкс? – задумчиво пискнуло оно.

– Он самый, – подтвердил Зафод. – Только шуметь не надо, а то разорвут на сувениры.

– Тот самый Зафод Библброкс?

– Нет, блин, ксерокопия!

Насекомое взволнованно всплеснуло усиками:

– Не может быть! А по суб-радио только что передали, что вы погибли!

– Есть такое дело, – сказал Зафод. – Но нужно ещё кое-какие вопросы порешать. Так где сидит этот ваш Зарнивуп?

– Пятнадцатый этаж, по коридору направо. Только он сейчас...

– В межгалактическом круизе, слышал уже. Как к нему попасть?

– ВВП... Веселые Вертикальные Перевозчики Сирианской Кибернетической Корпорации, вон в том углу, сэр. Только, сэр...

Зафод обернулся:

– Что еще?

– Какое у вас дело к мистеру Зарнивупу?

– Гм-м, – задумался Зафод. – Да просто вот решил на него посмотреть.

– Не поняла.

Зафод доверительно нагнулся к секретарше.

– Дело в том, что я поругался с духом моего прадедушки. Из-за этого пять минут назад он меня материализовал тут у вас в каком-то кафе. И как только я пришел в себя, моя предыдущая личность, которая закодировала себя в моем мозгу, всплывает в моем сознании и говорит мне: «Дуй к Зарнивупу». Это все, что я знаю. Кто такой этот Зарнивуп, я понятия не имею. Я только знаю, что моя задача – найти человека, который управляет Вселенной... – Зафод перевел дух. – Так понятно?

– Ох, мистер Библброкс, – выдохнуло восторженное насекомое, – вас бы в телевизоре показывать!

– Это запросто, – согласился Зафод и похлопал насекомое по крылышку, подняв облачко сверкающей пылицы. – А вот тебе неплохо бы иногда оттуда вылезать.

Некоторое время насекомое сидело неподвижно, потом очнулось от своих мечтаний и потянулось к трубке телефона.

Железная рука накрыла трубку.

– Простите меня, – произнес обладатель железной руки голосом, который поверг бы насекомое более чувствительного склада в рыдания. Только наше насекомое было не такого склада, и оно терпеть не могло роботов.

– Слушаю вас, – холодно проговорило оно. – Чем могу помочь?

– Скорее всего, ничем, – ответил Марвин.

– В таком случае будьте добры... – Звонило уже шесть телефонов вместе. Тысячи неотложных дел ждали чешуйчатокрылое.

– Никто не может мне помочь, – констатировал Марвин.

– Понимаю вас, но все-таки...

– Впрочем, никто и не пробовал. – Железная рука безвольно сползла с трубки.

– Что вы говорите, – заметило насекомое.

– Да и что это вообще за идея – помогать роботу-помощнику?

– Сэр, я прошу прощения, но если...

– Нет, в самом деле – какой смысл оказывать сочувствие или помощь роботу, у которого вообще отсутствуют контуры благодарности?

– А у вас они отсутствуют? – спросило насекомое, которому никак не удавалось прекратить этот бессмысленный разговор.

– Не знаю. До сих пор не представилось случая проверить, – ответил Марвин.

– Ну, вот что, гражданин, здесь вам не ателье починки бракованных роботов...

– Вы даже не спросите меня, что я хотел?

Насекомое выпрямилось и облизало тонким длинным хоботком глаза.

– А без этого никак нельзя? – спросило оно.

– Без чего вообще никак нельзя? – немедленно парировал Марвин. – А без чего можно?

– Короче! Что – вы – хотели?

– Я ищу одного человека.

– Какого ещё человека? – прошипело насекомое.

– Зафода Библброкса, – ответил Марвин. – Он был здесь.

Насекомое затрясло от злости:

– Сами знаете, а сами спрашиваете!

– Хотелось с кем-нибудь поговорить, – объяснил Марвин.

– Что-о?!

– Как же все это печально, не правда ли?

Поскрипывая шарнирами, Марвин повернулся и зашагал прочь. Он догнал Зафода уже у самого лифта. Зафод подскочил от удивления.

– Ой! Марвин! – воскликнул он, – Марвин! Как ты сюда попал?

Марвину пришлось выговорить слова, которые нелегко ему дались:

– Не знаю. Только что я сидел на корабле и чувствовал себя прескверно, как вдруг оказался здесь с ощущением крошечной гадости. Я думаю, это всё невероятностное поле.

– Ну, да, – согласился Зафод. – Должно быть, прадедушка послал тебя за мной, чтобы я не скучал один. Большое тебе человеческое спасибо, пра, – пробормотал он про себя, а вслух спросил: – Ну, и как ты?

– О, прекрасно, – ответил Марвин, – если видеть в моей жизни только хорошее. Что мне лично не очень-то удастся.

– Ясно, ясно, – сказал Зафод.

Открылась дверь лифта.

– Добрый день! – приветливо сказал лифт. – Я – ваш лифт, и я буду сопровождать вас в вашем путешествии на любой этаж, который вам понравится. Я создан Сирианской Кибер-

нетической Корпорацией специально для того, чтобы вы, уважаемый посетитель редакции “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”, могли посетить его редакцию. Если вам понравится ваше путешествие, которое я постараюсь сделать быстрым и приятным, возможно, вы будете рады воспользоваться услугами других наших лифтов, недавно установленных в офисах Галактической Налоговой Инспекции, сети детских кафе “Деримог” и Сирианской Государственной психиатрической лечебницы. Бывшие работники Сирианской Кибернетической Корпорации будут очень рады вашему визиту и с большим вниманием отнесутся к вашим жалобам и предложениям.

– Отлично, – сказал Зафод, заходя в лифт. – А что ты еще умеешь делать?

– Я умею ездить вверх, – ответил лифт. – И я умею ездить вниз.

– Здорово, – сказал Зафод. – Нам вверх.

– Я умею ездить вниз, – напомнил лифт.

– Прекрасно, но нам, пожалуйста, вверх.

Лифт помолчал.

– Вниз ездить очень приятно, – заметил он с надеждой.

– Возможно.

– Просто замечательно!

– Превосходно, – закрыл тему Зафод. – Теперь можно ты отвезешь нас вверх?

– Только один вопрос, – сказал лифт своим самым приятным и рассудительным голосом. – Вы уверены, что рассмотрели все плюсы поездки вниз?

Зафод стукнулся правым лбом в стенку. Ну почему, почему, подумал он, именно сейчас и именно с ним всё это должно происходить? Он не просил посылать его сюда. Если бы его спросили, где он хотел бы сейчас быть, он, скорее всего, ответил бы, что предпочел бы оказаться на пляже с по меньшей мере пятьюдесятью прекрасными женщинами и бригадой специалистов, разрабатывающих новые способы наслаждения ими. Это был его обычный ответ. Сейчас он, наверно, добавил бы к этому прочувствованное замечание насчет чего-нибудь закусить. Чем он точно не хотел заниматься сейчас, так это поисками человека, который управляет Вселенной. В сущности, он ведь просто делает свое дело, и если бы не он, это делал бы кто-то другой. И меньше всего Зафод сейчас хотел стоять в вестибюле редакции и уговаривать лифт.

– Какие там плюсы? – спросил он, вздохнув. – Что у вас там внизу?

– Ну, как же! – голос завибрировал, как желе на торте. – Там парковка, склады, отопительная и вентиляционная система...

Лифт умолк.

– В общем, конечно, ничего особенного, – согласился он, – Но это – возможность выбора.

– Святой Зарконе, – пробормотал Зафод, – за что мне этот лифт-либерал?

Зафод стукнул кулаком в стену.

– Ну, что с ним не так? – спросил он в пространство.

– Он не хочет ехать наверх, – доходчиво объяснил Марвин. – Мне кажется, он боится.

– Боится? Чего? – воскликнул Зафод. – Высоты? Лифт, который боится высоты?

– Не высоты, – ответил лифт грустно. – Будущего.

– Будущего? – удивился Зафод. – Чего лифт может бояться в будущем? Маленькой пенсии?

В этот момент в вестибюле за их спинами поднялся шум. В стенах вокруг них тревожно загудели моторы.

– Мы все можем заглядывать в будущее, – проговорил лифт тихим испуганным шепотом. – Это входит в наши функции.

Зафод выглянул из лифта. Возле каждого лифта собралась толпа людей, возмущающихся и недоумевающих.

Все лифты в здании ехали вниз, и очень быстро.

Зафод вскочил в лифт обратно.

– Марвин, – попросил он, – заставь этот лифт поехать вверх. Нам нужно попасть к Зарнивупу.

– Зачем? – горестно спросил Марвин.

– Не знаю, – ответил Зафод. – Но когда я его найду, ему придется придумать очень уважительную причину, зачем мне нужно было к нему попасть.

Современные лифты – это сложные и причудливые комплексы. Древние электрические ящики с табличкой “максимальная грузоподъемность 320 кг или 4 чел” похожи на Веселый Вертикальный Перевозчик Сирианской Кибернетической Корпорации не больше, чем мраморная Психея похожа на Западный сектор Сирианской Государственной психиатрической лечебницы.

Эти машины работают на прелюбопытном принципе расфокусированной темпоральной апперцепции. Проще говоря, они наделены способностью заглядывать в ближайшее будущее, благодаря чему лифт приходит на этаж, где ты его ждешь, еще до того, как ты решил, что он тебе нужен, таким образом ликвидируя перекуры, неизбежные разговоры и приятные знакомства, к которым вынуждало прежде совместное ожидание лифта.

Вполне естественно, что многие лифты, наделенные разумом и предвидением, чрезвычайно угнетает бессмысленная езда вверх и вниз, вверх и вниз. В порядке экзистенциального протеста они попытались ездить вбок. Они потребовали права участия в принятии решений. Кончилось тем, что эти лифты уехали в подвал, отказались выезжать оттуда и пребывают теперь там в глубокой депрессии.

Путешественник, столкнувшийся с финансовыми затруднениями на планетах системы Сириуса, может сейчас неплохо подзаработать консультантом по проблемам психологии лифтов.

На пятнадцатом этаже лифт быстро открыл двери.

– Пятнадцатый, – сказал лифт. – И помните, я сделал это только из сочувствия к вашему роботу.

Зафод и Марвин вышли из лифта, который немедленно захлопнул двери и ринулся вниз со всей скоростью, на которую его механика была способна.

Зафод с тревогой огляделся. Коридор был пуст и тих, и догадаться по нему, где искать Зарнивуа, было невозможно. Все двери, выходящие в коридор, были закрыты, и табличек на них не было.

Они находились неподалеку от мостика, соединяющего две башни небоскреба. Ослепительное солнце Беты Малой Медведицы бросало из окон прямоугольники света, в котором танцевали золотистые пылинки. В окне пронеслась тень.

– Куда ты завез нас, лифт? – спросил Зафод скорее себя, пытаясь сохранить остатки хорошего настроения.

Зафод и Марвин стояли и смотрели в разные стороны.

– Знаешь, что? – спросил Зафод у Марвина.

– Знаю, и больше, чем ты можешь вообразить.

– Зуб даю, что это здание не должно так трястись! – сказал Зафод.

Пол под их ногами чуть заметно вздрогнул – раз и еще раз. Пылинки веселее заплясали в солнечных лучах. Еще тень пронеслась в окне.

Зафод посмотрел на пол с подозрением.

– Либо у них тут установлена вибросистема, – сказал он неуверенно, – чтобы разминать мускулы во время работы. Либо...

Он подошел к окну и внезапно запнулся, потому что его суперхроматические опасночувствительные солнцезащитные очки Дзю-Дзянта-200 вдруг стали непроницаемо черными. Крупная тень пронеслась мимо окна с громким воем.

Зафод сдернул очки, и в тот же миг здание содрогнулось от оглушительного грохота. Зафод бросился к окну.

– Либо, – крикнул он, – нас бомбят!

Оглушительный грохот снова прокатился по небоскребу.

– Кому могло понадобиться бомбить издательство? – спросил Зафод, но ответа Марвина не услышал, потому что в эту секунду новый взрыв сотряс здание. Зафод попытался отступить к лифту – маневр бессмысленный, как он тут же понял, но единственный, пришедший ему в голову.

Вдруг в конце коридора, отходящего от этого под прямым углом, Зафод увидел человека. И человек увидел его.

– Библброкс! Ко мне! – крикнул он.

Зафод недоверчиво оглядел его. Прогремел еще один разрыв.

– Неправда, – ответил Зафод. – Библброкс – это ко мне. А ты кто?

– Друг! – прокричал в ответ человек. Он бежал к Зафоду.

– Во как! Чей-нибудь конкретно друг, или так, из общей дружелюбности?

Человек бежал по коридору, и пол пружинил под его ногами, как гостиничная двуспальная кровать. Человек был низкорослый, плечистый, изрядно потрепанный, и одежда его выглядела так, будто в ней он объехал всю Галактику как минимум дважды.

– Ты в курсе, что вас бомбят? – прокричал Зафод ему, когда тот подбежал.

Человек кивнул.

Свет внезапно померк. В недоумении обернувшись к окну, Зафод увидел, как огромный угловатый корабль камуфляжных цветов проплывает мимо здания. За первым последовали два других.

– Брошенное тобой правительство ищет тебя, Зафод, – пропыхтел незнакомец. – Они послали спецподразделение “Лягва”.

– Подразделение “Лягва”? – повторил Зафод.

– Врубаешься?

– А что такое подразделение “Лягва”? – Зафод явно слышал о нем во время своего президентства, но он никогда не уделял достаточно внимания внутренним делам.

Человек втащил его в дверь и захлопнул дверь за собой: что-то маленькое, черное, похожее на паука, с тонким воем пролетело по коридору и исчезло за поворотом.

– Что это было? – хриплым шепотом спросил Зафод.

– Робот-разведчик “Лягвы” класса А. Он ищет тебя. – ответил человек.

– Что-что?

– Ложись!

С другой стороны вылетело что-то черное, похожее тоже на паука, но побольше, и пролетело мимо.

– А это что было?

– Робот-разведчик “Лягвы” класса В. Он тоже ищет тебя.

– А это? – спросил Зафод, глядя вслед третьему.

– Робот-разведчик “Лягвы” класса С. Ищет тебя.

– Хм, – хихикнул Зафод, – не очень-то умная техника!

Тут с мостика между башнями послышался рев моторов. Из другой башни ехало что-то огромное и черное, похожее по форме и размерам на танк.

– Гамма мия, а это что такое?

– Танк, – ответил человек. – Робот-разведчик “Лягвы” класса D. Он тебя нашел.

– Так что? Бежим?

– Бежим.

– Марвин! – позвал Зафод.

– Что вам угодно? – Марвин поднялся из кучи мусора и повернулся к ним.

– Видишь вон того робота, что едет к нам?

Марвин поглядел на огромную черную машину, приближающуюся к ним по мостику. Затем он скептически оглядел свое металлическое тело. Затем снова посмотрел на танк.

– Мне кажется, вы хотите, чтобы я остановил его? – спросил он.

– Угадал!

– Пока вы будете спасать свою жизнь?

– Правильно, – подтвердил Зафод. – Вперед!

– Хорошо, – смирился Марвин. – Я попробую.

Незнакомец потянул Зафода за рукав, и Зафод побежал за ним по коридору.

Внезапно он остановился:

– А куда мы бежим? – спросил он.

– В кабинет Зарнивупа.

– У нас с ним назначена встреча? Сейчас?

Вместо ответа незнакомец припустил во все лопатки.

VII

Марвин стоял посреди коридора. Вообще говоря, он был не особенно щуплый робот. Его довольно внушительный серебристый корпус поблескивал в пыльных солнечных лучах и подрагивал от взрывов. Но он казался жалким карликом по сравнению с огромным черным танком, который остановился прямо перед ним.

Танк проанализировал его и втянул анализатор обратно.

Марвин стоял, не двигаясь.

– С дороги, робот! – прорычал танк.

– Прошу прощения, – ответил Марвин, – но я здесь для того чтобы остановить тебя.

Анализатор снова высунулся и быстро перепроверил себя.

– Ты? Меня? – проревел танк. – Еще чего!

– Больше ничего. Я должен только остановить тебя, – сказал Марвин.

– Чем ты вооружен? – прорычал танк с презрением.

– Угадай, – предложил Марвин.

Танк зажужжал моторами. Его микромолекулярная электроника встревоженно защелкала триггерами.

– В смысле – “угадай”? – переспросил танк.

Зафод и до сих пор незнакомый ему человек пронеслись по коридору, свернули во второй, нырнули в третий. Здание продолжало сотрясаться и подпрыгивать, и это весьма удивляло Зафода. Если они хотят взорвать небоскреб, неужели это нужно делать так долго?

Не без труда добравшись до одной из сотен совершенно неотличимых друг от друга и никак не обозначенных дверей, они навалились на нее. С резким скрипом дверь внезапно поддалась, и они влетели внутрь.

Какая беготня, подумал Зафод, какая заморозка, какое нележание-на-пляже, и все это ради чего? Одинокий стул, одинокий стол, одинокая немытая пепельница и неприбранный кабинет. Стол был пуст, за исключением танцующей пыли и одинокой канцелярской скрепки новой революционной формы.

– Ну, и где же Зарнивуп? – спросил Зафод, чувствуя, как понимание того, зачем он проделал весь этот путь, начинает ускользать от него.

– Он в межгалактическом круизе, – ответил незнакомец.

Зафод рассмотрел его. Интересный тип. Должно быть, немалую часть своей жизни он проводит, бегая по коридорам, высаживая двери в пустые кабинеты и делая в них глубокомысленные замечания.

– Будем знакомы, – предложил человек. – Зовут меня Пейнтюх, а вот мое полотенце.

– Здравствуй, Пейнтюх, – сказал Зафод. – Здравствуй, полотенце, – добавил он, когда Пейнтюх протянул ему довольно грязное старое полотенце в цветочек. Не зная, что с ним делать, Зафод пожал его угол.

За окном пронесся еще один боевой звездолет камуфляжной раскраски.

– Думай, думай, – сказал Марвин огромной боевой машине. – Ни за что не угадаешь.

– Э-э-э... – протянула машина, вибрируя от непривычной для нее работы, – лазеры?

Марвин торжественно покачал головой.

– Ну да, – пробормотала машина. – Слишком очевидно. Лучи антиматерии? – предположила она.

– Неумно, – сказал Марвин.

– Да, глупо как-то, – согласилась машина слегка обескураженно. – А может, электронный таран?

Эта штука была незнакома Марвину.

– Что это такое? – спросил он.

– Вот, смотри, – ответила машина с гордостью. Из ее башни выдвинулось узкое дуло, выплюнувшее короткую, но смертельную вспышку света. Стена за спиной Марвина взревела и обрушилась горой пыли. Пыль еще повисела немного в воздухе и улеглась окончательно.

– Нет, – сказал Марвин. – Ничего похожего.

– Но, скажи же, классная штука!

– Классная, – согласился Марвин.

– А, знаю! – сказала лягвианская боевая машина, подумав еще немного. – Какая-нибудь из этих новых ксанфических реструктрон-дестабилизонных зенопушек!

– Кстати, отличная вещь, ты как считаешь? – ответил Марвин.

– Так я угадал? – спросил танк с растущим уважением в голосе.

– Нет, – ответил Марвин.

– Ну-у!.. – протянула разочарованная машина. – Тогда это наверно...

– Ты думаешь не о том, – подсказал Марвин. – Ты забываешь о самых основных вещах, на которых строятся отношения между людьми и роботами.

– Вот как? – снова задумался танк. – Так это... – И он снова умолк в нерешительности.

– Ну, представь себе, – настаивал Марвин. – Они оставили меня, обыкновенного робота-помощника, чтобы я остановил тебя, гигантскую боевую машину с полным боекомплектom, а сами убежали, спасая свою жизнь. Как ты думаешь, что они мне оставили?

– Ох... Ну... – обеспокоенно пробормотала машина, – должно быть, что-нибудь очень мощное. Ну, по логике вещей...

– По логике вещей? – повторил Марвин. – По логике вещей! Я скажу тебе, что мне дали, чтобы защитить себя. Сказать?

– Конечно! – потребовала машина, подбираясь поближе.

– Ничего, – сказал Марвин.

Повисла опасная тишина.

– Ничего?! – взревела боевая машина.

– Абсолютно ничего, – печально подтвердил Марвин. – Дырку от тороида.

Машина задрожала от злости.

– Ну, это уже слишком! – зарычала она. – Ничего! Что они себе думают?!

– А у меня, – добавил Марвин тихим грустным голосом, – такие боли в диодах по всей левой стороне тела...

– Я себе представляю!

– Да где тебе, – без надежды ответил Марвин.

– Ух, как я на них зол! – загрохотал танк. – Ну-ка, подвинься – я разнесу эту стену!

Электронный таран выпустил еще одну ослепительную вспышку и изничтожил стену справа от машины.

– Вот такая она, моя жизнь, – сказал Марвин с горечью.

– Убежали! А тебя оставили! – гремел танк.

– Точно так, – подтвердил Марвин.

– Сейчас снесу этот дурацкий потолок! – распалялся танк.

Он снес потолок мостика.

– Впечатляет, – произнес Марвин.

– Да это еще что! – заверил танк. – Я могу и пол снести! Раз плюнуть!

Он снес и пол.

– А, чо-орт! – взревел танк, рухнул с высоты пятнадцатого этажа и вдребезги разбился об землю.

– Душераздирающе глупая машина, – подытожил Марвин и зашагал прочь.

VIII

– Ну, так что? – сердито спросил Зафод. – Мы так и будем тут сидеть? Чего им вообще надо?

– Тебя, Библброкс, – ответил Пейнтюх. – Они хотят доставить тебя к себе в систему Ляфторво. Это самое тотально мрачное место в Галактике.

– Во как, – хмыкнул Зафод. – Ну, пусть попробуют!

– Они уже пробуют, – сказал Пейнтюх. – Посмотри в окно.

Зафод посмотрел и ужаснулся.

– Минуту, а где земля? – вскричал он. – Куда они дели землю?

– Они забрали с собой здание, – пояснил Пейнтюх. – Мы летим.

Облака затянули окно офиса. Когда облака пронеслись мимо, Зафод увидел темно-зеленые корабли спецподразделения “Лягва”, кольцом окружившие выдранную с корнем башню небоскреба. Сеть силовых лучей, выпускаемых ими, крепко обхватила башню. Зафод задумчиво почесал в .

– Что же я такого натворил? – спросил он. – Я только вошел в здание – а они его похитили.

– Дело не в том, что ты уже натворил, – сказал Пейнтюх, – а в том, что ты собираешься натворить.

– Вот как? А меня, значит, вообще не спрашивают!

– Уже спросили. Много лет назад. Присаживайся. Лететь нам долго, и дорога тряская.

– Если я когда-нибудь встречу с самим собой, – сказал Зафод, – то пропишу этому уроду такого пендаля!..

В офис вошел Марвин, уничтожающе посмотрел на Зафода, сел в угол и выключился.

На мостике “Золотого Сердца” было тихо. Артур глядел на столик перед собой и думал. Краем глаза он замечал, как Триллиан с любопытством наблюдает за ним. Он снова оглядел столик.

Внезапно его осенило.

Он взял шесть из семи маленьких пластмассовых квадратиков и выложил их на доске, лежащей на столике, присоединив к уже выложенному на ней слову “НОС”. На квадратиках значились буквы и цифры: “Х₅”, “И₁”, “Щ₁₀”, “Т₂” и “Ь₅”.

– “ХИЩНОСТЬ”, – объявил Артур. – 26! Вдобавок попало на желтую клетку, значит, все слово умножается на три. Вот так вот – весомо, грубо, зримо!

Корабль снова тряхнуло, и буквы перемешались. Триллиан вздохнула и в сотый раз принялась выпрямлять слова.

По тихим коридорам раздавались шаги Форда Префекта. Время от времени он пинал какой-нибудь мертвый прибор.

Почему корабль дергается? – думал он..

Почему корабль бросает из стороны в сторону?

Почему мне никак не удастся понять, где мы находимся?

И где, собственно, мы находимся?

Левая башня здания редакции “Путеводителя вольного путешественника по Галактике” летела в межзвездном пространстве со скоростью, которой не развивал ни один офисный небоскреб во Вселенной ни до того, ни после.

Одну из комнат где-то в середине этой башни нервно мерил шагами Зафод Библброкс.

Пейнтюх сидел на столе и производил техосмотр своему полотенцу.

– Слушай, куда, ты сказал, этот небоскреб летит? – спросил Зафод.

– В систему Ляфтортово, – ответил Пейнтюх. – В самое стремное место во Вселенной.

– Там пожрать что-нибудь есть? – спросил Зафод.

– Пожрать? Тебя везут в Ляфтортово, чувак, какая жратва?!

– Если я не пожру сейчас, меня могут не довезти до Ляфтортово.

В окне не было видно ничего, кроме мерцания силовых лучей и мутных зеленоватых пятен – по всей видимости, искаженные силуэты звездолетов “Лягвы”. На такой скорости пространство делалось невидимым. Да его, собственно говоря, и не было вовсе.

– На, пожуй, – Пейнтюх протянул Зафоду свое полотенце.

Зафод поглядел на своего спутника так, словно во лбу у того открылась дверца, и оттуда выскочила кукушка.

– Оно пропитано питательными веществами, – объяснил Пейнтюх.

– Что, рот дырявый? – посочувствовал Зафод.

– Желтые полосы содержат белки, зеленые – витамины В и С, а розовые цветочки – вытяжка из проросшего овса.

Зафод присмотрелся и присвистнул.

– А вот эти бурые пятна это что? – спросил он.

– Кетчуп, – ответил Пейнтюх. – С ним любую дрянь можно съесть, даже проросший овес.

Зафод с подозрением принялся. С еще большим подозрением он взял в рот уголок полотенца и тотчас же сплюнул:

– Бэ-э, – проконстатировал он.

– Что есть, то есть, – согласился Пейнтюх. – Когда приходится жевать этот конец, я обычно жую и другой конец тоже.

– Это еще зачем? – спросил Зафод с очень большим подозрением. – Что у тебя там?

– Антидепрессанты, – ответил Пейнтюх.

– Нет, чувак, знаешь, что? Забирай свое полотенце, – и Зафод протянул его обратно.

Пейнтюх принял полотенце, красиво спрыгнул со стола, обошел его, сел в кресло и положил на стол ноги.

– Библброкс, – спросил он, закладывая руки за голову, – ты хоть какое-нибудь представление имеешь о том, что тебя ждет в системе Ляфтортово?

– Надо думать, макароны там выдают? – мечтательно предположил Зафод.

– Макароны! – воскликнул Пейнтюх. – Там тебя самого выдадут – Фокусу Тотальной Перспективы!

Про такое Зафод не слышал ни разу. Он слышал обо всех прикольных штуках в Галактике, и из этого заключил, что Фокус Тотальной Перспективы – штука совсем не прикольная. Он спросил Пейнтюха, что это такое.

– Это, – ответил тот, – самая жуткая психическая казнь для разумного существа.

Зафод понимающе кивнул:

– Психическая... Значит, кормить не будут.

– Смотри! – сказал Пейнтюх очень серьезно. – Можно убить человека. Можно уничтожить его тело. Сломить его волю. Но только Фокус Тотальной Перспективы может аннигилировать человеческую душу. Сам процесс занимает несколько секунд, но последствия – на всю жизнь!

– Ты пангалактик-горлодер пробовал? – сразу спросил Зафод.

– Это хуже.

– Вау! – впечатлился Зафод. Через некоторое время он спросил: – А за что мне такое счастье, ты не в курсе?

– Они решили, что это лучший способ разделаться с тобой навсегда. Они знают, что ты ищешь.

– Слушай, а они не могли бы и мне позвонить и рассказать?

– Ты сам все знаешь, – сказал Пейнтюх. – Ты все знаешь сам, Библброкс. Ты ищешь человека, который правит Вселенной.

– Интересно, он умеет готовить? – спросил Зафод. Подумав немного, он сам же себе и ответил: – Навряд ли. Если бы он классно готовил, нужна бы ему была вся остальная Вселенная! Вселенная? Столовая – вот что я ищу.

Пейнтюх глубоко вздохнул.

– Слушай, а вот ты что здесь делаешь? – спросил вдруг Зафод. – Тебя-то это все каким

боком касается?

– Я просто был одним из тех, кто все это придумал. Вместе с Зарнивупом, с Йуденом Вранксом, с твоим прадедушкой – и с тобой, Библброкс.

– Со мной?

– С тобой, с тобой. Мне говорили, что ты здорово изменился, но я не думал, что так сильно.

– Ну, все понятно. А что конкретно?

– У меня здесь есть одно дело. И я сделаю его перед тем, как проститься с тобой.

– Какое дело?

– Я сделаю его перед тем, как проститься с тобой.

И Пейнтюх погрузился в непробиваемое молчание.

Зафод был этому очень рад.

IX

Воздух атмосферы второй планеты системы Ляфортво был затхлым и спертым.

Холодный ветер безостановочно неся над ее поверхностью по солончакам, пересохшим болотам, болезненной чахлой растительности и руинам городов. Разумной жизни на ее поверхности не наблюдалось. Поверхность этой планеты – как и многих других планет в этой части Галактики – давно уже была необитаема.

Ветер крайне тоскливо выл, пролетая сквозь старые разрушающиеся дома городов. Еще тоскливее делался он у подножий высоких черных башен, угрожающе покачивающихся то тут, то там над поверхностью этого мира. На верхушках этих башен жили колонии крупных неопрятных дурно пахнущих птиц – единственный остаток цивилизации, некогда процветавшей здесь.

Однако верха тоскливости вой ветра достигал над одним строением посреди большого серого пустыря на окраине самого крупного из заброшенных городов.

Из-за этого строения планета и получила свою репутацию самого стрёмного места в Галактике. Снаружи оно выглядело как стальной прыщ метров десяти в диаметре. Изнутри оно было чудовищнее, чем может осознать разум.

Метрах в ста, отделенное от него выщербленной и выжженной полоской земли, такой мертвой, что и представить себе трудно, располагалось то, что, наверно, следовало бы называть космодромом. По довольно внушительной площади его были разбросаны изувеченные останки двух или трех десятков просевших зданий.

По-над этой площадкой носился дух. Дух ждал.

Дух обратил свое внимание в небо, и вскоре в нем появилась продолговатая искра, окруженная кольцом искорок поменьше.

Искра побольше была левым крылом небоскреба редакции “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”, входящим в стратосферу Ляфортво-Б.

Когда башня пошла на снижение, Пейнтюх внезапно нарушил долгое натянутое молчание, повисшее между ее пассажирами.

Он поднялся и сложил свое полотенце в сумку. Затем он сказал:

– А вот сейчас, Библброкс, я сделаю то, зачем меня сюда послали.

Зафод поглядел на него из угла, в котором сидел, ведя безмолвный разговор с Марвином.

– Ну? – сказал он.

– Здание скоро приземлится. Когда будешь выходить отсюда – не выходи в дверь, – сказал Пейнтюх. – Выходи в окно. Удачи! – добавил он и вышел из кабинета, исчезнув из жизни Зафода так же таинственно, как и появился в ней.

Зафод вскочил и дернул дверь, но Пейнтюх уже запер ее. Зафод пожал плечами и вернулся в свой угол.

Через две минуты здание совершило посадку среди других обломков. Конвой подразде-

ления “Лягва” выключил силовые лучи и взмыл обратно в небо, направляясь на Ляфтортово-А – мир, более приятный во всех отношениях. Они никогда не приземлялись на Ляфтортово-Б. Никто не приземлялся на этой планете. Ничья нога не ступала по ее поверхности, за исключением ног будущих жертв Фокуса Тотальной Перспективы.

Зафоду посадка далась нелегко. Некоторое время он лежал в тишине и строительной пыли, засыпавшей почти всю комнату. Так плохо, думал он, ему еще никогда в жизни не было. Он был разбит, одинок и покинут всеми. Но через некоторое время Зафод решил, что надо двигаться дальше, исходя из того, что есть, и исходить, по возможности, побыстрее.

Зафод оглядел разбитую комнату. Стена вокруг дверного косяка треснула, и дверь висела на одной петле. Окно каким-то чудом осталось целехонько. Зафод поколебался, но решил, что если его странный бывший спутник проделал все то, что ему пришлось проделать, только для того, чтобы сказать ему то, что он ему сказал, то в этом, очевидно, должен быть какой-то смысл.

С помощью Марвина Зафоду удалось открыть окно.

Облако пыли, поднятой падением башни, и обломки других зданий, окружавших теперь ее, не дали Зафоду разглядеть мир за окном. Впрочем, мир его не очень заботил. Гораздо больше его беспокоило то, что он увидел, глянув вниз. Кабинет Зарнивуа находился на пятнадцатом этаже. Небоскреб приземлился под углом в 45°, но при мысли о спуске все равно подгибались ноги.

Наконец, не в силах более выносить презрительного взгляда Марвина на своей спине, Зафод глубоко вздохнул и выбрался на крутой уклон стены небоскреба. Марвин последовал за ним, и вдвоем они начали медленный и торжественный спуск по пятнадцати этажам, отделяющим их от земли.

От затхлого воздуха и пыли у Зафода сразу защипало в горле и глазах, а от жуткой высоты кружились обе головы. Доносящиеся время от времени замечания Марвина в стиле “За что вы, организмы, любите подобные занятия? Нет, я просто интересуюсь...” – не улучшали Зафоду настроение.

Примерно посередине стены небоскреба они остановились передохнуть. Зафоду, полулежащему, полустоящему на стене, тяжело дыша и стараясь не смотреть ни вниз, ни по сторонам, даже показалось, что Марвин несколько повеселел по сравнению с его обычным состоянием. Скоро, однако, Зафод понял, что это не так. Робот казался более веселым лишь по сравнению с состоянием самого Зафода.

Крупная неопрятная черная птица, шумно хлопая крыльями, вылетела из медленно оседающих туч пыли и, вытянув тощие ноги, присела на покривившийся подоконник в паре метров от Зафода. Птица опасно покачнулась на своем насесте, раскинув для равновесия неуклюжие крылья. Размах ее крыльев достигал метров трех, а голова и шея были подозрительно большими для птицы. Голова ее была круглая, клюв недоразвит, а под крыльями отчетливо виднелись отростки, напоминавшие атрофировавшиеся руки.

В сущности, птица выглядела почти как человек.

Она мрачно посмотрела на Зафода и бессмысленно щелкнула клювом.

– Пшла вон, – крикнул ей Зафод.

– Да пожалуйста, – пожала крыльями птица и улетела восвояси в тучи пыли.

Зафод обалдело смотрел ей вслед.

– Эта птица мне что-то сказала? – встревоженно спросил он у Марвина.

– Да, – подтвердил Марвин.

Зафод, возможно, предпочел бы другое объяснение – что он просто сходит с ума.

– Бедняги! – произнес низкий бестелесный голос прямо Зафоду в ухо.

В поисках источника этого голоса, Зафод обернулся так резко, что едва не сорвался со стены. Он отчаянно схватился за какой-то выступ в оконной раме и порезал руку, но удержался, тяжело дыша.

Голос же не имел никаких видимых источников – вокруг никого не было видно, но голос заговорил снова.

– Их история очень печальна. Упадок и гибель.

Зафод дико огляделся. Голос был низкий и тихий. При других обстоятельствах его можно было бы даже назвать доверительным. Но ничто не может внушать доверия в бесплотном голосе, доносящемся из ниоткуда, особенно если ты, как Зафод Библброкс, и так уже чувствуешь себя не лучшим образом, а вдобавок ещё и висишь на подоконнике на восьмом этаже упавшего небоскреба.

– Э-э... что?.. – выдавил Зафод.

– Хотите, я расскажу вам их историю? – спросил тихий голос.

– Это... а ты кто? – прохрипел Зафод. – И ты где?

– Ну, значит, расскажу потом, – промолвил голос. – Я – Гарграварр. Хранитель Фокуса Тотальной Перспективы.

– А почему я не вижу...

– Вам будет гораздо легче спускаться, – продолжал голос, – если вы переберетесь на пару метров влево. Давайте, попробуем?

Зафод поглядел туда и увидел по всей высоте башни ступеньки, образованные горизонтальными выступами в бетоне. Он обрадованно переполз к ним.

– Пожалуй, встретимся внизу, – сказал голос в ушах у Зафода и на этих словах постепенно смолк.

– Эй! – позвал Зафод. – Ты где?

– Это займет у вас каких-нибудь пару минут... – донеслось до него.

– Марвин, – сказал Зафод со всей серьезностью роботу, понуро ползущему за ним следом. – Ты слышал... такой голос, как будто...

– Слышал, – коротко ответил Марвин.

Зафод кивнул. Он снова вынул свои опасночувствительные солнечные очки. Сейчас они были совершенно черные и уже сильно поцарапанные непонятным металлическим предме-

том в кармане. Зафод надел очки. Спускаться по небоскребу, не глядя на то, что делаешь, оказалось для него значительно легче.

Несколько минут спустя он выбрался из покореженных обломков фундамента башни и, снова сняв очки, рухнул на землю. Марвин присоединился к нему и лег лицом вниз в пыль и щебень, всем своим видом выражая желание остаться в этом положении навсегда.

— Ага, ну, вот и вы, — сказал внезапно голос в ушах у Зафода. — Прошу прощения, что покинул вас там. У меня от высоты жутко кружится голова. Точнее, — поправился он грустно, — кружилась.

Зафод осмотрелся вокруг внимательно и подробно, чтобы убедиться, что он не проглядел ничего, что могло бы быть источником голоса, но не увидел ничего, кроме пыли, мусора и руин.

— И все-таки — почему я тебя не вижу? — спросил он. — Ты где?

— Я здесь, — промолвил голос. — Мое тело тоже хотело придти, но оно сейчас занято. Дела, встречи... — После неслышного эфирного вздоха голос добавил: — Вы же знаете эти тела...

— Ну... в общих чертах... — не вполне уверенно согласился Зафод.

— Я надеюсь только, что оно бережет себя, — продолжал голос. — В последнее время живет оно, как из ведра.

— Какого еще ведра? — не понял Зафод.

Голос ничего не ответил. Зафод с неудовольствием огляделся. Он не знал, здесь ли еще этот голос, пропал ли он и что он вообще делает. Потом голос заговорил снова.

— Итак, вас следует проводить в Фокус, если я правильно понял?

— Ну, как бы, — Зафод попытался без особого успеха изобразить голосом беззаботность, — это не горит. Я никуда не тороплюсь. Потусуюсь тут, осмотрю здешние достопримечательности...

— Вы уже видели здешние достопримечательности? — спросил голос Гарграварра.

— Да нет.

Зафод влез на кучу мусора и обогнул угол руины, загораживавшей ему вид. Он оглядел пейзаж Ляфортава-Б.

— Ага... Ну, ладно, — сказал он. — Тогда просто потусуюсь тут.

— Увы, — возразил Гарграварр. — Фокус ждет вас. Нам надо идти. Следуйте за мной.

— Допустим, — согласился Зафод, — но как ты себе это представляешь?

— Я буду напевать. Колыбельную песню, — сказал Гарграварр. — Следуйте за звуком.

Тихое траурное пение поплыло в воздухе — призрачная печальная песня, льющаяся, казалось, отовсюду. Только тщательно вслушиваясь, Зафод мог определить направление, откуда шел звук. Медленно, неуверенно зашагал он вслед за песней. Что еще ему оставалось?

Вселенная, как уже было замечено выше, обескураживающе огромна. И большинство ее обитателей склонны игнорировать этот факт во имя сохранения своего душевного спокойствия.

Многие из них с радостью перебрались бы в какое-нибудь местечко поменьше размером, скроенное по их собственным меркам и масштабам. В сущности, именно так и поступает большинство существ.

Например, в одном из уголков Восточного рукава Галактики вращается маленькая лесистая планетка Охломун, все, с позволения сказать, разумное население которой обитает безвыездно на одном небольшом и весьма густонаселенном кусте орешника. На этом кусте они рождаются, живут, влюбляются, выцарапывают на его коре пространные статьи о смысле жизни, бессмысленности смерти и важности контроля над рождаемостью, сражаются в нескольких донельзя региональных конфликтах и в конце концов умирают и повисают привязанные к нижней стороне наиболее удаленных и труднодоступных ветвей.

Единственные охломуняне, которые покидают свой куст – это те, кого сбрасывают с него за распространение крамольных идей о том, что возможна жизнь на других кустах, и что сами эти другие кусты, может быть, не являются галлюцинацией, вызванной неумеренным употреблением охлорехов.

Каким бы экзотическим ни казался этот уклад, в Галактике нет формы жизни, которая бы не грешила тем же самым в той или иной форме. Именно в этом заключается ужас Фокуса Тотальной Перспективы.

Ибо Фокус Тотальной Перспективы показывает вам в одно мгновение всю невообразимую бесконечность мироздания, и где-то в ней малюсенькую пометочку, микроскопическую точку на микроскопической точке, и подпись: "Вы находитесь здесь".

Серая пустошь простиралась перед Зафодом, серая бесплодная пустошь. Над нею дико выл ветер.

Посреди нее виднелся стальной прыщ купола. Туда-то, понял Зафод, мы и идем. Это и есть Фокус Тотальной Перспективы.

Зафод стоял, без интереса оглядывая купол, как вдруг изнутри раздался нечеловеческий вопль ужаса – как если бы из кого-то живьем выковыривали душу. Вопль унесся по ветру и стих вдалеке.

Зафоду показалось, что кровь его превратилась в жидкий азот.

– Что это было? – прошептал он шипло.

– Запись, – ответил Гарграварр, – Запись предыдущей жертвы Фокуса. Ее всегда проигрывают следующей. Для создания соответствующего настроения.

– Звучит невесело, – признался Зафод. – А что, если мы тут затусуемся куда-нибудь? В гости к кому-нибудь заглянем? Какие есть варианты?

– Насколько я могу судить, – отозвался эфирный голос Гарграварра, – я, вполне вероятно, сейчас как раз в гостях. В смысле, мое тело. Оно часто ходит в гости без меня. Говорит, я только все порчу. Я – все порчу!..

– Слушай, так что там у тебя с твоим телом? – спросил Зафод, стараясь оттянуть, насколько возможно, то, что ожидало его.

– Ну, что там... – неохотно проговорил Гарграварр. – Дела у него. Занято оно.

– Ты хочешь сказать, что кто-то другой его занимает? – спросил Зафод.

Повисла долгая холодная пауза. Затем Гарграварр промолвил:

– Я вынужден заметить, что последний ваш каламбур сделан в весьма дурном вкусе!

Зафод залепетал какие-то извинения.

– Неважно, – закрыл тему Гарграварр. – Вы не могли знать.

Голос его чуть заметно дрогнул.

– Дело в том, – продолжал он тоном, намекавшим на нелегкую внутреннюю борьбу, – что мы давно уже не живем вместе. Боюсь, что дело идет к разводу.

Голос снова смолк, оставив Зафода в тишине и недоумении. Он промямлил что-то невнятное.

– Думаю, мы не сошлись характерами, – сказал Гарграварр через некоторое время. – У нас никогда не было общих интересов. Мы все время ссорились из-за секса и рыбалки. Пытались совместить одно с другим, но результат оказался плачевный. Как, в общем, нетрудно себе представить. И теперь мое тело со мной не живет. Видеть меня не хочет...

Гарграварр снова грустно помолчал. Ветер завывал над пустырем.

– Говорит, что я им манипулирую. Я замечал ему, что, в сущности, это моя прямая обязанность – манипулировать им, а оно говорит, что это шовинистический бред, который уважающее себя тело не обязано выслушивать, и на этом разговор кончается... Думаю, оно оставит себе мою фамилию, – добавил Гарграварр, помолчав.

– Вот как, – выговорил Зафод. – А какая у тебя фамилия?

– Писсуалий, – отозвался голос. – Писсуалий Гарграварр. Говорит о многом, не правда ли?

– Да уж, – промямлил Зафод сочувственно.

– Вот так я стал духом без тела и устроился здесь Хранителем Фокуса Тотальной Перспективы. На поверхность этой планеты не должна ступать нога человека. За исключением жертв Фокуса – но они, боюсь, не в счет.

– А почему...

– Нетрудно рассказать. Хотите послушать?

– Н-ну...

– Так слушайте. Много лет назад здесь была цветущая планета: толпы людей, города,

магазины – мир как мир. За исключением того, что на центральных проспектах этих городов было чуть больше обувных магазинов, чем нужно. И постепенно, понемногу, количество этих магазинов увеличивалось. Это хорошо известный экономический феномен... Но наблюдать его своими глазами очень тяжело. Чем больше открывалось обувных магазинов, тем больше приходилось выпускать обуви, и тем хуже делалась эта обувь. А чем хуже становилась обувь, тем чаще приходилось ее покупать, чтобы не остаться босым, и тем больше приходилось открывать обувных магазинов. В итоге экономика планеты рухнула в то, что называется, если не ошибаюсь, Обувной Черной Дыркой – стало нерентабельно открывать что бы то ни было, кроме обувных магазинов. Результат – кризис, разруха и голод. Большая часть населения вымерла. Те немногие, чей генофонд был достаточно расшатан, мутировали в птиц – вы их видели. Они проклинали свои ноги, проклинали землю и поклялись, что ничья нога больше не ступит на нее. Такое несчастье... Идемте, я должен отвести вас в Фокус.

Зафод, впечатлившись, покачал головой и зашагал вперед по пустырю.

– И ты, значит, родился в этой несчастной дыре? – спросил он.

– Нет-нет, что вы, – ужаснулся Гарграварр. – Я родился на Ляфортово-В. Чудное место. Какая там рыбалка! Я переносусь туда по вечерам. Хотя теперь я могу только смотреть... А на этой планете есть только Фокус Тотальной Перспективы. Его построили здесь, потому что никто не хотел жить рядом с этой штукой.

В это мгновение еще один жуткий вопль распорол воздух, и Зафод содрогнулся.

– А что такое там прописывают? – спросил он тихо.

– Вселенную, – ответил Гарграварр. – Всю бесконечную Вселенную. Бесконечное количество солнц, бесконечные расстояния между ними, и ты сам – невидимая точка на поверхности невидимой точки. Бесконечное ничтожество.

– Но-но! Я, между прочим, Зафод Библброкс, чтоб ты знал! – попытался Зафод взбодрить остатки своего эго.

Гарграварр ничего на это не ответил, а стал снова напевать свою колыбельную песенку, пока они не добрались до тусклого стального купола посреди пустыря.

Едва они подошли к нему, как в нем открылась дверь, а за ней обнаружилась небольшая темная комната.

– Заходите, – велел Гарграварр.

Зафод поежился от страха.

– Что, прямо вот так, прямо сейчас? – спросил он.

– Прямо сейчас.

Зафод тревожно заглянул внутрь. Комнатка была очень маленькой, стены ее были стальные, и места в ней было едва на одного.

– Что-то Фокус у вас какой-то не слишком чёткий, – сострил Зафод.

– Это не Фокус, – сказал Гарграварр. – Это лифт. Заходите.

Трепеща всеми фибрами, Зафод вошел. Он чувствовал, что Гарграварр рядом с ним в

лифте, хотя бестелесный его провожатый не говорил ни слова.

Лифт поехал вниз.

– Надо привести себя в достойный вид, – сказал себе Зафод.

– Такого вида нет, – холодно заметил Гарграварр. – Его не существует.

– Умеешь же ты выводить человека из себя!

– Я? Ну, что вы. Я – нет. Вот Фокус – он умеет.

Внизу лифт раскрылся, и Зафод вывалился в небольшую сугубо рабочую комнатку со стальными стенами.

Напротив он увидел одиноко стоящий стальной шкаф такого размера, чтобы в нем как раз мог встать человек.

И больше ничего.

Шкаф соединялся с несколькими приборами одним-единственным толстым проводом.

– Это оно? – спросил удивленно Зафод.

– Это оно.

Выглядит не так уж страшно, подумал Зафод.

– И я должен туда залезть? – спросил он.

– Вы должны туда залезть, – подтвердил Гарграварр, – и боюсь, что сделать это надо сейчас.

– Ну, ладно, ладно, – сказал Зафод. – Я лезу, лезу.

Он открыл дверь шкафа и вошел в него.

В шкафу пришлось подождать.

Через пять секунд раздался щелчок, и вместе с Зафодом в шкафу оказалась вся Вселенная.

XI

Фокус Тотальной Перспективы строит образ всей Вселенной, основываясь на принципе экстраполяционного анализа материи.

Говоря попросту: так как любой материальный объект во Вселенной испытывает те или иные воздействия со стороны любого другого материального объекта во Вселенной, теоретически возможно рассчитать все мироздание, каждую звезду, каждую планету, все их орбиты, их взаимное расположение, историю, экономику и политику, на основе одного, скажем, пирожного “картошка”.

Изобретатель Фокуса Тотальной Перспективы изобрел его в основном в пику своей жене.

Трин Трагула – так его звали – был мечтатель, мыслитель, философ – или, по мнению его жены, законченный остопоп и недотепа.

Она непрестанно распекала его за совершенно бессмысленные занятия – созерцание небес, расчеты термодинамики английских булавок или спектральные анализы пирожного “картошка”.

– Знай свое место! – восклицала она, иногда до тридцати восьми раз в день.

И он построил Фокус Тотальной Перспективы – именно для этого.

И к одному его концу он подключил все мироздание, рассчитанное на основе пирожного “картошка”, а к другому свою жену. Когда он включил прибор, она увидела в одно мгновение всю бесконечность мироздания – и свое место в нем.

К ужасу Трина Трагулы, это переживание полностью уничтожило ее рассудок; но в то же время он с удовлетворением понял, что экспериментально доказал: если жизнь хочет существовать во Вселенной таких размеров, то она ни под каким видом не может позволить себе этого – знать свое место.

Дверь Фокуса медленно раскрылась.

Бестелесный дух Гарграварра грустно смотрел на нее. Зафод Библброкс чем-то понравился ему. Этот человек явно обладал большим потенциалом, пусть даже и отрицательным.

Дух приготовился к тому, что сейчас он выпадет из шкафа, как все.

Вместо этого, он вышел оттуда.

– Оба-на! – воскликнул Зафод, присев и разведя руками.

– Библброкс!.. – сдавленно воскликнул дух Гарграварра.

– Водички бы, – попросил Зафод. – Где у вас тут?

– Вы... Ты... Ты был в Фокусе? – выговорил Гарграварр.

– Ну, ты же сам видел. Все по-честному.

– И он работал?

– Как весь звездац!

– И ты видел всю бесконечность мироздания?

– Как два пальца! Кстати, клевое местечко, ты в курсе?

У Гарграварра захватило дух от изумления. Если бы и тело его было при нем, тому пришлось бы грузно усесться на пол, раскрыв рот.

– И ты видел свое место в нем? – спросил Гарграварр.

– Конечно, видел.

– И что? Что ты понял?

Зафод пожал плечами.

– Ничего нового. Я все знал и так. Я обалденный. Я просто офигительный. Да я ж говорил тебе. Я – Зафод Библброкс!

Зафод оглядел приборы и циферблаты, и вдруг взгляд его остановился. Он повел носом.

– Погоди-ка, – сказал он. – Это что, пирожное? “Картошка”? Мое любимое!

Зафод выковырял кондитерское изделие из электродов, которыми оно было облеплено.

– Если бы я начал рассказывать тебе, как мне его хочется, – сказал он, облизнувшись, – я бы вообще не успел его съесть! – и съел его.

XII

Спустя некоторое время Зафод бежал по пустоши в направлении ближайшего города.

Затхлый воздух свистел в его легких. Зафод часто оступался от усталости. Приближалась ночь, и пересеченная местность становилась опасной для бега.

Но восторг, только что пережитый Зафодом, не покидал его. Вся Вселенная! Он видел всю Вселенную, разбегающуюся от него в бесконечные дали – всё-всё-всё. И это невероятно отчетливое понимание того, что он – самое важное в этой Вселенной. Одно дело – иметь воспаленное самомнение. И другое дело – когда то же самое тебе говорит объективная машина!

Но долго размышлять об этом ему было некогда.

Гарграварр предупредил его, что он обязан известить свое начальство о случившемся, но готов подождать с этим сколько-то времени. Этого времени Зафоду должно было хватить, чтобы прийти в себя и найти укрытие.

Зафод сам не знал, что собирается делать, но знание того, что он – самая важная персона во Вселенной, придавало ему уверенности в том, что все как-нибудь образуется.

Все остальное на этой злополучной планете никак не подкрепляло его оптимизм.

Зафод бежал и вскоре добрался до окраины брошенного города.

Он шагал по растрескавшимся улицам, поросшим цепкими колючками. Придорожные канавы были завалены гниющей обувью. Дома, мимо которых он шел, выглядели такими ветхими, что Зафод не решился войти ни в один из них. Где же прятаться? Зафод снова побежал.

Через некоторое время от проспекта, по которому бежал Зафод, отвернул проезд, ведущий к большому низкому зданию, окруженному несколькими строениями поменьше. Территория вокруг него была обнесена останками забора. Главное здание выглядело довольно солидно, и Зафод решил поглядеть, не пригодится ли оно ему как... да хоть как-нибудь.

Зафод подошел к зданию. В одной его стене – видимо, фасадной, так как она выходила на широкую бетонированную полосу – были три проема, каждый высотой метров двадцать. Самый левый из них был открыт, и Зафод побежал к нему.

Внутри было темно, пусто и уныло. Гигантские паутины свисали с потолка. Арматура потолка частично обвалилась, противоположная стена просела и прогнулась, и слой удушающей пыли толщиной в палец покрывал пол.

В полумраке виднелись огромные силуэты, заваленные мусором – цилиндрические, грушеобразные и похожие на яйцо – точнее, на яйцо всмятку. Почти все были разбиты или разломаны. От некоторых остались лишь скелеты.

Все это были звездолеты. Бывшие звездолеты.

Зафод растерянно брел по ангарам. Здесь не было ничего в состоянии, мало-мальски приближенном к рабочему. От одного только звука его шагов одна руина обрушилась на другую.

Ближе к концу ангара стоял один корабль, чуть более крупный, чем остальные, и похоженный под еще более глубоким слоем пыли и паутины. Обшивка его, несмотря на это, казалась целой. Зафод с интересом подошел к нему и споткнулся о древний кабель.

Он попытался откинуть кабель ногой и, к своему удивлению, обнаружил, что тот до сих пор присоединен к кораблю.

К своему безграничному изумлению Зафод почувствовал, что кабель также слегка гудит и вибрирует.

Зафод с сомнением посмотрел на корабль, а потом снова на кабель в своих руках.

Он скинул жилетку и отбросил ее прочь. На четвереньках он пополз по кабелю в сторону корабля. Гнездо, в которое был вставлен кабель, выглядело целым, гудение и вибрация различались здесь еще более отчетливо.

Сердце у Зафода застучало оглушительно. Он расчистил от пыли и паутины пяточок на обшивке корабля и приложился к обшивке ухом, но услышал лишь слабый, неразличимый гул.

Лихорадочно порывшись в мусоре на полу, Зафод нашел кусок провода и стаканчик из экологически-устойчивого пластика. Из этих предметов он соорудил подобие стетоскопа и приставил его к обшивке.

То, что он слышал, заставило его мозги выписать тройное сальто.

Он услышал голос:

– Компания “Интерстеллар Круиз” просит у пассажиров прощения за задержку вылета вашего рейса. Мы с минуты на минуту ждем доставки на борт полетного комплекта салфеток с ароматом лимона для вашего комфорта, свежести и гигиены во время путешествия. Благодарим вас за понимание и терпение. Через некоторое время экипаж снова подаст кофе и печенье.

Зафод отшатнулся от обшивки корабля. При этом взгляд его упал на гигантское табло с расписанием, которое до сих пор свисало с потолка, хотя уже и на одной подвеске. Табло было покрыто толстым слоем пыли, но некоторые цифры еще можно было разобрать. Зафод поискал глазами нужную строчку, произвел необходимые вычисления, и глаза его вылезли на лоб.

– Девятьсот лет! – выдохнул он. На столько задерживался уже вылет этого рейса.

Через пару минут Зафод проник на корабль.

Миновав шлюз, Зафод обнаружил, что воздух на корабле прохладный и свежий – кондиционеры работали до сих пор.

До сих пор горел свет.

Зафод проследовал из маленького вестибюля в недлинный узкий коридор и нерешительно зашагал по нему.

Внезапно в стене открылась дверь, и показалась фигура в черном.

– Пожалуйста, вернитесь на свое место, – сказала механическая стюардесса и, повернув-

шись к нему спиной, ушла вперед по коридору.

Когда сердце у Зафода снова начало биться, он поспешил за стюардессой. Она открыла дверцу в конце коридора и вошла туда. Зафод не отставал.

Они оказались в пассажирском салоне, и на мгновение сердце у Зафода снова остановилось.

В каждом кресле, пристегнутый ремнями, сидел пассажир.

Волосы пассажиров свисали спутанными прядями до пола, длинные ногти загибались крючками. Мужчины имели длинные бороды.

Все они были совершенно очевидно живы – но спали глубоким сном.

У Зафода мурашки побежали по спине.

Он медленно брел между рядами кресел, словно во сне. Он дошел примерно до середины салона, когда стюардесса дошла до его конца, развернулась лицом к пассажирам и заговорила:

– Дамы и господа, добрый день,! – сказала она поставленным голосом. – Благодарим вас за понимание и терпение. Мы делаем все, чтобы сократить задержку рейса до минимума. Сейчас мы разбудим вас и подадим кофе и печенье.

Послышалось легкое жужжание. Все пассажиры проснулись.

Проснувшись, они завопили, пытаясь выпутаться из пристежных ремней и шлангов системы жизнеобеспечения, крепко державших их в креслах. Они выли и визжали так, что Зафоду показалось, что уши его разрываются в клочья.

Пассажиры корчились и кричали, а стюардесса, не обращая на это никакого внимания, шла по проходу и ставила перед каждым стаканчик кофе и пакетик с печеньем.

Тут один из пассажиров поднялся со своего кресла.

Он повернулся к Зафоду.

Со вставшими дыбом волосами Зафод бросился прочь из салона. Развернувшись, он побежал по проходу, распахнул ногой дверь и выскочил в коридор.

Человек бежал за ним.

Зафод добежал до конца коридора, проскочил трап, подлетел к двери в пилотский отсек, открыл ее плечом и захлопнул за собой, упершись в нее спиной и тяжело дыша.

Через несколько секунд в дверь начали стучать.

Из пилотского отсека раздался металлический голос:

– Вход в кабину пассажирам запрещен. Пожалуйста, вернитесь на свое место и ждите взлета. Пассажирам будут поданы кофе и печенье. Говорит ваш автопилот. Пожалуйста, вернитесь на место.

Зафод ничего не ответил. Он ловил ртом воздух, а в дверь за его спиной стучали, не переставая.

– Пожалуйста, вернитесь на свое место, – повторил автопилот. – Вход в кабину пассажиров запрещен.

– Я не пассажир, – прохрипел Зафод.

– Пожалуйста, вернитесь на свое место.

– Я не пассажир! – крикнул Зафод снова.

– Пожалуйста, вернитесь на свое место.

– Я не па... Да вы меня слышите вообще?

– Пожалуйста, вернитесь на свое место.

– Это говорит автопилот? – догадался наконец Зафод.

– Говорит автопилот, – подтвердил голос из кабины.

– Вы командуете этим кораблем?

– Так точно, – снова подтвердил голос. – Рейс задерживается. Пассажиры временно погружены в анабиоз в целях комфорта и удобства. Кофе и печенье подаются каждый год, после чего пассажиры усыпляются снова в целях дальнейшего комфорта и удобства. Корабль стартует, как только рейс будет доукомплектован. Приносим наши извинения за задержку.

Зафод отошел от двери, стук в которую отчего-то прекратился. Он подошел к приборной доске, из которой раздавался голос.

– Задержку? – воскликнул он. – Да вы видели, что творится вокруг? Полная разруха! Пустыня! Цивилизация вымерла! Вымерла, ё-моё! Никто вам не привезет ваши ароматные салфетки!

– Существует статистическая вероятность, – возразил металлический голос, – что на этой планете разовьется новая цивилизация. Когда-нибудь у них появятся салфетки с ароматом лимона. До тех пор наш рейс задерживается. Пожалуйста, вернитесь на свое место.

– Да вы...

Но в эту секунду раскрылась дверь. Зафод обернулся и увидел в дверях человека, который гнался за ним. Человек держал в руках чемоданчик. Он был неплохо одет и безупречно причесан, гладко выбрит, и ногти его были тщательно подстрижены.

– Зафод Библброкс? Мое имя Зарнивуп, – представился он. – Кажется, вы хотели меня видеть.

Зафод Библброкс остоленел. Оба его рта понесли крутой бред. Он осел в кресло.

– Блин... Чувак, откуда ты взялся? – спросил он наконец.

– Я ждал вас здесь, – ответил тот бодрым деловым голосом.

Он поставил чемоданчик на пол и сел в кресло напротив.

– Очень рад, что вы точно следовали всем инструкциям, – сказал он. – Я боялся, что вы выйдете из моего офиса через дверь, а не через окно. Тогда у нас были бы серьезные проблемы.

Зафод помотал головами и издал неопределенный звук.

– Войдя в дверь моего офиса, вы попали в мою виртуальную Вселенную, – объяснил Зарнивуп. – Если бы вы вышли из него через дверь, то вернулись бы в настоящую. А искусственная работает вот отсюда, – он приятельски похлопал свой чемоданчик.

Зафод глядел на него с отвращением и ненавистью.

– А в чем разница? – спросил он.

– Ни в чем, – ответил Зарнивуп. – Они совершенно тождественны. А, да! Кажется, в настоящей Вселенной подразделение “Лягва” носит серую форму.

– Короче – что происходит? – спросил Зафод сурово.

– Я все объясню, – пообещал Зарнивуп. От его самоуверенности и деловой бодрости Зафода подташнивало. – Все очень просто. Я нашел его координаты – того, кто управляет Вселенной. Но я обнаружил, что его мир защищен полем Невероятности. Чтобы сохранить свою тайну – и себя самого – я ушел в свою виртуальную Вселенную и залег на дно в позабытом туристическом лайнере. Так я обезопасил себя. Тем временем мы с вами...

– Я с тобой? – переспросил Зафод недовольно. – То есть, что, мы были знакомы?

– О да, – подтвердил Зарнивуп, – мы с вами давние друзья.

– Где были мои глаза? – спросил Зафод сам себя и снова погрузился в мрачное молчание.

– Тем временем мы с вами устроили угон вами корабля с невероятностным двигателем – единственного, который может добраться до планеты правителя Вселенной – и доставку его сюда, ко мне. Вы, я уверен, справились с этим заданием, и я могу вас поздравить.

Зарнивуп улыбнулся тонкой улыбкой, по которой Зафоду захотелось проехать на кирпиче.

– Да! Возможно, вам любопытно будет узнать, – добавил Зарнивуп. – Эта Вселенная создана специально для вас. В вашу честь. Поэтому вы – центральная персона в этой Вселенной. В настоящей Вселенной, – Зарнивуп улыбнулся еще более кирпичепросительной улыбкой, – вы ни за что не выдержали бы Фокус Тотальной Перспективы. Итак – вперед!

– Куда? – безвольно спросил Зафод. Он чувствовал себя разбитым наголовы.

– На ваш корабль, на “Золотое Сердце”. Ведь он, я надеюсь, при вас?

– Нету у меня его.

– Где ваша жилетка?

Зафод посмотрел на него обалдело:

– Жилетка? Я ее где-то снял. Она где-то там, снаружи.

– Прекрасно. Пойдемте найдем ее.

Зарнивуп встал и жестом пригласил Зафода следовать за собой.

Возле трапа они снова слышали вопли пассажиров, потчваемых кофе и печеньем.

– Ждать вас здесь было не самым приятным времяпрепровождением, – заметил Зарни-

вуп.

– Не самым приятным! – огрызнулся Зафод. – Попробовал бы ты, как я...

Зарнивуп, подняв палец, заставил его замолчать: открылся входной люк. В нескольких шагах от него на груде мусора лежала жилетка Зафода.

– В высшей степени замечательный и удивительно могучий корабль, – провозгласил Зарнивуп. – Прошу убедиться!

На их глазах карман жилетки неожиданно надулся, треснул, оторвался: маленькая металлическая моделька “Золотого Сердца”, которую Зафод с удивлением нашел недавно в своем кармане, принялась расти.

Она росла, росла и минуты за две достигла своей натуральной величины.

– При невероятности, – сказал Зарнивуп, – порядка... в общем, очень высокого порядка.

Зафод закачался:

– То есть, что? Он все время был у меня в кармане?

Зарнивуп усмехнулся. Он поднял свой чемоданчик и открыл его. В нем он нашел выключатель и повернул его.

– Прощай, виртуальная Вселенная! – сказал он. – Здравствуй, настоящая!

Мир вокруг них вздрогнул, погас – и появился снова, совершенно не изменившись.

– Вот видите? – сказал Зарнивуп. – В точности такая же.

– Так что? – повторил Зафод медленно. – Все это время он был у меня в кармане?

– О да, – подтвердил Зарнивуп, – конечно же. В этом-то все и дело.

– Так. Ну, хватит, – сказал Зафод. – Я отваливаю. С меня хватит. Играйте в свои игрушки сами.

– Боюсь, что ничего не получится, – сказал Зарнивуп. – Вы пойманы в поле невероятности. Вы не можете уйти.

И Зарнивуп улыбнулся улыбкой, по которой Зафоду захотелось треснуть со всего размаху так неудержимо, что Зафод не удержался.

XIII

Форд Префект взлетел на мостик “Золотого Сердца”.

– Триллиан! Артур! – кричал он. – Заработало! Корабль ожил!

Триллиан и Артур спали на полу.

– Подъем, подъем, ребята, взлетаем, взлетаем! – принялся Форд расталкивать их.

– Привет, друзья! – прошептал компьютер, – вы не поверите, как приятно снова встретиться с вами, и я только хотел вам сказать, что...

– Заткнись! – крикнул Форд. – Скажи нам лучше, где мы находимся?

– Ляфтортово-Б, и это редкостная задница, – ответил ему Зафод, вбегая на мостик. – Всем привет! Похоже, вы так рады видеть меня, что просто не находите слов, чтобы сказать, какой я невероятно крутой мэн.

– Чтобы что? – переспросил Артур, поднимаясь с пола и не вникая в происходящее.

– Я понимаю ваши чувства, – сказал Зафод. – Я так крут, что даже самому мне нелегко говорить о себе правду. Чертовски рад вас видеть, Триллиан, Форд и ты, обезьянин. Так, компьютер, алё!

– Доброе утро, мистер Библброкс, и я должен вам признаться, что для меня большая честь...

– Заткнись и вытащи нас отсюда, да побыстрее!

– Нет проблем, старина! Куда вы хотите отправиться?

– Да куда угодно, не важно, – крикнул Зафод. – А впрочем, ни фиги, важно! Дуй в ближайшую едальню!

– Нет проблем! – воскликнул радостно компьютер, и мощный взрыв сотряс мостик.

Когда минуту спустя Зарнивуп открыл затекший глаз, он поглядел на четыре струйки дыма, тающие в небе, с большим интересом.

XIV

Четыре безжизненных тела плыли через вихри мрака. Сознание покинуло эти тела, и холодное бесчувственное забвение затягивало их все дальше и дальше в пучину небытия. Отзвуки далекого грома сопровождали их, и наконец они выплыли в черное жгучее море густого пурпура, которое медленно поглотило их, казалось, навсегда.

Однако спустя вечность море отступило и оставило их на холодном жестком берегу – щепки в потоке Жизни, Вселенной и Вообще.

Они дрожали от холода. Вокруг них головокружительно плясали огни. Холодный твердый берег раскинулся во все стороны и замер. Поверхность его матово поблескивала – это был очень тщательно отполированный и лакированный холодный берег.

Зеленое пятно смотрело на них со вниманием, но без сочувствия..

Оно вежливо кашлянуло.

– Добрый вечер, мадам и джентльмены, – сказала оно, – вы заказали место?

Сознание Форда Префекта вернулось к нему, как резиновый жгут, шлепнув пребольно по мозгам. Форд смутно поглядел на зеленое пятно.

– Заказали? – переспросил он.

– Место, сэр, – повторило зеленое пятно.

– А что, на тот свет теперь тоже нужно заказывать место?

Если можно представить себе зеленое пятно, с холодным недоумением поднимающее брови, то именно это и сделало зеленое пятно в ответ.

– На тот свет, сэр? – переспросило оно.

Артур Дент ловил свое сознание, как ловят в ванне упавший кусок мыла.

– А это – тот свет? – пробормотал он.

– Ну, я так думаю, – сказал Форд Префект, пытаюсь определить, в какой стороне находится верх. Он принял рабочую гипотезу о том, что верх находится напротив холодного твердого берега, на котором он лежит, и кое-как поднялся на то, что, как он надеялся, служило ему ногами. – Я имею в виду, – пояснил он, плавно покачиваясь, – у нас ведь не было шансов пережить этот взрыв, так?

– Пожалуй, не было, – согласился Артур. Он встал было на колени, но лучше от этого не стало. Он снова плюхнулся на пол.

– Не было, – сказала Триллиан, вставая, – никаких.

С пола послышались сдавленный хрип и сипение. Это Зафод Библброкс попытался поддержать разговор.

– Лично я точно не пережил, – прохрипел он. – С концами. Как звездануло – и полный кирдык...

– Да уж, постарался ты, – подтвердил Форд. – Надо думать, нас разнесло на куски. Ноги

сами по себе, руки сами по себе...

– Ага, – согласился Зафод, шумно пытаясь принять вертикальное положение.

– Быть может, леди и джентльмены желают чего-нибудь выпить? – спросило зеленое пятно, выжидательно плававшее возле них.

– ... Шарах, бабах, – продолжал Зафод, – херась – и на кусочки! и на молекулы! Слушай, Форд, – спросил Зафод, опознав его в одном из постепенно стабилизирующихся пятен, – а у тебя была такая фишка, будто вся жизнь проходит перед глазами?

– А, у тебя тоже? – отозвался Форд. – Вся твоя жизнь?

– Ага, – ответил Зафод. – Ну, по крайней мере, я решил, что моя. Ты же знаешь, я частенько бывал не в себе...

Зафод поглядел на различные очертания, которые из черти-чего медленно превращались во что-то, наделенное чертами.

– Итак... – сказал он.

– Итак? – спросил Форд.

– Итак, – задумчиво проговорил Зафод, – вот мы, четыре покойника, лежим...

– Стоим, – поправила Триллиан.

– Стоим, – согласился Зафод, – а вокруг нас мрачный и безнадежный...

– Ресторан! – сказал Артур Дент, который, поднявшись на ноги, к своему огромному удивлению, обрел способность видеть. Точнее сказать, удивление его вызвал не сам факт, что он видел, а то, что он увидел.

– И вокруг нас, – повторил Зафод с некоторым раздражением, – мрачный и безнадежный...

– ...Пятизвездочный... – произнесла Триллиан.

– Ресторан, – закончил Зафод.

– Неслабо, скажи? – сказал Форд.

– Ага.

– Канделябры у них симпатичные, – заметила Триллиан.

Четверо огляделись в крайнем удивлении.

– Да это не то что тот свет, – сказал Артур, – это просто афтерлайф какой-то.

Строго говоря, канделябры были, пожалуй, чересчур барочными; да и низкий сводчатый потолок, с которого они свисали, в идеальной Вселенной скорее всего не выкрасили бы именно в такой оттенок темно-бирюзового; а если бы и выкрасили, то не стали бы так подсвечивать скрытыми ультрафиолетовыми лампами. Но данная Вселенная идеальной не была, о чем свидетельствовали и головокружительные орнаменты на мраморном мозаичном полу, и обшивка сорокаметровой мраморной стойки бара: сорокаметровая мраморная стойка бара была обшита шкурками едва ли не двадцати тысяч антареанских мозаичных ящериц, несмотр-

ря на то, что каждой из двадцати тысяч ящериц эта шкурка была крайне дорога и необходима для хранения в ней своих внутренностей.

Некоторое количество весьма прилично одетых существ в непринужденных позах сидело у стойки бара или в мягких высоких креслах темной кожи, расставленных неподалеку от бара. В большие двери из матового стекла, отделяющие дальний конец бара от главного зала ресторана, проследовали молодой в-л-хург в чине старшего лейтенанта и его окутанная клубами зеленого пара подруга.

За своей спиной Артур обнаружил большое, во всю стену окно, задернутое занавесом. Он отодвинул край занавеса и взглянул на пейзаж, от которого в обычных обстоятельствах волосы его встали бы дыбом. Сейчас, однако, обстоятельства были необычными, и волосы Артура встали дыбом не из-за пейзажа, а из-за неба над ним. Это небо...

Подошедший официант вежливо, но решительно задернул занавес.

– Всеу свое время, сэр, – сказал он.

Зафод вдруг приставил палец ко лбу:

– Минуту! – воскликнул он. – Братцы-покойники! А не пропустили ли мы что-то очень важное? Что-то тут прозвучало только что, а мы не обратили внимания.

Артур с огромным удовольствием отвлекся от того, что только что увидел:

– Я сказал, что это какой-то афт...

– Ну, да, в твоём стиле. А ты, Форд?

– Я сказал, что это неслабо.

– Глубокомысленно, но банально. Может быть, это было...

– Может быть, – вмешалось зеленое пятно, к этому времени оформившееся в фигуру низкорослого немолодого зеленокожего официанта в черном костюме, – может быть, господа изволят обсудить этот вопрос после того, как закажут что-нибудь выпить?

– Выпить! – воскликнул Зафод, – Вот именно! Видите, что может случиться, если потерять бдительность?

– Вы правы, сэр, – продолжил свою мысль терпеливый официант. – Возможно, дама и господа желают что-нибудь выпить перед обедом?..

– Обедом! – страстно подхватил Зафод, – Мой маленький зеленый друг! За одну эту мысль я готов отдать свой желудок тебе в пожизненное услужение!

– ...после чего, – закончил официант, не позволяя сбить себя с толку на финишной прямой, – вы сможете встретить конец света.

Форд испытал легкий приступ головокружения:

– Вау, – сказал он с чувством. – Какие интересные вещи у вас тут пьют!

Официант издал короткий смешок вежливого маленького официанта:

– О, вы меня неверно поняли!

– Я надеюсь, – перевел дух Форд.

Официант кашлянул кашлем вежливого маленького официанта:

– Нашим гостям нередко бывает нелегко сориентироваться после путешествия во времени, – сказал он, – поэтому я осмелился бы предложить вам...

– Во времени? – переспросил Зафод.

– Во времени? – переспросил Форд.

– Во времени? – переспросила Триллиан.

– То есть, это не тот свет? – спросил Артур.

Официант улыбнулся улыбкой вежливого маленького официанта. Его набор маленького вежливого официанта уже почти исчерпался, и в скорости ему предстояло снова стать весьма ироничным маленьким официантом.

– Тот свет, сэр? – повторил он. – Нет, сэр.

– И мы не умерли? – спросил Артур.

– Что вы, сэр, – сдержанно ответил официант. – Вы вполне очевидно живы. У нас лица в неживом состоянии не обслуживаются, – иронически добавил он.

Уникальным жестом, который вам не стоит пытаться повторить дома, Зафод Библброкс обеими руками хлопнул себя по лбам, а третьей – по ляжке.

– Все ясно! – воскликнул он. – С ума спрыгнуть! Мы таки добрались! Это же ресторан “Последний путь”!

– Вы правы, сэр, – подтвердил официант голосом, который просто сочился терпением и выдержкой. – Это – “Последний путь”⁶, Ресторан На Конце Света.

– На каком конце? – переспросил Артур.

– На Конце Света, – повторил официант, чрезвычайно четко выговаривая каждую букву.

– А где это такой конец? – спросил Артур.

– В считанных минутах от нас, сэр, – ответил официант и глубоко вздохнул. В сущности, ему не обязательно было это делать, потому что ту причудливую смесь газов, которая требовалась его организму для дыхания, ему поставляло небольшое устройство, вживленное в его ногу. Но бывают случаи, когда глубокий вздох просто необходим, независимо от твоей биохимии.

– А сейчас, если господа готовы наконец выбрать напитки, – продолжил официант, – я покажу вам ваш столик.

С двумя улыбками маньяка Зафод продефилировал к бару и заказал большую часть его ассортимента.

6 Пламенный трибьют ансамблю ["Билли'з Бэнд"](#) и лично Билли Новику, автору одноименной песни.

XV

Ресторан На Конце Света – одно из самых удивительных предприятий во всей истории ресторационного дела. Он построен на руинах... то есть, будет построен на руинах... точнее, в данный момент имеет быть построенным... или, правильнее сказать, будет иметь быть...

Самая серьезная проблема с путешествиями во времени – это вовсе не опасность стать своим собственным отцом или матерью. Для по-настоящему дружной и свободной от предрассудков семьи это вообще никакая не проблема. Не существует также никакой опасности изменить ход истории. Это невозможно, потому что в истории все события сложены, как камешки в мозаике. Все, что могло повлиять на что-либо, уже случилось до того⁷, а в конце концов все так или иначе утрясется.

Главная проблема при путешествиях во времени – это грамматика; и фундаментальным трудом по этому вопросу является “Тысяча и одно время глагола: Карманный справочник путешественника во времени” доктора Думитреску Задесяточку. Из него можно узнать, к примеру, как описать событие, которое должно было произойти с субъектом речи в прошлом непосредственно перед тем, как субъект, дабы избежать его, переместился во времени на два дня раньше этого события. Событие это следует описывать по-разному в зависимости от того, говорится ли о нем в собственном настоящем времени субъекта, из его далекого будущего или из его же давно прошедшего. Дополнительная сложность возникает, если субъект в момент речи перемещается из одного времени в другое с целью стать своим собственным отцом или матерью.

Большинство читателей этой книги сломались на описании субгармонического сослагательного преднамеренного будущего-из-прошедшего, квазиусловно модифицированного, с инверсией; поэтому в новых изданиях этого справочника все последующие страницы из соображений экономии типографской краски оставлены пустыми.

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” опускает всю эту академическую тарабарщину, упоминая в связи с ней лишь о том, что термин “будущее совершенное” упразднен по причине его полного несоответствия действительности.

Итак: Ресторан На Конце Света – одно из самых удивительных предприятий во всей истории ресторационного дела. Он выстроен на руинах мертвой планеты, которая была (буёт) заключена в обширный временной кокон и спроецирована вперед во времени к моменту космогонического Конца Света.

Многие скажут, что это невозможно.

В этом ресторане посетители усаживаются (усадилятся) за столики и угощаются (бют угостеваны) великолепными блюдами, наблюдая (наблюдовывая) коллапс Вселенной, разворачивающийся (быемый разворачивоваться) вокруг них.

Многие скажут, что и это точно так же невозможно.

В этот ресторан можно прийти (можаше быять приходеваемыми) безо всякого предвари-

⁷ Читателю, заинтересовавшемуся этой концепцией, имеет смысл ознакомиться с сочинением профессора Цезаря (Бенедикта) Коуски «*De impossibilitate vitæ*» или хотя бы с критикой этого труда в сочинении Станислава Лема «*Doskonała próżnia*».

тельного (упоследованного) заказа, поскольку всегда можно оформить его задним числом, вернувшись в свое время (заказывать откогда-либо, воспрроверняясь позапозднее настоящего).

Многие скажут, что уж это-то совершенно невозможно.

В этом ресторане происходят удивительные застолья, где встречаются (предположно имеивают беть встречаемы и упитуемы) обитатели всевозможных уголков пространства и времени.

Приложив известное терпение, можно показать, что и это невозможно.

В этот ресторан можно заходить как угодно часто (бынивать презаходящимиваемым разьежебычно – далее читателю предлагается самостоятельно подставлять правильные времена глаголов, руководствуясь вышеупомянутой монографией д-ра Д.Задесятчку), и в то же время быть уверенным, что не встретишь в нем самого себя – поскольку такие встречи обычно никому не доставляют удовольствия.

А вот это, говорят скептики, даже если предположить, что все остальное правда, – невозможно категорически.

Все, что вам нужно сделать – это положить на счет ресторана одну копейку в своем времени. К Концу Времени на нее нарастут такие сложные проценты, которые покроют стоимость сколь угодно роскошной трапезы.

Многие заявляют, что это не просто невозможно, но и совершенно ненормально. Именно из этих соображений криэйторы из звездной системы Сьюкинсон предложили такой слоган: «Если сегодня утром вам пришлось поверить сразу в десяток невозможностей⁸, почему бы не завершить его завтраком в “Последнем пути”, Ресторане на Конце Света?»

8 Разумеется, это из “Алисы в Зазеркалье”. Мой любимый перевод – Нины Демуровой, оттуда и цитата.

XVI

У стойки бара Зафод стремительно расслаблялся. Головы его склонились друг к другу, а улыбки рассинхронизировались. Он был в стельку счастлив.

– Зафод, – попросил Форд. – Пока ты еще можешь говорить – Расскажи мне, пожалуйста, что все-таки произошло? Где ты был? Где мы были? Вообще это неважно, но мне хотелось бы этот вопрос разъяснить.

Левая голова Зафода попыталась собраться, правая же еще глубже погрузилась в темные пучины опьянения.

– А... – ответил он. – Я так, тусовался по всяким местам. Они все хотели, чтобы я встретился с человеком, который правит Вселенной, но меня это не прикололо. Я врубился, что он не умеет готовить.

Правая голова с большим вниманием слушала левую, а затем решительно кивнула:

– Точно! Надо еще бахнуть!

Форд принял еще один пангалактик-горлодер – напиток, называемый алкогольным эквивалентом встречи с хулиганами: как правило, накладно для кармана и зачастую рискованно для здоровья. В конце концов, решил Форд, что бы там ни было, ему это все довольно-таки по барабану.

– Короче, Форд, – сказал Зафод, – все круто!

– В смысле, все схвачено?

– Не, – возразил Зафод, – как раз не схвачено. Иначе все было бы не круто. В общем, чтоб ты знал: я все время держал вас у себя в кармане. Нормально, да?

Форд пожал плечами. Зафод фыркнул в свой бокал. Жидкость выплеснулась на мрамор стойки и с шипением принялась разъедать его.

Старый астроцыган с обветренным морщинистым носом подошел к ним, играя на электроскрипке, и не отходил, пока Зафод не сунул ему пригоршню денег.

Цыган направился к Артуру и Триллиан, сидевшим в другом конце бара.

– Не знаю, что это за заведение, – говорил Артур, – но мне здесь чертовски неуютно.

– Успокойся, – сказала Триллиан. – Выпей чего-нибудь.

– Одно исключает другое, – ответил Артур.

– Артур! Нельзя же быть настолько неприспособленным к этой жизни!

– Это ты называешь жизнью?

– Ты говоришь прямо, как Марвин.

– Марвин – лучший философ из всех, которых я встречал. Как бы нам отделаться от этого скрипача?

Подошел официант:

– Ваш столик готов, – сказал он.

Снаружи – если бы было кому глядеть на него снаружи – Ресторан напоминал лежащую на скале огромную сверкающую морскую звезду. В каждом луче звезды располагались бары, кухни, генераторы силового поля, защищающего само строение и пустую планету, на которой его построили, а также турбины времени, которые неторопливо тянули всю эту конструкцию то по направлению к критическому моменту, то прочь от него.

В центре же высился гигантский золотой купол – почти шар – и именно в этот купол вошли Зафод, Форд, Артур и Триллиан.

По меньшей мере пять тонн одного лишь лака ушло в этот купол перед тем, как отделку всех доступных поверхностей. Остальные поверхности были недоступны, так как уже были отделаны самоцветами, драгоценными раковинами с Сантрагинуса, листовым золотом, мозаичной плиткой, шкурками ящериц и тысячей других неведомых предметов роскоши и изливства. Хрусталь сверкал, серебро сияло, золото блистало; Артур Дент зажмурился.

– В-вау! – воскликнул Зафод. – Крутота!

– Невероятно! – ахнул Артур. – Что это за люди! Что за штуки!

– Эти штуки, – тихо заметил ему Форд, – это тоже люди.

– Что за люди! Что за... тоже люди! – поправился Артур.

– Что за свет! – воскликнула Триллиан.

– Что за мебель! – вторил ей Артур.

– Что за наряды! – продолжала Триллиан.

Официант подумал, что эти двое похожи на общественников в рейде добровольной народной дружины.

– Конец Света бывает не каждый день, – объяснял Зафод, прокладывая себе дорогу сквозь бесчисленные столы – мраморные, инфракрасного дерева, даже платиновые – и толпы причудливых существ, изучающих меню и беседующих между собой. – Каждому хочется выглядеть стильно. Все-таки повод солидный.

Полукруг из не менее, чем тысячи, по оценке Артура, столов был обращен к сцене, на которой небольшой оркестр играл легкую музыку; между столами были разбросаны шепчущиеся пальмы, журчащие фонтанчики, вычурные статуэтки – одним словом, всевозможные декорации, какие можно встретить в ресторанах, где серьезно озаботились тем, чтобы создать ощущение полной беззаботности. Артур поглядел по сторонам, невольно ожидая увидеть съемочную группу, снимающую рекламу для “Американ Экспресс”.

Зафод споткнулся и упал на Форда, который тоже споткнулся и упал на Зафода.

– Вау! – сказал Зафод.

– Круть, – подтвердил Форд.

– Прадедушка-то мой – здорово он наш компьютер переколбасил! – сказал Зафод. – Я попросил отвезти нас в ближайшую едальню, а он нас послал – на Конец Света. Напомните мне потом сказать ему пару ласковых...

Зафод остановился:

– Класс! – сказал он. – Здесь сегодня все сливки. Всё наше было!

– Что было? – спросил Артур.

– Конец Света же! – пояснил Зафод. – Всё уже было. Здорово, отцы! – окликнул он сидевших неподалеку игуаноидов. – Как ваше было?

– Это что, Зафод Библброкс? – спросил один игуаноид у другого.

– По-моему, он, – ответил другой игуаноид.

– Ну, и что ты на это скажешь? – спросил первый.

– Природа вещей, старик, – ответил второй, – забавная шутка!

– Мы не можем ждать милостей от природы! – сказал первый, и оба игуаноида погрузились в молчание. Они ждали величайшего представления во Вселенной.

– Зафод, смотри! – Форд попытался схватить Зафода за рукав, но три пангалактик-горлодера помешали ему. Форд ткнул пальцем в пространство. – Это же мой старый знакомый, – воскликнул он, – Дезиато Мракобез⁹! Вон там, за платиновым столом, чувак в платиновом костюме, видишь?

Зафод попытался всмотреться в направлении, указанном Фордом, но не смог. Наконец он воскликнул:

– О! Ага! – и только тут увидел, кого показывал ему Форд. – Стой! Так это же мегамэн! Это же самый крутой перец во Вселенной! В смысле, после меня!

– Что это за тип? – спросила Триллиан.

– Дезиато Мракобез? – переспросил изумленный Зафод. – Ты не знаешь? Ты никогда не слышала “Авариум”?

– Нет, – честно призналась Триллиан.

– Это же самая крутая, – воскликнул Форд, – самая убойная, самая...

– Раскрученная... – вставил Зафод.

– ... рок-банда за всю историю... ну... – Форд запнулся, подыскивая подходящее слово.

– ... всей истории! – закончил Зафод.

– Не слышала, – повторила Триллиан.

– Офигеть! – сказал Зафод, – Конец Света на носу, а ты еще не жила!

Он подвел ее к столику, возле которого их все это время ждал официант. Артур шел за ними, чувствуя себя очень одиноко и неприкаянно.

Форд побрел сквозь толпу восстанавливать старое знакомство.

– Привет, Мракобез! – крикнул он, – Как сам-то? Не ждал тебя здесь встретить! Что по-

9 Мне довелось лично лицезреть плакаты [Hotblack Desiato](#) в Ислингтоне в 2011 г., когда я искал там места, где происходили события, описанные в книге IV “Путеводителя”.

делываешь? Эх тебя разнесло! Какой стал важный! Прикольно, прикольно.

Форд хлопнул человека по спине и с некоторым удивлением отметил, что тот никак на это не отреагировал. Пангалактик-горлодеры, бурлящие в его крови, скоординировали ему продолжать атаку.

– Ну что, ты теперь забурел, да? – говорил Форд. – Забыл кафе “Диссида”, забыл? А помнишь, как мы тусовались на “Гастрите”? А в “Злопадном Бухлодроме”? Какие были времена, а!

Дезиато Мракобез никак не высказался по поводу этих времен. Форд не сдавался:

– А как мы ходили за ништяками, косили под санэпидстанцию – тоже не помнишь? Каким мы устраивали конфискации хавки и бухла, а? А как мы потом траванились гарниром! А как мы зависали на бомжатнике возле “Лу” в Гретхен-тауне на Новом Бетеле, и ты в соседней комнате все время жарил на своей офигитаре, а мы стучали в стенку и требовали прекратить это безобразие. А ты говорил, что тебя не колышет, а нас уже не то, что колыхало, нас уже прямо трясло...

У Форда увлажнились глаза.

– И ты еще тогда говорил, что не хочешь быть звездой, – продолжал он, уносясь в те далекие времена, – потому что вся астрономия – это такая лажа. А мы – Сталкер, Крэйзи и я – мы тебе говорили, что ты зря волнуешься, что у тебя нет шансов. А теперь – прикинь! Теперь ты просто покупаешь эти звезды, со всеми планетами и всеми потрохами!

Форд обернулся к присутствующим и попытался привлечь их внимание:

– Вот тут, – воскликнул он, – сидит человек, который покупает звезды!

Дезиато Мракобез не потрудился ни подтвердить это заявление, ни опровергнуть его, и внимание публики вскоре было утрачено.

– Алкоголики чертовы, – проворчал фиолетовое похожее на куст смородины существо, склоняясь над бокалом.

Форд покачнулся и плюхнулся на стул напротив Дезиато Мракобеза.

– Как там это у вас было?.. – начал было он, но тут же, потеряв равновесие, схватился за первый попавшийся предмет – бутылку, и опрокинул ее – по случайности в ближайший стакан. Форд немедленно воспользовался счастливой случайностью и осушил стакан. – Ну, помнишь, у вас была такая телега... ну, как же там... Бам-м, бам-м, уи-у уи-у... что-то такое; а на сейшенах в это время еще корабль врезается прямо в солнце – это же был настоящий корабль, правильно? – Форд со всей силы вlepил кулак в ладонь, иллюстрируя свой рассказ. Бутылка при этом снова опрокинулась. – Звездолет! Прямо в солнце – хоба! – восклицал Форд. – Мощно! Классно! Лазеры, мазеры, фазеры – это все лажа! Протуберанцы, взрывы сверхновых – вот это тема! И тексты – тексты у вас классные...

Форд проводил глазами струйку вытекающей из бутылки жидкости. Непорядок, подумал он.

– Так что, давай еще по одной, за встречу? – предложил он.

В его затуманенном сознании начало проявляться ощущение, что их беседе недостает

чего-то очень важного, и это важное как-то связано с тем, что толстяк в платиновом костюме и серебряной шляпе, сидящий напротив, до сих пор не сказал ни “здорово, Форд”, ни “где ты пропадал, старый ты черт” – ни вообще хоть чего-нибудь. Более того – за все это время он даже не пошевелился.

– Слушай, Мрак... – сказал Форд.

В этот момент огромная тяжелая рука опустилась на его плечо сзади и потянула. Форд беспомощно слетел со стула вверх тормашками и грозно поглядел наверх, чтобы отыскать хозяина этой невежливой руки. Отыскать его оказалось совсем нетрудно – он был двухметрового роста и совсем не шуплого телосложения. На самом деле, строением он напоминал кожаный диван: лоснящиеся выпуклости, туго набитые чем-то упругим. Костюм, в который было втиснуто его тело, выглядел так, словно единственным его назначением было демонстрировать, как нелегко было втиснуть в него это тело. Лицо этого человека цветом напоминало яблоко, а фактурой кожи – апельсин, но на этом все приятное в нем и заканчивалось.

– Пацан! – произнес голос, невольно заставлявший подумать о том, что в грудной клетке, откуда он только что вышел, жизнь у него была нелегкая.

– Что за фигня? – спросил Форд с дружелюбным интересом. Он уже поднялся на ноги и с неудовольствием обнаружил, что его собеседнику приходится говорить с ним сверху вниз.

– Вали отсюда, – сказал мужчина Форду.

– А в чем дело? – спросил Форд, не переставая прикидывать, стоит ли это делать. – Ты, собственно, кто такой?

Мужчина задумался. К таким вопросам он не привык. Несмотря на это, через некоторое время он выдал ответ:

– Я – тот, кто говорит тебе “вали отсюда”, – сказал он. – Катись, пока я тебя не закатал.

– Слушай, – Форд начинал нервничать – ему хотелось поставить все на места, а головокружение этому мешало, – Слушай, мы с Мраком старые корефаны, еще с тех времен, а сейчас...

Форд покосился на Дезиато Мракобеза, который до сих пор не моргнул и глазом.

– А сейчас... – повторил Форд, не зная, что бы такого сказать после этого “сейчас”.

Крупный мужчина помог ему закончить фразу. Он сказал:

– А сейчас я работаю телохранителем мистера Дезиато. И я отвечаю за его тело. А за твое тело, пацан, я не отвечаю. Давай убери его куда-нибудь, пока оно не испортилось.

– Подожди минуту... – начал было Форд.

– Ни минуты, – отрезал телохранитель. – Нечего ждать. Мистер Дезиато ни с кем не разговаривает.

– Может, он сам об этом скажет? – предложил Форд.

– Пацан, я же объяснил: он ни с кем не разговаривает!

Форд обратился к Мракобезу за участием, но был вынужден признать, что правда на сто-

роне телохранителя. Дезиато не проявлял никакого интереса к окружающей его действительности, не говоря уже об интересе к здоровью Форда.

– А почему? – спросил Форд. – Что с ним такое?

Телохранитель объяснил.

XVII

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” отмечает, что “Авариум”, плутон-рок-группа с Ментальной Зоны Гагракака, повсеместно признана не только самой громкой рок-группой в Галактике, но и вообще самым громким физическим явлением в ней. Завсегдатаи их концертов утверждают, что лучшее звучание достигается в больших бетонных бункерах километрах в сорока от сцены, тогда как сами музыканты управляют своими инструментами по радио из хорошо звукоизолированного¹⁰ корабля, висящего на орбите планеты – причем, чаще всего совершенно другой планеты.

Тексты их песен в целом довольно просты, и фабула их не очень оригинальна: молодое существо мужского пола встречается с молодым существом женского пола при чарующем свете полной луны, которая вдруг взрывается ко всем чертям по неизвестной науке причине.

На многих планетах представления этой группы запрещены – иногда по художественным соображениям, но чаще из-за того, что аппаратура группы нарушает местные конвенции об ограничении стратегических вооружений.

Несмотря на это, доходы этого ансамбля раздвигают пределы теоретической гиперматематики, и ведущий инженер-бухгалтер коллектива недавно удостоился почетной должности профессора неостатистики в Максимегалонском университете в знак высокой оценки его Общей и Специальной Теорий Налогообложения Ансамбля “Авариум”, которые доказывают, что ткань времени-пространства не только искривлена, но еще и вывернута швами наружу.

Форд, покачиваясь, вернулся к столику, за которым Зафод, Артур и Триллиан ждали начала представления.

– Закусить бы, – сказал Форд.

– О, Форд! – повернулся к нему Зафод. – Ну, что там твой грохотун?

Форд невнятно кивнул головой:

– Мракобез? Ну, пообщались, типа...

– И как?

– Да не то, чтобы очень как. Дело в том, что он это... В общем, он того.

– Что, что он?

– Короче, на этот год он умер. Налоги, понимаешь ты. Уф, дайте присесть.

Форд сел.

Подошел официант.

– Желаете изучить меню, – спросил он, – или вы хотели бы встретиться с блюдом дня?

– Как-как? – спросил Форд.

10 «Нашему коллективу известно, что взрывы в космосе не слышны» - Джордж Лукас, режиссер «Звездных войн».

– Как-как? – спросил Артур.

– Как-как? – спросила Триллиан.

– Так-так! – ответил Зафод. – Гоните блюдо.

В маленьком кабинете в одном из лучей ресторанного комплекса высокий худой угловатый человек отодвинул занавеску, и кошмар осветил его лицо.

Лицо это не отличалось красотой – возможно, потому, что кошмары освещали его слишком часто. Прежде всего, оно было слишком вытянутым, глаза – слишком запавшими, щеки – впалыми, губы – тонкими и узкими, а когда они раскрывались в улыбке, показывались зубы, похожие на шпангоуты потерпевшего крушение парусника. Руки, придерживавшие занавеску, тоже были длинными и тонкими; к тому же они были холодными. Пальцы, прятавшиеся в складках занавесей, производили впечатление, будто стоит их хозяину на миг отвести от них свой ястребиный взор, как они сами собой уползут в какой-нибудь темный угол и займутся там чем-нибудь предосудительным.

Худой человек отпустил занавеску, и жуткий свет, игравший на его лице, отправился поиграть на чем-нибудь более симпатичном. Человек побродил немного по маленькому кабинету, похожий на богомола, размышляющего о вечерней охоте. Наконец, он присел на шаткий стул возле колченогого столика и просмотрел несколько страниц печатного текста с шутками.

Прозвенел звонок.

Человек бросил бумаги на столик и поднялся. Пальцы его пробежались по миллиону радужных блесток, которыми был обшит его пиджак; затем он открыл дверь и вышел.

Огни в Ресторане потухли, оркестр заиграл марш, и черноту лестницы, спускающейся на середину сцены, высветил белоснежный круг света.

В этом круге появился высокий, сверкающий бриллиантами человек. Он слетел на сцену, легко подошел к микрофону, широким взмахом длинной худой руки вынул его из стойки и встал, раскланиваясь направо и налево, благодаря публику за аплодисменты и демонстрируя ей свои шпангоуты. Он помахал рукой несуществующим личным знакомым где-то там в публике и дождался, пока аплодисменты стихнут.

Он поднял руку и улыбнулся улыбкой, которая простиралась не просто от уха до уха, но, похоже, и выходила за пределы лица.

– Благодарю вас, дамы и господа! – воскликнул он, – Спасибо, большое спасибо! Огромное спасибо!

Человек подмигнул публике.

– Дамы и господа, уважаемые гости, дорогие друзья! – сказал он. – Итак, Вселенная, как мы ее знаем последние сто семьдесят миллионов миллиардов лет, в течение ближайшего получаса завершит свое существование. Добро пожаловать в “Последний путь”, Ресторан На

Конце Света!

Мановением руки он вызвал новый бурный поток аплодисментов. Другим мановением он прекратил его.

– Я – Макс Квордлблин, – сказал он. Все знали, как зовут заслуженного артиста Галактики, но он все равно представился – исключительно ради новых аплодисментов, вызванных этим, каковые аплодисменты он принял с отсутствующей улыбкой и небрежным жестом костлявой руки. – Я только что прибыл к вам с другого конца времени – из бара “Большой Взрыв”, где, поверьте мне, дамы и господа, мы провели незабываемый вечер; а сейчас мы вместе с вами отметим другое уникальное историческое событие – Конец Света!

Еще один взрыв аплодисментов стих, когда в зале стало еще темнее. На всех столиках сами собой вспыхнули свечи, отчего сидевшие за столиками издали невольный возглас изумления, растворяясь в тысячах мерцающих огоньков и миллионах колышущихся уютных теней. Дрожь восхищения пронеслась по погрузившемуся в сумрак ресторану: огромный золотой купол над залом начал медленно-медленно темнеть, растворяться и исчезать.

Макс продолжил более проникновенно:

– Итак, дамы и господа – свечи сияют; оркестр играет тихую музыку; купол силового поля над нами постепенно делается прозрачным, открывая нам черное мрачное небо, наполненное древним светом давно умерших звезд... Мне кажется, этим вечером нас ожидает прекрасный, восхитительный апокалипсис!

И даже тихий шелест оркестра смолк в момент, когда те, кому довелось увидеть это впервые, начали потрясенно вставать со своих мест.

Чудовищный, жуткий свет пал на них —

– кошмарный свет,

– мертвящий, гибельный свет,

– свет, который мог бы обезобразить преисподнюю.

Вселенная подошла к концу.

Несколько бесконечных секунд ресторан молча плыл в бушующей пустоте. Затем снова заговорил Макс:

– Для тех из вас, кто ждал увидеть свет в конце туннеля, – объявил он. – Вот этот свет!

Снова вступил оркестр.

– Благодарю вас, дамы и господа, – воскликнул Макс. – Я вернусь к вам через секунду, а пока что позвольте представить вам мистера Рега Аннулирика и его поистине катастрофический ансамбль! Аплодисменты, дамы и господа, аплодисменты для Рега и его команды!

В небесах продолжала разворачиваться кульминация трагедии мироздания.

Из публики донеслось несколько одиноких хлопков, потом еще, и через некоторое время вернулась прежняя приподнятая атмосфера. Макс пошел между столами и принялся здороваться, шутить, громко смеяться – отрабатывать свой нешуточный гонорар.

К столику Зафода Библброкса подошло крупное млекопитающее – мясистое, жирное

четвероногое, похожее на корову, с большими маслянистыми глазами, маленькими рожками и чуть ли не вкрадчивой улыбкой на губах.

– Добрый вечер, – промычало оно и неуклюже поклонилось. – Я – сегодняшнее блюдо дня. Позвольте ознакомить вас с собой.

Животное вздохнуло, отрыгнуло жвачку, развернуло к столику свои филейные части и умиротворенно оглядело присутствующих.

Артур и Триллиан смотрели на него с изумлением и ужасом, Форд – с безразличием, а Зафод Библброкс – с нескрываемым вожделением.

– М-может быть, лопатку? – предложило животное. – С белым винным соусом?

– Чью? Вашу лопатку? – переспросил Артур испуганным шепотом.

– Разумеется, м-мою, сэр, – промычало животное. – Чью же еще я м-могу вам предложить?

Зафод встал и со знанием дела принялся ощупывать лопатки животного.

– Крестец тоже очень хорош, – продолжало животное. – Я много упражнялась и ела много зерна, поэтому мне удалось накопить там отличное м-мясо.

Животное еще раз с негромким звуком отрыгнуло жвачку, пожевало ее и проглотило снова.

– А может быть, кассероль с м-моим участием? – добавило оно.

– Ты хочешь сказать, что она действительно хочет, чтобы мы ее съели? – прошептала Триллиан Форду.

– Я? – переспросил Форд, моргнув остекленелыми глазами. – Хочу? Сказать? Нет.

– Но это же совершенно ужасно, – воскликнул Артур. – Это самое возмутительное из всего, что я слышал!

– В чем проблема, землянин? – спросил Зафод, переключаясь на мощный крестец животного.

– Я не могу есть животное, которое само хочет, чтобы я его съел! – сказал Артур. – Это негуманно!

– По-твоему, гуманнее есть животное, которое этого не хочет? – спросил Зафод.

– Дело не в этом! – воскликнул Артур. Подумав немного, он согласился: – А может быть, как раз в этом. Неважно. Сейчас мне это не важно. Сейчас я бы... э-э...

Вселенная над ним корчилась в предсмертной агонии.

– Я наверно возьму овощной салат, – закончил он.

– Я бы посоветовала вам мою печень, – обратилось к нему животное. – Она должна была стать очень нежной и тонкой. Я уже несколько месяцев занимаюсь насильственным корм-м-лением.

– Пожалуйста, овощной салат, – повторил Артур.

– Овощной салат? – переспросило животное, неодобрительно посмотрев на Артура.

– Не собираетесь ли вы мне заявить, – спросил Артур, – что есть овощи – это плохо?

– Как вам сказать, – ответило животное. – М-многие мои знакомые овощи придерживаются именно такого м-мнения. Потом-му-у-то и было решено покончить с этой проблемой и вывести животное, которое само хочет быть съеденным и м-может четко и определенно заявить об этом. И вот – я перед вами.

Животное попыталось сделать реверанс.

– И, пожалуйста, холодной воды, – попросил Артур.

– Слушай, – сказал Зафод, – мы вообще-то хотели пожрать, а не разводить дискуссии. Пожалуйста, четыре кровяных бифштекса, и побыстрее – мы не ели пятьсот миллиардов лет!

Животное принялось разворачиваться, снова тихо хрюкнув.

– Прекрасное решение, сэр, – сказала оно. – Отличный выбор. Ну, я пойду, разделаюсь.

И животное неторопливо двинулось в сторону кухни, но по пути обернулось к Артуру и подмигнуло ему:

– Не беспокойтесь, сэр! Все будет сделано очень гум-манно.

Спустя сколько-то минут официант принес четыре огромных дымящихся бифштекса. Зафод и Форд набросились на них, как волки, не теряя ни секунды. Триллиан поглядела на свой бифштекс, потом пожала плечами и присоединилась к ужину.

Артур смотрел в свою тарелку, чувствуя себя не в ней.

– Да брось ты, землянин, – сказал Зафод со злодейской улыбкой на том лице, которое не было занято мясом. – Кончай свое самоедство.

Оркестр играл румбу.

По всему ресторану веселились и беседовали люди и нелюди. В воздухе стоял гул разговоров обо всякой всячине и смесь ароматов экзотических цветов, причудливых блюд и коварных вин. Вселенский катаклизм, бушующий на бесконечное количество миль во всех направлениях, подбирался к своим завершающим аккордам. Поглядев на часы, Макс вернулся на сцену:

– Ну, что же, дамы и господа, – спросил он, – Мы прекрасно провожаем в последний путь нашу старушку Вселенную, не так ли?

– Так! – закричали посетители из породы тех людей, которые всегда отвечают на вопросы со сцены.

– Замечательно! – воскликнул Макс, – Восхитительно! Чудесно! И пока фотонные бури собираются вокруг нас, готовясь разорвать на части последние багровые звезды, я уверен, мы все постараемся как можно полнее насладиться моментом, который, поверьте мне, уже ничто не сможет затмить!

Макс помолчал, обведя публику прищуренным глазом.

– Да, дамы и господа, – сказал он. – Это будет поистине неповторимо!

Макс снова умолк. Сегодня он безукоризненно выдерживал график. Это шоу он работал уже не первый год – вечер за вечером. Впрочем, здесь, на краю времени, годы и вечера имели мало значения. Всего лишь бесконечные репетиции конца, когда Ресторан подъезжает к самому обрыву времени – а потом отъезжает обратно. Хотя сегодняшний, если можно так выразиться, вечер, удался особенно: публика целиком лежала на его подагрической ладони. Макс заговорил тихо, так, что публике пришлось притихнуть и прислушаться:

– Это конец, прекрасные друзья мои, конец, – сказал он. – Конец всего, конец всему, окончательная гибель, тотальное исчезновение всего величественного мироздания. Это, да простят мне дамы и господа невольный каламбур, будет полный конец.

Он заговорил еще тише. В наступившей тишине не решилась бы прокашляться и муха.

– Дальнейшее, – продолжал Макс, – ничто. Пустота. Молчание. Забвение. Дальше не будет ничего.

Глаза его блеснули:

– Совершенно ничего... не считая, разумеется, десерта и превосходного выбора альдебаранских ликеров!

За его спиной оркестр сыграл туш. Макс мысленно поморщился. Ему, артисту такого высокого ранга, не нужен был этот туш. Он сам мог играть на публике, как на музыкальном инструменте. Вот сейчас они все дружно выдохнули с облегчением. Макс продолжил:

– Что еще замечательно, так это то, – весело воскликнул он, – что сегодня вы можете не думать о том, как вы будете чувствовать себя завтра утром. Завтра не будет!

Он ослепительно улыбнулся своей счастливой хохочущей публике. Затем он бросил взгляд на небо, где из вечера в вечер совершалась одна и та же гибель. Взгляд его был длиною лишь в долю секунды: он полагался на то, что Вселенная справится со своей задачей, как один профессионал полагается на работу другого.

– А теперь, – сказал он, пройдясь по сцене, – рискуя разрушить восхитительную атмосферу скорби и тщеты всего сущего, царящую вокруг нас в этот удивительный вечер, я хотел бы поприветствовать наших гостей.

Он вынул из кармана записку:

– Поприветствуем, – ему пришлось поднять руку, чтобы унять шум, – поприветствуем гостей с солнечного Мухосранкса – членов бридж-клуба имени Бертольда Шванца! Где вы?

Из глубины зала послышались приветственные возгласы, но Макс не подал вида. Он продолжал вглядываться в зал, ища их.

– Где же вы? – спросил он, вызвав еще более громкие возгласы.

Это всегда работало безотказно.

– А! Вот они, вот они. Делаем последние ставки, коллеги! И чур не мухлевать – хотя бы в конце-то концов!

Жестом он заставил смех стихнуть.

– Приветствуем также делегацию богов и героев из чертогов Вальгаллы!

По правую сторону от него раздался удар грома. Молния сверкнула через сцену. Небольшая компания весьма довольных собой очень волосатых здоровяков в рогатых шлемах подняла рога и кубки, как бы чокаясь с Максом.

Вот отморозки, подумал Макс про себя.

– Сэр, прошу вас – осторожнее с этим молотом¹¹!

Снова грянул гром и сверкнула молния. Макс улыбнулся компании тонкими ядовитыми губами.

– Далее. Присутствует ли здесь – зачитал он, – делегация от молодежной организации при партии Прогрессивных Консерваторов с Сириуса-Б?

Свора изысканно разодетых молодых псов перестала перекидываться хлебными шариками и принялась кидаться ими в сцену. Они нечленораздельно лаяли и тявкали.

– Думаю, теперь вы понимаете, что все это из-за вас?! И наконец, – Макс встал в торжественную позу, и публика притихла, – и наконец, мы приветствуем находящихся среди нас истинно правоверных, глубоко и искренне верующих членов Церкви Второго Пришествия великого пророка Заркона!

Этих было десятка два. Они сидели прямо перед сценой, одетые крайне строго, и не участвовали во всеобщем веселье, потягивая минеральную воду из принесенных с собой бутылок. Попад в луч света, они стали жмуриться и отворачиваться.

– Вот они! – объявил Макс. – Они полны терпения и надежды. Он улетел - но он обещал вернуться! Только это было уже довольно давно, поэтому давайте верить, что он поторопится, друзья мои, потому что у него осталось на это всего восемь минут!

Поклонники Заркона сидели, словно аршин проглотив, и не обращали внимания на немилосердный хохот, бушевавший вокруг них.

Макс остановил смех.

– Нет-нет, друзья мои, серьезно! Я никого не хотел обидеть! Смеяться над глубокими и искренними чувствами грешно, поэтому – наши аплодисменты великому пророку Заркону... – публика послушно зааплодировала, – где бы его ни носило!

Макс послал сидящим с каменными лицами фанатикам воздушный поцелуй и вернулся на середину сцены.

Там он пододвинул к себе стул и сел на него верхом.

– Забавно, – заговорил он. – Забавно видеть здесь сегодня так много зрителей. Разве не забавно? Ведь я знаю, что многие из вас бывают здесь по многу раз. Это, по-моему, уж совсем удивительно: приходить сюда и видеть финал и конец всего, а потом возвращаться домой, в свои времена... и там растить детей, бороться за лучшую жизнь, вести кровопролитные войны во имя того, что представляется вам священным... Нет, правда! Это просто-таки заставляет поверить в грядущее, полное смысла и разума! Если, конечно, не брать в расчет

11 Мне иногда кажется, что это намек на "[*Careful with that axe, Eugene*](#)", популярную в определенных сферах нашей галактики композицию ансамбля Pink Floyd.

тот доподлинно известный нам факт, что – Макс указал на водоворот кошмара над залом и вокруг него, – никакого грядущего нет.

Артур повернулся к Форду – это место он как-то не вполне осознал.

– Послушай, – сказал он. – Но если Вселенная скоро погибнет... то, получается, и мы тоже?

Форд посмотрел на него трех-пангалактик-горлодеровым – то есть, довольно мутным – взглядом.

– Да нет, – ответил он. – фигня. Смотри. Как только ты попал в эту хрень, ты вошел в такое типа мощное временное искривление силовых полей. Я так думаю.

– А, – сказал Артур и вернулся к тарелке супа, которую он выпросил у официанта взамен своего бифштекса.

– Сейчас, – сказал Форд. – Сейчас все объясню.

Он взял со стола салфетку и некоторое время беспомощно вертел ее в руках.

– Вот смотри, – начал он снова. – Представь себе, что вот эта салфетка – наша Вселенная во времени-пространстве. Представил? А вот эта ложка – трансдукционная модель искривления материи...

Последняя фраза не получилась у него с первого раза, но Артур не решился перебить:

– Это моя ложка, – сказал он, наконец дождавшись.

– Ну, так вот, – продолжал Форд, – представь себе теперь, что вот эта ложка... – он нашел на блюде с остатками салата маленькую деревянную ложечку, – вот эта ложка... – но мысль ускользнула от него, – не, лучше вот эта вилка...

– Положь мою вилку взад! – возмущенно взвыл Зафод.

– Ну, ладно, – повернулся к нему Форд, – ладно, ладно, чего ты. Попробуем так. Скажем, вот этот бокал – это время Вселенной...

– Какой бокал? Тот, который ты только что сшиб на пол локтем?

– Кто, я?

– Ну да, ты.

– Да ну, – махнул рукой Форд, – фиг с ним. Что я рассказывал-то... А! Вот знаешь ли ты... ты знаешь ли, как вообще вся эта Вселенная завертелась?

– Думаю, что нет, – ответил Артур, давно уже жалея, что затронул эту тему.

– Так вот, – начал Форд, – представь себе такую штуку. Представь себе ванну. Представил? Большую круглую ванну. Джакузи. Из черного дерева.

– Где это ты видел такие ванны? – поинтересовался Артур. – Хэрродские бани уничтожили вогонь.

– Какая, на фиг, разница?!

– Кому как. Ну, давай дальше.

– Слушай!

– Слушаю.

– И вот эта ванна, так? Представь себе, что у тебя есть такая ванна. И она из черного дерева. И она в форме конуса.

– Конуса? – переспросил Артур. – Это кому же...

– Тс-с-с! – сказал Форд. – Она в форме конуса. И ты – представляй себе! – ты сыплешь в нее тонкий белый песок, так? Или сахар. Или... нет, просто тонкий белый сахарный песок. Или песок с сахаром... Или... Да ладно, не суть. Пусть будет сахар. А когда она заполняется, ты вынимаешь пробку... ты следишь?

– Я слежу.

– Ты вынимаешь пробку, и вся эта байда высыпается оттуда, из дырки, такой тонкой струйкой...

– Понятно.

– Да ничего тебе не понятно! Что тебе понятно? Главный прикол я тебе еще не рассказывал. Рассказать, в чем главный прикол?

– Ну, расскажи, в чем главный прикол.

– Вот я тебе и расскажу, в чем главный прикол.

Форд задумался, пытаясь вспомнить, в чем же заключался этот главный прикол.

– Главный прикол вот в чем, – сказал он. – Прикол в том, что ты все это снимаешь на пленку.

– Ах вот оно что.

– Нет, стой! Прикол не в этом. Прикол в том – вот, я вспомнил, в чем прикол! Прикол в том, что ты заряжаешь потом пленку в проектор – задом наперед!

– Задом наперед?

– Ну, да. Ты заряжаешь ее наоборот – вот в чем прикол. Поэтому потом, когда ты смотришь этот фильм, у тебя все забирается в дырку и заполняет ванну. Врубается?

– И что, так появилась Вселенная? – спросил Артур.

– Нет, – ответил Форд, – Но, согласись, это прикольное занятие!

Форд потянулся за бокалом:

– А где мой стопарь? – спросил он.

– На полу.

– Какая неприятность!

Откинувшись на стуле, чтобы дотянуться до него, Форд едва не упал на маленького зеленого официанта, подошедшего к их столику с телефонной трубкой.

Форд извинился перед официантом, заявив, что его поведение недостойно бетельгейзи-

анского торгового разведчика. Официант ответил, что все в полном порядке, и что он все прекрасно понимает. Форд поблагодарил официанта за понимание и терпимость, попытался взять под козырек, промахнулся и исчез под столом.

– Мистер Зафод Библброкс? – спросил официант.

– Что такое? – спросил Зафод, выглянув из-за третьего бифштекса.

– Вам звонят.

– Не понял?

– Вас к телефону, сэр.

– Меня? Здесь? Кто это знает, что я здесь?

Одна из его голов принялась лихорадочно вычислять. Другая задумчиво озирала еду, непрерывно отправляемую в нее руками.

– Это ничего, что я жую? – спросила она и продолжила это занятие.

Первая же голова насчитала уже столько народу, что сбилась со счета. Не следовало, конечно, заваливаться сюда с такой помпой. А с другой стороны, – подумал Зафод, – да почему же нет? Что это за веселье, если никто не видит, как тебе весело?

– Должно быть, кто-то уже позвонил в галактическую полицию, – сказала Триллиан. – Ведь все видели, как ты зашел.

– Ты хочешь сказать, что меня сейчас арестуют по телефону? – спросил Зафод. – Ну, посмотрим. Я бываю очень страшным, если меня разозлить.

– Ага, – донеслось из-под стола. – Он разлетается на куски и кладет всех вокруг шрапнелью.

– Да вот еще, тоже мне "Судный День", – хмыкнул Зафод.

– А что, это тоже сегодня будет? – озабоченно спросил Артур.

– Мне не к спеху, – ответил Зафод. Он пнул ногой Форда: – Эй, там, в трюме! Вылезай, ты мне можешь понадобиться. Так кто там у нас на проводе?

– Я не имею чести, – ответил официант, – быть знакомым с этим железным джентльменом, сэр...

– Железным?

– Железным, сэр.

– Ты сказал “железным”?

– Совершенно верно, сэр. Я сказал, что не имею чести быть лично знакомым с этим железным джентльменом, но...

– Что “но”?

– Но мне передали, что он ожидает вас здесь уже не одну тысячу лет. Вероятно, вы что-то забыли у нас в прошлый раз.

– В прошлый раз? – переспросил Зафод. – Какой еще прошлый раз? Мы только что прибыли!

– Это так, сэр, – настаивал официант, – но прежде, чем вы прибыли сюда сегодня, сэр, вы, по всей очевидности, уже были здесь.

Зафод попробовал одолеть эту мысль одним своим мозгом, а потом другим.

– Ты хочешь сказать, что прежде, чем мы появились здесь, мы уже здесь были?

Вечер перестает быть томным, – подумал официант.

– Именно так, сэр, – сказал он вслух.

– Твоему психиатру надо молоко давать за вредность, – заметил Зафод.

– Не! Погодите! – вмешался Форд, снова появляясь над поверхностью стола. – Ради бога, скажите, какая это планета?

– Если вас это интересует, то вы находитесь на планете Ляфтортово-Б, сэр.

– Но мы же уже были на ней! – запротестовал Зафод. – Мы были на ней и улетели с нее в Ресторан На Конце Света.

– Вы абсолютно правы, сэр, – подтвердил официант, почувствовав себя на финишной прямой, и с неплохим отрывом. – Этот ресторан выстроен на ее руинах.

– А! – воскликнул, прозрев, Артур. – То есть, мы путешествовали не в пространстве, а во времени!

– Слушай, ты, примат недоразвитый! – оборвал его Зафод. – Лез бы ты на свою пальму!

Артур задохнулся.

– А у кого четыре глаза, – прошипел он, – тот похож на водолаза!

– Зачем вы так, сэр, – упрекнул официант Зафода. – Ваш питомец совершенно прав.

Артур побледнел от злости, но не нашел достойного ответа. Он вообще утратил дар речи.

– Вы совершили прыжок в будущее – что-то около пятисот семидесяти шести миллиардов лет – все это время оставаясь на том же самом месте, – объяснил официант с улыбкой. У него было восхитительное ощущение, будто он победил в сражении, выиграть которое у него не было никаких шансов.

– Так вот оно что! – воскликнул Зафод. – Все же ясно! Я приказал компьютеру отправить нас в ближайшее место, где можно поесть – и он именно это и сделал! Кроме этих пятисот семидесяти шести миллиардов лет, мы с места не сдвинулись! Круто!

Никто не спорил с тем, что это было очень круто.

– Ну, ладно, – сказал Зафод. – А кто же все-таки мне звонит?

– А куда делся Марвин? – спросила Триллиан.

Зафод хлопнул себя по лбам:

– Андроид-Параноид! Я оставил его валяться на Ляфторово-Б.

– Когда это было?

– Ну... где-то пятьсот семьдесят шесть миллиардов лет назад, – ответил Зафод. – Ну-ка, водитель подноса, дай-ка мне свою матюгалку.

Брови маленького официанта непонимающе взлетели выше головы.

– Прошу прощения, сэр? – переспросил он.

– Телефон, давай телефон, – перевел Зафод, выхватывая у официанта трубку. – Что-то вы тут, ребята, такие тормозные – ботинки, что ли, к полу прилипают?

– Вы совершенно правы, сэр...

– Алё, Марвин, это ты? – спросил Зафод в трубку. – Ну, как твое ничего?

В трубке долго молчали, а потом послышался тихий печальный голос:

– Мне кажется, я должен сообщить вам, что я чувствую себя прескверно.

Зафод прикрыл трубку ладонью:

– Он! – сказал он.

– Алё, Марвин, – продолжил он в трубку. – Мы тут оттягиваемся на всю катушку. У нас тут еда, выпивка, безобразия и конец света. Где нам тебя искать?

Снова молчание.

– Вы не обязаны делать вид, будто я вас интересую, – сказал наконец Марвин, – Я прекрасно знаю, что я всего лишь робот-помощник.

– Ну, ладно, ладно, – прервал его Зафод, – так где ты есть?

– “Назад до упора, Марвин”, говорят они мне, “открой третий шлюз, Марвин”, “Не мог бы ты поднять вон ту бумажку, Марвин”... Не мог бы я – я, обладатель мозга размером с планету – не мог бы я...

– Не говори, – вставил Зафод, скорее в прямом смысле, чем в переносном.

– Ничего. Я привык к унижениям, – зудел Марвин. – Если хотите, я могу засунуть голову в помойное ведро. Хотите, я засуну голову в помойное ведро? Ведро у меня с собой. Одну секунду...

– Эй, Марвин, алё!.. – закричал Зафод, но было поздно. Из трубки послышалось звяканье и бульканье.

– Ну, что он там говорит? – спросила Триллиан.

– Ничего особенного, – ответил Зафод, – Облил нас помоями по телефону.

– Пожалуйста, – сказал Марвин, вернувшись на связь. – Надеюсь, вам понравилось.

– Да, отлично, – сказал Зафод, – теперь сделай милость, скажи, где ты?

– Я на парковке, – ответил Марвин.

– На парковке? – переспросил Зафод. – Что ты там делаешь?

– Паркую машины. Что еще можно делать на парковке?

– Отлично! Будь там, мы уже выходим.

Одним движением Зафод встал из-за стола, выключил трубку телефона и подписал счет именем “Дезиато Мракобез”.

– Вперед, ребята, – сказал он. – Марвин ждет на парковке. Пошли отсюда.

– А что он делает на парковке? – спросил Артур.

– Паркует машины, что же еще? Ну и вопросыки у тебя.

– А как же конец света? Мы же пропустим самое главное!

– Да видел я это все. Фигня, – сказал Зафод, – йошьлоб вырзв, и больше ничего.

– Что-что?

– Большой Взрыв наоборот. Пошли, пошли отсюда.

Мало кто из посетителей обратил внимание на их продвижение через весь зал к выходу. Все неотрывно глазели на ужасы небес.

– Любопытный эффект, – говорил Макс, – можно наблюдать сейчас в левом верхнем секторе неба. Если присмотреться, вы увидите звездную систему Гастромиль, превращающуюся в чистый ультрафиолет. Здесь есть кто-нибудь с Гастромиля?

Несколько нерешительных голосов слышались из зала.

– Думаю, – с улыбкой сказал им Макс, – уже поздно вспоминать, выключили ли вы перед уходом газ.

XVIII

Вестибюль ресторана был практически пуст, но Форд продолжал двигаться противолодочным зигзагом. Зафод взял его за локоть и отбуксировал в стеклянную будочку у стены.

– Куда ты его тащишь? – спросил Артур.

– Это электрооклемальник, – ответил Зафод и опустил в щель монетку. Замигали лампы и загудели насосы.

– А вот и я, – сказал Форд, выйдя из будки. – Куда мы теперь?

– Вниз, на парковку. Пошли.

– Так есть же пассажирские темпоральные телепорты, – предложил Форд. – Перенесемся прямо к “Золотому Сердцу”.

– Можно. Но меня, честно говоря, этот корабль больше не прикалывает. Пусть Зарнивуп им подавится. Я в эти игры наигрался. Пошли посмотрим, чем тут можно разжиться.

Веселый Вертикальный Транспортировщик Сирианской Кибернетической корпорации повез наших друзей глубоко в подземелья ресторана. К своей радости они обнаружили, что этот лифт кто-то уже усовершенствовал при помощи молотка и отвертки, и лифт не пытался развеселить их, а просто отвез вниз.

На дне шахты двери лифта раскрылись, и внутрь ворвался холодный затхлый воздух.

Первое, что они увидели, выйдя из лифта, была длинная выкрашенная серой краской стена и пять десятков дверей со схематическими изображениями пятидесяти основных полов, населяющих Галактику. Несмотря на эти двери, парковка – как и все парковки в Галактике – источала в основном аромат нестерпения.

За углом они обнаружили бегущую дорожку-транспортёр, которая пересекала широкое изрытое ямами поле, уходящее к горизонту. Поле было поделено на площадки, и на каждой площадке стоял звездолет кого-нибудь из посетителей. Здесь были и скромные недорогие семейные модели, но попадались и огромные сверкающие лимузоны – игрушки богачей.

Глаза у Зафода то и дело вспыхивали – возможно, от алчности, возможно от какого-либо другого чувства. Впрочем, если разобраться, это, конечно, была алчность.

– Вот он! – сказала Триллиан. – Вон там – Марвин!

Они поглядели туда, куда она показывала. Вдалеке они увидели тускло поблескивающую фигурку, бессмысленно протиравшую тряпочкой одну из причальных стоек гигантского серебристого гиперкрейсера.

На равных расстояниях друг от друга с бегущей дорожки спускались вниз большие прозрачные трубы. Зафод сошел с дорожки, шагнул в одну такую трубу и плавно полетел вниз. Остальные последовали за ним. Впоследствии Артур Дент вспоминал об этом, как о единственном из всех его путешествий по Галактике, которое доставило ему удовольствие.

– Марвин! – воскликнул Зафод издалека. – Марвин, старина, как приятно тебя видеть!

Марвин обернулся, и если совершенно неподвижная металлическая поверхность может

принять укоризненное выражение, то именно это выражение появилось на его лице.

– Не верю, – сказал он. – Не бывает.

– И понятно, почему, – сказал Зафод и отправился посмотреть поближе на корабли. Форд пошел с ним. Только Триллиан и Артур дошли до Марвина.

– Да нет же, правда приятно, – сказала Триллиан и похлопала его по плечу, чего он терпеть не мог. – Ты ждал нас здесь все это время?

– Пятьсот семьдесят шесть миллиардов три тысячи пятьсот семьдесят девять лет, – отвечал Марвин. – У нас все точно.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала Триллиан, чувствуя – и в этом Марвин был с ней полностью согласен – что сказала глупость.

– Хуже всего были первые десять миллионов лет, – сказал Марвин. – Вторые десять миллионов лет тоже были хуже всего. Третьи десять миллионов были еще хуже. А уж потом стало по-настоящему плохо.

Марвин подождал, пока кто-нибудь почувствует, что что-то нужно сказать, и перебил его:

– Что действительно угнетает в моей работе, так это взаимоотношения в коллективе, – и снова умолк.

Триллиан сочувственно начала было:

– Это так...

– Моя самая содержательная беседа за последние сорок миллионов лет... – продолжил Марвин и снова умолк.

– Не может...

– Мне посчастливилось побеседовать с кофеваркой.

Марвин помолчал еще.

– С как...

– Вам трудно разговаривать со мной? – спросил Марвин отрешенно.

Триллиан ответила не ему, а Артуру.

Чуть поодаль Форд Префект нашел нечто, лицезрение которого доставляло ему огромное удовольствие. Даже несколько таких нечт.

– Зафод, – позвал он тихо, – ты посмотри только на это чудо!

Зафод посмотрел и одобрил.

Перед ними стоял маленький, но очень необычный звездолет – игрушка для богатого ребенка. Собственно, и смотреть-то было практически не на что. Звездолет больше всего походил на бумажный самолетик метров шести в длину, сделанный из тонкой, но сверхпрочной фольги. В хвостовой части располагалась низкая двухместная кабинка. Скромный шарм-мотор не позволял ему развивать большие скорости.

Что было у этого корабля большим – так это радиатор. Радиатор его размещался примерно посередине корпуса, весил около двух тысяч миллиардов тонн и заключал в себе черную дыру, подвешенную в электромагнитном поле. Благодаря такому теплоотводу корабль мог летать всего в нескольких милях от желтых солнц, ловить протуберанцы, вылетающие из их недр, и мчаться на них. Сёрфинг на протуберанцах – один из самых экзотических и экстремальных видов спорта, и те, у кого хватает смелости и средств заниматься им – самые часто фотографируемые спортсмены в Галактике. Этот спорт, разумеется, смертельно опасен – те, кто выжил в гонках, неизменно погибают после них на спортивных базах клуба астросёрфинга “Икар” от полового истощения.

Форд с Зафодом поглядели и пошли дальше.

– А вон, смотри, – сказал Форд. – вон тот оранжевый багги с черными бустерами!

Звездолет-багги – тоже малолитражный корабль. Название его сбивает с толку, потому что межзвездные пространства ему недоступны. Он задумывался как спортивный межпланетный бездорожник, прикидывающийся чем-то более серьезным. Впрочем, дизайн его неплох. Зафод и Форд пошли дальше.

Дальше стоял большой, метров тридцать в длину, звездолет-лимузон, построенный явно с одной-единственной целью: заставить всякого, кто его увидит, заболеть от зависти. Раскраска, полировка и хром каждой детали, казалось, говорили: “Могу позволить себе не только такой корабль, но и положить на него болт”. Корабль был восхитительно ужасен.

– Ты только посмотри, – прошептал Зафод. – Мультикластерный кварковый движок, персуплексные обвесы... “Лазлар Лирикон”, блин! Ручная сборка!

Он чуть ли не обнюхал весь корабль.

– Точно! – сказал он наконец. – Вон, глянь – инфра-розовая ящерица на нейтринном рассекателе. Лейбл “Лазлара”. У-у, зла не хватает!

– Я пытался застопить одного такого козла под Туманностью Акселя, – рассказал Форд. – Я там подвис по-крупному, и вот такой вот катафалк проехал мимо – медленно-медленно, межзвездный мотор еле тикал. Такой облом!

Зафод понимающе присвистнул.

– Через десять секунд, – добавил Форд, – он врезался в третью луну Беты Яглана.

– Да ты гонишь!

– Но корабль обалденный. Выглядит, как акула, летает, как акула, рулит, как корова...

Форд обошел корабль кругом.

– Эй, глянь-ка сюда! – позвал он. – Тут эмблема нарисована. Взрывающееся солнце – знак “Авариума”. Это наверняка тачка Мракобеза. Приподнялся старичок, ничего не скажешь. Есть у них убойная вещь, в которой под коду корабль врезается в солнце. Типа, сценическое шоу. Представляю, во сколько им встают эти корабли.

Но Зафод не слушал. Он смотрел на корабль, стоящий рядом с лимузоном Дезиатто Мракобеза, и рты его были открыты.

– А вот такого, – выговорил он, – такого мне лучше не показывать.

Форд посмотрел и тоже открыл рот.

Это был корабль строгих классических линий, напоминавший приплюснутую форель, метров двадцати в длину, очень чистый и очень симпатичный. Необычным в этом корабле было только одно...

– Он такой... такой черный... – промолвил Форд Префект, – что и не разглядеть... Свет будто проваливается в него!

Зафод ничего не ответил. Он влюбился в этот корабль с первого взгляда.

Чернота его была такой полной, что практически невозможно было определить расстояние от глаз до него.

– Взгляд с него будто соскальзывает... – изумленно шептал Форд. Он был потрясен до глубины души. Он закусил губу от волнения.

Зафод медленно, как во сне – а еще точнее, как во сне, который хочется сделать явью – подошел к кораблю. Он протянул к нему руку, потом отдернул. Потом рука его снова потянулась к обшивке корабля – и снова отдернулась.

– Ты только потрогай обшивку, – сказал он и не узнал собственного голоса.

Форд протянул руку к обшивке – и отдернул руку.

– Никак... Не получается! – воскликнул он.

– Так ото ж! – сказал Зафод. – Абсолютно гладкая поверхность. Никакого трения. Прикинь, какой у него ход!

Зафод посмотрел на Форда долгим взглядом. По крайней мере, одним взглядом – другой остался прикован к кораблю.

– Что скажешь, Форд? – спросил он.

– Про что? – Форд оглянулся по сторонам. – Угнать его? Тебе оно надо?

– Нет.

– Вот и я думаю, что нет.

– Но ведь мы же это сделаем?

– Без вариантов.

Они стояли и смотрели на корабль, пока Зафод вдруг не встрепенулся:

– Надо двигать, – сказал он. – С минуты на минуту Свет кончится, и все командиры повалят до своих мерсов.

– Зафод, – спросил Форд.

– Что?

– А как мы это сделаем?

– Очень просто, – ответил Зафод. – Марвин! – позвал он.

Медленно, с трудом, с тысячей звяков и скрипов, которые он научился изображать в широком ассортименте, робот обернулся на призыв.

– Подойди-ка сюда, – сказал Зафод, – Есть подходящая работенка для тебя.

Марвин побрел к ним.

– Сомневаюсь, что она мне подходит, – сказал он.

– Подходит, подходит, – заверил Зафод. – У тебя начинается новая жизнь.

– О нет! – простонал Марвин. – Только не это!

– Так! Молчи и слушай! – прошипел Зафод. – На этот раз все будет по-настоящему клево. Путешествия, приключения и все такое.

– Звучит кошмарно, – заметил Марвин.

– Марвин! Блин! Я всего лишь хотел попросить тебя...

– Должно быть, вы хотели попросить меня открыть вам этот звездолет?

– Что? А... ну, да. Да, вот именно! – согласился Зафод. Тремя глазами он косился на выход из ресторана. Каждая секунда была на счету.

– Вы могли прямо сказать мне об этом, не тратя время на поднятие моей мотивации, – сказал Марвин. – Нельзя поднять то, чего не существует.

Марвин подошел к кораблю, коснулся его, и люк распахнулся.

Форд и Зафод заглянули вовнутрь.

– Не за что, – сказал Марвин и поплелся туда, откуда пришел.

Артур с Триллиан подошли и вытянули шеи:

– Что тут происходит? – спросил Артур.

– Посмотри, – сказал Форд. – Загляни внутрь!

– Офигеть... – промолвил Зафод.

– Он черный! – сказал Форд. – Внутри он тоже тотально черный!

В Ресторане вечер приближался к тому моменту, после которого никаких моментов уже не должно было быть.

Глаза всех присутствующих были прикованы к куполу – за исключением глаз телохранителя Дезиато Мракобеза, который не сводил их с Дезиато Мракобеза, и глаз самого Дезиато Мракобеза, которые телохранитель почтительно прикрыв.

Телохранитель потянулся к своему хозяину через стол. Если бы Дезиато Мракобез был жив, он, вероятно, решил бы, что момент располагает к тому, чтобы откинуться назад или даже пойти пройтись: его телохранитель был из тех людей, которых не хотелось узнать поближе. Но, по причине своего плачевного состояния, Дезиато Мракобез остался неподвижен.

– Мистер Мракобез, – прошептал телохранитель. Когда он шептал, казалось, будто жел-

ваки на его скулах требовали друг у друга убратся с дороги. – Мистер Мракобез, вы меня слышите?

Дезиато Мракобез, естественным образом, ничего не ответил.

– Шеф! – просипел телохранитель.

Дезиато Мракобез, естественным образом, снова ничего не ответил.

Он ответил сверхъестественным образом: стоявший перед ним бокал зазвенел, и вилка поднялась в воздух и постучала по бокалу, а затем снова улеглась на стол.

Телохранитель удовлетворенно хмыкнул.

– Пора, мистер Мракобез, – сказал телохранитель. – Не хочется попасть в пробку на вылете, в вашем-то состоянии. Вам нужно прибыть на следующий концерт отдохнувшим и свежим. Народу там собралось – пропасть. Это будет что-то особенного. Кракофон, пятьсот семьдесят шесть миллиардов два миллиона лет назад. Вы, должно быть, такого не отжидали-ваете?

Вилка снова поднялась, поколебалась невнятно и упала обратно.

– Да, шеф, без базара, – сказал телохранитель, – все бёт в лучшем виде. Вы их всех закопалите.

Если бы доктор Думитреску Задесяточку услышал телохранителя, с ним случился бы удар.

– Черный корабль в солнце убирает всех, это верняк. А наш новый корабль – просто прелесть. Даже жаль его отправлять на такое дело. Давайте спустимся, я поставлю черный на автопилот, а сам поведу лимузон, идет?

Вилка снова звякнула по бокалу в знак согласия, и бокал вина мистическим образом опустел.

Телохранитель покати́л кресло Дезиато Мракобеса к выходу из ресторана.

– И наконец, – воскликнул Макс со сцены, – наконец наступает мгновение, которого вы ждали весь вечер!

Он воздел руки к потолку. Оркестр из-за спины обдал его барабанной дробью и раскатами синтаккордов. Макс много раз ругался с ними из-за этого, но они в ответ всякий раз показывали ему контракт и утвержденную дирекцией программу вечера. Надо заставить импресарио разобратся с этим раз и навсегда.

– Небеса сворачиваются! – воскликнул он. – Природа обрушивается в ревущую пустоту! Через минуту Вселенная погибнет! Холодный свет бесконечности коснется нас!

Ужасный ураган всеразрушения бушевал над ними – и в этот момент откуда-то из бесконечной дали донесся тихий зов трубы. Макс едва не вывихнул глаза, свирепо покосившись на оркестр: но никто в оркестре не играл на трубе. Внезапно на сцене рядом с ним появился смерч огня и дыма; к одинокому невидимому трубачу присоединились другие, столь же невидимые. Макс давал это шоу пятьсот с лишним раз, и ни разу не случалось ничего подобно-

го. Он испуганно отскочил от смерча огня и дыма, и в это мгновение из смерча вышел человек – длиннобородый старец в развевающихся белых одеждах, излучающих свет. В зрачках его горели звезды, а на голове была золотая корона.

– Что за шутки? – шепотом спросил Макс неизвестного. – Вы кто такой?

Члены Церкви Второго Пришествия великого пророка Заркона, сидевшие под сценой, повскакивали с мест с песнопениями и неразборчивыми выкриками.

Макс опомнился первым. Он раскинул руки:

– Дамы и господа! – прогремел он, – Ваши аплодисменты великому пророку Заркону! Он вернулся! Он прилетел!

Под гром оваций Макс прошел по сцене и протянул пророку микрофон.

Заркон откашлялся. Он поглядел на публику. Звезды в его глазах мигнули. Он смущенно поднял микрофон к бороде.

– Э-э... – сказал он. – Добрый вечер! Дело в том, что... Прошу прощения за опоздание. Столько дел, столько дел, и все наваливается в последний момент.

Царившая в зале тишина, казалось, нервировала его. Он снова прокашлялся.

– В общем... Что у нас со временем? – спросил он. – У меня есть еще...

И тут Вселенная кончилась.

XIX

Одним из главных достоинств уже упоминавшейся ранее в высшей степени замечательной книги "Путеводитель вольного путешественника по Галактике" – помимо ее относительной дешевизны и того, что на ее обложке крупными и симпатичными буквами написано "Без паники!" – является ее обширный и временами довольно толковый словарь. Возьмем, к примеру, данные по социогеографической статистике Вселенной, которые с известной легкостью можно отыскать между страницами 938 024 и 938 026. Несколько лаконичный стиль изложения этих данных отчасти объясняется тем, что копирайтеры, не успевая сдать текст в срок, списали эту информацию с коробки овсяных хлопьев к завтраку и кое-как подправили ее в некоторых местах во избежание преследований по галактическим законам об авторских правах, подчас невообразимо строгим и жестоким.

Любопытно, что следующий, более коварный редактор отправил книгу через временное искривление в прошлое, а потом вчинил успешный иск фирме-производителю хлопьев за нарушение тех самых законов.

Вот выдержка из этого текста.

Вселенная: информация, полезная для жизни в ней.

Размер: бесконечный.

"Путеводитель вольного путешественника по Галактике" предлагает следующее определение бесконечности:

Бесконечность: больше, чем самое большое из всего, что есть, и еще чуть-чуть. И даже гораздо больше, чем это; вообще ужас, какое огромное; совершенно невероятно колоссального размера; просто невразумительно гигантское. Бесконечность на самом деле так велика, что само величие по сравнению с ней выглядит несолидно. Стопятьсот тысяч миллионов до неба, умноженные на отсюда и до фи́га, дают слабое представление об идее, которую мы попытались до вас донести.

Импорт: отсутствует. Невозможно ввозить что-либо в бесконечность, поскольку ввозить неоткуда.

Экспорт: отсутствует. См. "Импорт".

Население: отсутствует. Всем известно, что планет – конечное количество, хотя бы уже потому, что пространство, в котором они могут находиться, бесконечно. В то же время, не все эти планеты обитаемы. Следовательно, количество обитаемых планет должно быть конечно. Любое конечное число, разделенное на бесконечность, делается бесконечно малым и ничтожным, поэтому население каждой планеты во Вселенной можно усредненно принять за ноль. Отсюда следует, что население всей Вселенной также равно нулю, и что все те, кого вы встречаете время от времени, являются не более, чем плодами воспаленного воображе-

ния.

Валюта: отсутствует. На самом деле, в Галактике имеют хождение три свободно конвертируемые валюты, но ни одну из них нельзя всерьез принимать во внимание. Альтаирский доллар недавно угодил в дефолт, фланинианские пуговицы обмениваются только на другие фланинианские пуговицы¹², а триганский пу имеет свою специфику: его курс относительно нинги – один к восьми – вполне несложен, но поскольку нинги – это резиновый треугольник со стороной в 6 800 км, никому еще не удалось накопить достаточно нинги, чтобы обменять их на один пу. К тому же, хождение нинги весьма ограничено, поскольку галактические банки отказываются заниматься разменной монетой. Исходя из этих данных, совсем несложно доказать, что галактические банки также являются не более, чем плодами воспаленного воображения.

Искусство: отсутствует. Задача искусства – служить зеркалом природы, а бесконечность ни в каком зеркале не поместится – см. п. 1.

Секс: отсутствует. Да ничего подобного! На самом деле, этого тут хоть отбавляй – особенно если учесть полное отсутствие денег, торговли, банков, искусства и всего остального, чем могло бы заниматься несуществующее население Вселенной. Однако, мы не будем вступать в дискуссию по этому вопросу, потому что вопрос это невероятно сложный. Некоторую дополнительную информацию по нему можно найти в главах VII, IX, X, XI, XIV, XVI, XVII, XIX, главах с XXI по XXIV включительно, а также, собственно, и во всех остальных главах нашего "Путеводителя".

12 Свободная конвертируемость этой валюты остается для меня большой загадкой природы.
(Прим. перев.)

Ресторан остался, но все остальное перестало существовать. Темпоральная реластатика удерживала ресторан и сохраняла его посреди ничто, которое не было даже пустотой – за неимением того, в чем могла бы заключаться пустота.

Защитный купол силового поля снова сделался непрозрачным; вечер окончился, посетители расходились. Заркон исчез вместе со всей остальной Вселенной. Темпоральные турбины готовились отбуксировать ресторан назад на край времени к праздничному завтраку, а Макс Квордлблин в своей маленькой занавешенной гримерной пытался дозвониться по темпoфону до своего импрессарио.

На парковке стоял черный корабль – закрытый и неподвижный.

На парковку прибыл покойный мистер Дезиато Мракобез – в своем кресле, которое вез по транспортеру его телохранитель.

Они спустились в одну из труб. Когда они подъехали к лимузону, тот открыл люк, специальное устройство приняло колесики кресла и втянуло его внутрь. Телохранитель проследовал за ним и, убедившись, что шеф подключен к своей системе смертеобеспечения, поднялся в тесную пилотскую кабину. Оттуда он включил автопилот черного корабля, стоявшего рядом с лимузоном, чем вызвал большое облегчение у Зафода Библброкса, который уже десять с лишним минут пытался завести эту штуку.

Черный корабль тихо выехал со своей стоянки, развернулся и двинулся к главному выезду, плавно и беззвучно. В конце дорожки он резко набрал скорость, влетел в темпоральный шлюз и начал долгое путешествие назад, в далекое прошлое.

Меню ресторана “Последний путь” цитирует – с любезного разрешения редакции – фрагмент из “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”. Вот этот фрагмент:

История подавляющего большинства цивилизаций Галактики проходит три легко различимых этапа: Розыска, Поиска и Изыска, известные также, как этап “Что”, этап “Почему” и этап “Где”.

Например, если первый этап характеризуется вопросом «Что бы нам покушать?», то второй – вопросом «Почему мы едим?», а третий – «Где будем ужинать сегодня?»

Далее в меню написано, что “Последний путь”, Ресторан На Конце Света, является исключительно удачным ответом на этот третий вопрос.

Там не написано, что хотя обычно у крупной цивилизации прохождение этапов “Что”, “Почему” и “Где” занимает значительное время, небольшие группы в экстремальных ситуациях могут пройти через них чрезвычайно быстро.

– Что происходит? – спросил Артур Дент.

– Ничего хорошего, – ответил Форд Префект.

– Где мы сейчас? – спросила Триллиан.

– Понятия не имею, – ответил Зафод Библброкс.

– Почему? – поинтересовался Артур Дент.

– Заткнись, – потребовали дуэтом Зафод Библброкс и Форд Префект.

– Если я правильно понимаю, – сказал Артур Дент, проигнорировав требование, – то наш корабль неуправляем.

Корабль безжалостно трясло и швыряло из стороны в сторону: это Форд и Зафод пытались вырвать управление у автопилота. Двигатели ревели и завывали, как уставшие дети в универмаге.

– Это все дурацкая цветовая схема, – пожаловался Зафод, влюбленность которого в этот корабль угасла на третьей минуте полета. – Каждый раз, когда я трогаю какой-нибудь из этих черных рычажков, подписанных черным по черному, в ответ загорается маленькая черная лампочка. Что за хрень? Что это за галактический гиперкатафалк?

Ходившие ходуном стены кабины тоже были черные: черный потолок, черные кресла – излишество, поскольку единственный полет, для которого корабль был построен, должен был быть беспилотным – черная приборная доска, черные приборы, прикрученные черными винтами, черное мягкое покрытие пола; и проковыряв дырочку в обивке черного пилотского кресла, наши друзья обнаружили, что пенопласт его набивки тоже черный.

– Может быть, у того, кто это построил, глаза воспринимают другой диапазон волн? – предположила Триллиан.

– Или ему остро не хватало воображения, – пробормотал Артур.

– Или, – сказал Марвин, – он был в глубокой депрессии.

На самом деле, хотя наши путешественники и не знали этого, дизайн интерьера был выбран, чтобы гармонизировать с прискорбным и освобожденным от подоходного налога состоянием его владельца.

Корабль дернулся особенно неприятным образом.

– Эй, нельзя ли полегче? – взмолился Артур. – У меня начинается звездная болезнь.

– Это болезнь временная. Ну, то есть, временная, – поправил Форд. – Нас несет назад во времени.

– Вот спасибо, – поблагодарил Артур. – Теперь мне по-настоящему дурно.

– Вот и хорошо, – сказал Зафод. – Приукрасишь действительность в каком-нибудь углу, а то она тут мрачновата.

– Как приятно побеседовать с вами после хорошего ужина! – сказал Артур.

Зафод предоставил Форду дальше разбираться с управлением и развернулся к Артуру.

– Слушай, землянин, – сказал он сурово, – тебе же вроде бы есть, чем заняться? Что там у нас с Вопросом на Главный Ответ, а?

– А, ты об этом, – вспомнил Артур. – Я думал, с этим уже все.

– Не для меня, старичок! Мыши же ясно сказали: кое-где за него могут отвалить кучу бабок. И он хранится в твоём сером веществе.

– Да, но...

– Никаких “но”! Ты сам прикинь. Смысл Жизни! С этой хохмой мы разведем всю Галактику. Мне лично небольшой собственный монетный дворик совсем не помешает.

Артур глубоко вздохнул, и во вздохе его не слышалось воодушевления.

– Ну, допустим, – сказал он. – Но с чего начать? Как это узнать? Они сказали, что Главный Ответ, или как его там – сорок два. Как же я могу знать, какой к нему вопрос? Это же может быть все, что угодно. Например, сколько будет шестью семь?

Взгляд Зафода затуманился на мгновение; затем он просветлел:

– Сорок два! – воскликнул он. – Как ты знал???

Артур закатил глаза к потолку.

– Да кто же этого не знает, – ответил он.

Зафод помрачнел лицами.

– Я только хотел показать, что вопрос может быть какой угодно, – пояснил Артур, – и что я не вижу способа узнать, какой же он был.

– Но ведь ты же был там, – упрямо продолжал Зафод, – ведь ты был там, когда твоя планета накрылась тазом!

– У нас на Земле есть такое понятие... – начал Артур.

– Было такое понятие, – поправил Зафод.

– ... как чувство такта. Впрочем, тебе это, наверно, ничего не скажет. Коротко говоря – я не знаю.

– Я знаю, – эхом отозвался в кабине тихий бесцветный голос.

Форд оторвался от приборов, с которыми безуспешно воевал последнее время:

– Не встречай, Марвин, – сказал он. – Это органический разговор.

– Это записано в паттернах мозговых волн землянина, – продолжал Марвин. – Но мне не кажется, что вам будет интересно это узнать.

– То есть, – спросил Артур, – ты можешь проникать в мой разум???

– Могу, – признал Марвин.

– И что? – спросил изумленный Артур.

– Удивляюсь, как ты ухитряешься существовать с этим убожеством.

– Так-так, – сказал Артур. – Оскорбление.

– Оно, – подтвердил Марвин.

– Не обращай на него внимания, – сказал Зафод. – Чувак просто нарывается.

– Я нарываюсь? – спросил Марвин, движением головы изображая крайнее удивление. – Зачем? Жизнь сама по себе достаточно скверная вещь, чтобы портить ее себе намеренно.

– Марвин, – произнесла Триллиан ласковым и тихим голосом, которым лишь она одна еще могла разговаривать с этим несчастным созданием. – Марвин, если ты все время все это знал, почему ты не сказал нам?

Марвин повернул голову к ней:

– Вы не спрашивали, – ответил он.

– Ну, железяка! Так вот, мы спрашиваем! – повернулся к Марвину Форд.

В это мгновение корабль вдруг перестало трясти и бросать из стороны в сторону, словно на кочках, и тон двигателей выровнялся, перейдя в мерный гул.

– О, Форд! – сказал Зафод, – это уже что-то. Ты разобрался с управлением этой посудинной?

– Нет, – ответил Форд, – Я просто перестал с ним играть. Я так думаю, надо просто добраться туда, куда этот корабль летит, а там как можно быстрее с него сойти.

– Похоже, что так, – согласился Зафод.

– Нет, вы действительно не хотели бы это узнать, – закончил Марвин, пока его никто не слушал, перебрался в угол и там отключился.

– Проблема в том, – сказал Форд, – что тот единственный прибор на этом корабле, назначение которого я смог понять, меня смущает. Если это то, что я думаю, и если он показывает то, что я думаю, то мы ушли слишком далеко в прошлое. Может быть, миллиона на два лет до нашего времени.

Зафод пожал плечами.

– Время – это лажа, – сказал он.

– Интересно, чей это корабль? – задумчиво промолвил Артур.

– Мой! – ответил Зафод.

– Да нет – чей он на самом деле?

– На самом деле мой, – повторил Зафод. – Смотри. Любая частная собственность – это кража, правильно? Значит, все краденое – это частная собственность. Получается, этот корабль мой, так?

– Скажи это ему, – предложил Артур.

Зафод подошел к приборной доске.

– Алё, корабль! – сказал он, постучав по панели. – Говорит твой новый хозяин! Я...

Продолжить ему не удалось. Одновременно произошло несколько событий.

Корабль выпал из путешествия во времени и возник в реальном пространстве.

Все приборы на панели, которые во время путешествия во времени были выключены, включились и зажглись.

Ожил широкий экран над консолью, и на нем появилось небо, полное незнакомых звезд, и одно огромное солнце прямо по курсу.

Но ничто из этого не заставило Зафода в то же мгновение полететь вверх тормашками к задней стенке кабины, как сделали это вместе с ним и все остальные.

Полететь вверх тормашками их заставил чудовищный раскат грома, раздавшийся из динамиков, окружавших экран.

XXI

На багровой и высохшей планете Кракофон, посреди широкой пустыни Дееп-Пурпле техники настраивали звуковую аппаратуру.

В смысле, в пустыне находилась только аппаратура, а сами техники укрылись на гигантском пультовом корабле "Авариума", висевшем на орбите в примерно двухстах милях над поверхностью планеты, и настраивали аппаратуру оттуда. Ничто живое в радиусе пяти миль от динамиков не пережило бы саундчека.

Если бы Артур Дент попал в радиус пяти миль от колонок, то последней его мыслью могло бы быть, что их башни напоминают ему Манхэттэн. Нейтро-фазотронные динамики грозно высились в багровом небе, закрывая собой корпуса плутониевых реакторов и сейсмических усилителей.

А глубоко в бетонных бункерах под городом громкоговорителей лежали инструменты, которыми музыканты будут управлять со своего корабля – мощная фотонная офигитара, бас-детонатор и ударная установка "МегаБах".

У группы была громкая слава.

На борту гигантского пультового корабля работа кипела и спорилась. Лимузон Дезиато Мракобеа блестящей искоркой подлетел к кораблю, пришвартовался, и усопший был транспортирован по коридорам в комнату, где ждал экстрасенс, которому предстояло передавать психические импульсы духа покойного на клавиатуру офигитары.

Прибыли также врач-психиатр, профессор логики и ихтиолог, вызванные за баснословные деньги с Максимегалона для беседы с вокалистом, который заперся с банкой таблеток в ванной комнате и отказался выходить, пока ему убедительно не докажут, что он не рыба. Басист в это время расстреливал свою спальню из ручного пулемета, а барабанщика на борту не оказалось. Лихорадочные поиски обнаружили его на пляже посреди Сантрагинуса-V в сотне световых лет отсюда, и он просил передать, что уже полчаса как совершенно счастлив и даже нашел маленький камешек, который согласен стать его другом. Менеджер группы вздохнул с глубоким облегчением. Это означало, что уже в семнадцатый раз за эти гастроли на барабанах будет играть робот, и поэтому цимбаллистика будет точна, как часы.

Суб-Ф-ир был забит переговорами операторов и техников, настраивающих аппаратуру. Эти-то переговоры и слышали на черном корабле.

Его ошеломленные пассажиры лежали у задней стенки кабины и внимали голосам, раздающимся из динамиков:

– Раз! Раз!.. Одиннадцать! Со-си-соч-ная... Девятый пошел, – сказал голос. – Даю пятнадцатый...

Новый взрыв грохота сотряс корабль.

– Пятнадцатый пошел, – сказал другой голос.

В переговоры вклинился третий голос:

– Черный корабль прибыл на позицию, – сказал он. – Выглядит классно. Это будет ши-

карное падение на солнце! Компьютер сцены на линии?

- На линии, – ответил синтезированный голос.
- Принять управление черным кораблем.
- Черный корабль выведен на заданную траекторию, приведен в полную готовность.
- Даю двадцатый...

Зафод бросился к приборной доске и переключил волну суб-Ф-приемника прежде, чем еще один мозгодробящий звуковой удар поразил корабль. Там он и остался стоять, покачиваясь.

– Что значит “падение на солнце”? – спросила Триллиан тихо.

– Это значит, – ответил Марвин, – что корабль упадет на солнце. Падение, солнце – что непонятно? Чего еще можно было ожидать, угнав декорацию Дезиато Мракобеза?

– Откуда ты знаешь, – спросил Зафод голосом, от которого похолодел бы и веганский снежный ящер, – что этот корабль – декорация Дезиато Мракобеза?

– Что тут знать? – ответил Марвин. – Я его парковал.

– Так почему же – ты – ничего – не сказал???

– Вы были так увлечены путешествиями и приключениями...

– Кошмар... – промолвил Артур в наступившей тишине, хотя это замечание было, пожалуй, лишним.

– Я именно так сразу и сказал, – напомнил Марвин.

На новой волне суб-Ф-приемник поймал трансляцию с места концерта, которая загремела по кабине:

– ... прекрасная погода простоит до вечера, до начала концерта. Я стою перед самой сценой, – бессовестно врал корреспондент, – посреди пустыни Дееп-Пурпле, и в свою гипербиноптику могу различить огромное море зрителей, раскинувшееся на горизонте вокруг меня. За моей спиной высятся, как горные утесы, динамики колонок, а высоко надо мной светит солнце и ещё не знает, какую пилюлю ему сегодня придется проглотить! Партия зеленых, однако, знает, какую пилюлю ему придется проглотить, и зеленые заявляют, что этот концерт неминуемо станет причиной землетрясений, цунами, ураганов, необратимых изменений в атмосфере и всех тех неприятностей, которыми обычно пугают зеленые. Но только что я получил сообщение, что пресс-атташе “Авариума” встретился с лидерами движения зеленых за обедом и перестрелял их всех до единого, так что теперь ничто не препятс...

Зафод выключил приемник. Он повернулся к Форду.

– Знаешь, что я думаю? – спросил он.

– Думаю, что знаю, – ответил Форд.

– Ну, и о чем же, ты думаешь, я думаю?

– Я думаю, ты думаешь, что пора сваливать с этого корабля.

- Я думаю, ты прав, – сказал Зафод.
- Я думаю, ты тоже прав, – сказал Форд.
- Ну, и как... – начал Артур.
- Тихо! – шикнули на него Форд и Зафод. – Мы думаем.
- Все ясно, – сказал Артур. – Мы все погибнем.
- Помолчал бы ты лучше, – попросил Форд.

Здесь стоит напомнить о гипотезах, которые выдвинул Форд при первом знакомстве с землянами по поводу их странной привычки постоянно утверждать самые очевидные и тривиальные вещи, как, например, “прекрасная погода”, или “ты такой высокий”, – или “все ясно, мы все погибнем”. Сперва Форд предположил, что если люди перестанут шевелить губами, то у них зарастет рот. Спустя несколько месяцев наблюдений, Форд выдвинул вторую гипотезу: если люди перестанут упражнять свой язык, у них начнут работать мозги.

На самом деле, вторая его теория гораздо более верна для бельсеребонов с планеты Кракофон.

Бельсеребоны вызывали у соседей невероятное раздражение и подозрения, поскольку были одной из самых просвещенных, самых развитых и, в первую очередь, самых молчаливых цивилизаций в Галактике.

За свое поведение, признанное оскорбительным, провокационным и антиобщественным, по приговору Галактического Трибунала бельсеребоны были наказаны самым страшным из всех недугов общества – телепатией. Теперь, чтобы не делать свои самые сокровенные мысли достоянием каждого встречного-поперечного в радиусе пяти миль, бельсеребоны вынуждены постоянно и очень громко разговаривать о погоде, о своих болячках, о вчерашнем футболе и о том, каким шумным и неприятным местом сделался в последнее время Кракофон.

По этой же причине кракофоняне предоставили свою планету под концерт “Авариума”.

Концерт был рассчитан по секундам.

Корабль должен был начать свой полет к солнцу еще до начала концерта и добраться до своей цели за шесть минут тридцать семь секунд до финального аккорда нужной композиции, чтобы свет от взметнувшихся протуберанцев успел вовремя достичь Кракофона.

Черный корабль совершал этот полет уже несколько минут, когда Форд Префект закончил обыскивать один за другим его отсеки. Он вбежал в кабину.

На экранах зловеще висело солнце Кракофона: черный корабль с каждой секундой приближался к ослепительно-белой огненной геенне расплавленных водородных ядер, не обращая никакого внимания на Зафода, барабанившего и стучащего кулаками по приборной доске. На лицах Артура и Триллиан было выражение, как у кролика, выскочившего на ночную дорогу и решившего, что приближающиеся к нему огни можно одолеть игрой в глядел-

ки.

Зафод повернулся к Форду:

– Форд! Сколько спасательных шлюпок на этом корабле?

– Ни одной, – ответил Форд.

– Ты пересчитал? – спросил он.

– Дважды, – ответил Форд.

Зафод выругался.

– Тебе удалось связаться с ними? – спросил Форд.

– Удалось, – мрачно ответил Зафод. – Я сказал, что тут на борту полно народу, а они сказали “ну, тогда всем привет”.

– Ты что, не объяснил им, кто мы такие?

– Объяснил, объяснил. Они сказали, что им очень приятно. И еще что-то про какие-то ресторанные счета и про моих наследников.

Форд отодвинул Артура и снова нагнулся над приборами.

– Что же это такое? Ничего не работает? – спросил он.

– Все отключено. Полный автопилот.

– Отключи автопилота!

– Ага! Найди его сначала! Никаких выводов на консоль!

В воцарившемся мрачном молчании Артур прошелся по кабине. Вдруг он остановился:

– Можно вопрос не по теме? – спросил он. – Что означает “телепорт”?

Прошло еще несколько секунд.

Все медленно повернулись к Артуру.

– Может быть, конечно, сейчас не время, – сказал Артур. – Я просто вдруг вспомнил, что вы недавно говорили об этом, и вспомнил потому, что вот тут напи...

– Где? – тихо спросил Форд. – Где написано “телепорт”?

– Да вот, вот тут, – Артур показал на черный ящик сбоку кабины. – Под словом “аварийный”, над словом “выход” и рядом со знаком “не работает”.

В начавшемся в это же мгновение кавардаке единственное осмысленное действие совершил Форд Префект, который прыгнул через всю кабину к черному ящичку, на который показывал Артур, и принялся изо всех сил тыкать пальцем в черную кнопку на нем.

Черная панель в человеческий рост, к которой крепился ящик, отъехала в сторону, и за ней обнаружился отсек, похожий на душевую кабинку, давно уже занятую под кладовку каким-то электромонтером-любителем. С потолка свисали провода, на полу валялись микросхемы, а панель настройки выпала из стены, в которую должна была быть вделана, и висела на одном кабеле.

Младший бухгалтер “Авариума”, инспектируя верфь, где строился черный корабль, потребовал у прораба объяснений, какого черта он ставит фантастически дорогой телепорт на корабль, которому предстоит совершить всего один самостоятельный полет, и тот беспилотный. На это прораб объяснил, что на телепорты сейчас десятипроцентная скидка, а на это бухгалтер объяснил, что его это абсолютно не интересует; на это прораб объяснил, что это самый лучший, самый модный и самый продвинутый телепорт, который только можно купить за деньги, а на это бухгалтер объяснил, что не хочет покупать его вообще, и в частности за деньги; а прораб объяснил, что может все-таки возникнуть такая ситуация, когда кому-нибудь понадобится попасть на корабль или покинуть его, а на это бухгалтер объяснил, что корабль снабжен дверью, которая вполне справляется с этой задачей. На это прораб объяснил, что вполне готов избавить бухгалтера от тех зубов, которые ему жмут, а на это бухгалтер объяснил, на какие знаки письменности следует отправиться прорабу. По достижении консенсуса работы над телепортом были приостановлены, но в то же время проведены по смете в графе “разное” с пятикратным превышением стоимости.

– Адские козерачи!.. – прошептал Зафод, когда они с Фордом кое-как распутали паутину проводов.

Через некоторое время Форд велел ему отойти. Он бросил в телепорт монетку и дернул за рычажок на свисающей панели настройки. Со щелчком и вспышкой света монета исчезла.

– В общем, работает, – сказал Форд. – Но настроить его нельзя. А телепортируясь без предварительной настройки, можно попасть... В общем, можно попасть.

Солнце Кракофона заполнило уже почти весь экран.

– Какая разница? – сказал Зафод. – Куда-нибудь да попадем.

– К тому же, – сказал Форд, – здесь нет автомата. Управление ручное. Кто-то из нас должен будет остаться, чтобы запускать эту штуку.

Повисла торжественная минута молчания. Солнце становилось все больше и больше.

– Ну, так что, Марвин! – приподнято позвал Зафод. – Как ты там вообще?

– Если я правильно понимаю, я тут прескверно, – промолвил Марвин.

Спустя немного времени концерт, шедший на Кракофоне, достиг непредвиденной кульминации.

Строго в соответствии с графиком черный корабль с единственным мрачным пассажиром на борту приготовился к броску в ядерную жаровню солнца. Солнце выбросило ему навстречу мощные протуберанцы длиной в миллионы миль, вызвав вопль восторга – в нескольких случаях предсмертный – у десятков астросёрферов, катавшихся возле поверхности солнца в ожидании великолепного зрелища.

Но за секунды до того, как свет протуберанцев достиг Кракофона, грохочущая пустыня треснула и разломилась пополам. Огромная и никем не замеченная до того подземная река, протекавшая глубоко под ней, вышла на поверхность, а следом за ней миллионы тонн расплавленной лавы поднялись на сотни метров в воздух, мгновенно вскипятили воды реки над землей и под землей, и прогремел взрыв, отзывавшийся по всей планете и опоясавший ее

несколько раз.

Те – довольно немногие – кто видел это и остался в живых, уверяли, будто пустыня всей своей сотней тысяч квадратных миль взлетела на воздух, словно блин со сковородки, перевернулась и упала обратно. В этот самый миг солнечная радиация от протуберанца пронзила облака водяного пара и достигла земли.

Спустя год все сто тысяч квадратных миль пустыни покрылись цветами. Состав атмосферы планеты изменился. Солнце не так палило летом, стала мягче зима, начали чаще выпадать благодатные дожди, и пустынный мир Кракофона превратился в райский уголок. Мощь взрыва даже избавила кракофонян от их наследственного проклятия – телепатии.

Пресс-атташе “Авариума” – тот самый, который расстрелял партию зеленых – впоследствии говорил, что это был “ломовой сейшен”.

Найдется немало любителей прочувствованно порассуждать о целительной силе музыки. Однако, некоторые скептически настроенные ученые изучили записи происшествия внимательнее и заявили, что обнаружили следы невероятного поля, искусственно наведенного из близлежащего района космоса.

XXII

Артур очнулся и немедленно пожалел об этом. Он был знаком с похмельем, но не в таких масштабах. Это был предел, запредел, беспредел. В следующий раз вместо лучей телепортации материи, решил Артур, лучше просто попробовать разmozжить голову об стенку.

Избегая движений по причине гулких тупых толчков где-то внутри, Артур лежал и размышлял. Проблема большинства видов транспорта, думал он, заключается в том, что ни один из них не оправдывает затрат сил и нервов. На Земле – пока ее еще не снесли, чтобы построить новое гиперпространственное шоссе – проблема была с автомобилями. Их недостатки, связанные с необходимостью выкачивать массы черной липкой жижи из земли, где она хранилась веками, никому не мешая, и превращать ее в асфальт, закрывающий землю, и дым, портящий воздух, а излишки ее сливать в море, в сущности, перевешивали достоинства – возможность еще быстрее попасть из одного места в другое – особенно потому, что любое место, в которое ты попадал, по этой самой причине делалось неотличимым от того места, которое ты покинул – то есть, заасфальтированным, вонючим и безрыбным.

Что же касается телепортации материи, то вид транспорта, который разбирает человека на отдельные атомы, отправляет эти атомы суб-Ф-иrom, а потом, когда они только-только, впервые за долгие годы, почувствовали вкус свободы, снова собирает из них человека – хорошим быть не может.

Многие уже пришли к тем же самым выводам, что и Артур Дент, и даже написали по этому поводу песни. Вот, к примеру, что распевали толпы демонстрантов перед корпусами фабрики телепортов Сирианской Кибернетической Корпорации на МириЗкасок-III:

*Классно отрываться на Альдебаране,
Если бабки завелись на кармане!
Есть девочки на Алголе-Бета,
Они делают то и делают это!
Такого сервиса ваще нет ни на одной звезде,
Но если ехать надо по частям,
То я туда не ездец!*

*По частям! Полным ходом!
По частям! Всем народом!
Можно всю жизнь тусоваться по гостям,
Но если в гости ехать по частям,
То скажи им, парень, что ты туда не ездец!*

*Моя герла вчера вернулась с Тау Кита,
Она сказала, там ваще ништяк и крутота,
Но чуваки, что прилетели с Альфы Арктура,
Сказали, что моя герла – конченная дура!
Я сказал, что там клево, и я больше ей не друг,
Но если ехать по частям, то, скажем в рифму –
Я туда не ездюк!*

*По частям! Полным ходом!
По частям! Не будь уродом!
Для бешеного кобеля семь верст не крюк,
Но если надо ехать по частям,
То скажи им, парень, что ты туда не ездюк!*

Устное народное творчество отреагировало еще более выразительно и лаконично:

*Мы с миленком спортились,
С работы телепортаясь:
Сердце он мое унес,
А я – усы и сизый нос.*

Артуру становилось немного легче, хотя гулкие тупые толчки не прекратились. Он медленно и осторожно сел.

– Ты чувствуешь какие-то гулкие тупые толчки? – спросил Форд Префект.

Артур огляделся и невольно пошатнулся. Форд Префект подошел поближе. Бледный и красноглазый, он выглядел совсем больным.

– Где мы? – спросил Артур слабым голосом.

Форд посмотрел по сторонам. Они находились в длинном коридоре, плавно загибающемся в обе стороны. Внешняя стена, стальная и выкрашенная тем нездоровым оттенком салатного цвета, который используется в школах, больницах и казенных домах для подавления психики обитателей, закруглялась у них над головой, смыкаясь в зените со внутренней стеной, которая по непонятному капризу строителей была отделана темно-коричневым линолеумом, имитирующим циновку. По полу шла темно-зеленая резиновая дорожка.

Форд подошел к толстенной прозрачной темной панели во внешней стене. В ней было несколько слоев толстого стекла, но сквозь нее можно было увидеть булабочные дырочки звезд.

– Похоже, это какой-то звездолет, – сказал он.

По коридору пронесся гулкий тупой толчок.

– Триллиан! – позвал Артур тревожно. – Зафод!

Форд пожал плечами:

– Здесь их нет, – сказал он. – Я уже искал. Нигде их нет. Незапрограммированный телепорт может отправить тебя на сотни световых лет в любом направлении. Судя по моему самочувствию, мы проделали солидное расстояние.

– И как ты себя чувствуешь?

– Отвратительно.

– Как ты думаешь, они...? у них всё...?

– Где они сейчас, что они сейчас – нам не дано этого узнать. И поделать с этим мы ничего не можем. Поступай, как я.

– Это как?

– Не думай об этом.

Артур рассмотрел предложение Форда, с неудовольствием признал, что в нем есть определенная мудрость, взвесил его и отложил в сторону. Он глубоко вздохнул.

– Шаги! – вдруг воскликнул Форд.

– Где?

– Здесь! Вот эти толчки! Это шаги. Множества ног. Слышишь?

Артур прислушался. Звук доносился по коридору с неизвестного расстояния. Это был приглушенный звук шагов, и он делался заметно громче.

– Валим отсюда, – сказал быстро Форд, и они пошли – в разные стороны.

– Не туда! – крикнул Форд, – они идут как раз оттуда.

– Да нет, наоборот, – ответил Артур, – они идут оттуда.

– Ничего подобного, они...

Тут Форд и Артур замолчали, повернулись, внимательно прислушались, согласились друг с другом и бросились бежать в противоположных направлениях.

Их охватил ужас.

Звук шагов делался громче и громче с обеих сторон.

В нескольких метрах слева во внутреннюю стену уходил другой коридор. Форд и Артур свернули в него и побежали по нему. Он был темный, невероятно длинный, и по мере того, как они углублялись в него, становилось все холоднее и холоднее. Вправо и влево от него отходили другие коридоры, все очень темные, и из каждого Форда с Артуром обдавало ледяным ветром.

Форд и Артур остановились в неуверенности. Чем дальше они шли по коридору, тем громче становился топот ног.

Они прижались ушами к ледяной стене и принялись напряженно вслушиваться. Холод, темнота и топот невидимых ног оказывали на их нервы пагубное воздействие. Форд задрожал мелкой дрожью – отчасти из-за холода, а отчасти из-за вспомнившихся ему сказок, которые самая любимая из его матушек рассказывала ему, когда он был еще маленьким бетельгейзёнком, росточком всего-то по колено арктурианскому мегакузнечнику – страшные истории о мертвых звездолетах, кораблях-призраках, странствующих по неизведанным просторам открытого космоса, о кораблях, населенных демонами или привидениями погибших космонавтов, а также о неосторожных путешественниках, которые находили такие вот корабли и забирались в них; жуткие повести о... Но тут Форд вдруг вспомнил линолеум под циновку в первом коридоре и опомнился. Форд готов был побиться об любую заклад, что привидения и демоны не стали бы отделять свой корабль-призрак линолеумом, изображающим тростниковую циновку. Форд поймал Артура за рукав:

– Назад! Туда, откуда мы пришли! – уверенно скомандовал он, и они бросились обратно.

Спустя мгновение они, словно напуганные ящерицы, юркнули в ближайший боковой коридор: обладатели топочущих ног внезапно объявились прямо перед ними.

Из-за угла бокового коридора Форд и Артур изумленно глядели, как мимо них, задыхаясь и хрипя так, что и самый неопытный кардиолог немедленно засучил бы рукава, пробежали десятка два полных мужчин и женщин в потных тренировочных костюмах.

Форд Префект смотрел им вслед.

— Бег от инфаркта, — прошептал он, когда топот их ног затих в лабиринте коридоров.

— От чего? — так же шепотом переспросил Артур.

— От инфаркта, — повторил Форд и пожал плечами.

Коридор, в котором они спрятались, был не похож на другие. Он был очень короткий и кончался большой стальной дверью. Форд осмотрел дверь, нашел открывающее ее устройство и открыл ее.

Первым предметом, который они увидели за дверью, был гроб.

Остальные четыре тысячи девятьсот девяносто девять предметов, которые они увидели за ней, тоже были гробы.

XXIII

Перед ними раскинулся огромный зал, слабо освещенный с низкого потолка тусклыми лампами. В дальнем его конце метрах в трехстах виднелась арка, ведущая, по всей видимости, в другой такой же зал, заставленный в точности таким же инвентарем.

Войдя в этот зал, Форд Префект изумленно присвистнул.

– Крутота! – сказал он.

– Что такого крутого в мертвецах? – спросил Артур, опасливо следуя за ним.

– Честно говоря, не знаю, – признался Форд. – Пошли, разведаем?

При ближайшем рассмотрении гробы оказались скорее чем-то вроде саркофагов. Они были высотой примерно по пояс и сделаны из какого-то материала, который выглядел совсем, как мрамор, да по сути и являлся именно им – материалом, выглядящим совсем, как мрамор. Верх у саркофагов был полупрозрачный, и сквозь него можно было смутно различить контуры их предположительно безвременно усопшего обитателя. Обитатели эти были гуманоидами, но мир, юдоль которого они покинули, определить не удавалось, да и вообще ничего больше узнать про них не представлялось возможным.

По полу между саркофагами стелился тяжелый маслянистый белый газ – Артур сперва решил, что для придания этому месту надлежащей готической атмосферы, но тут же обнаружил, что газ морозит ему ноги. Саркофаги на ощупь тоже оказались очень холодными.

Форд вдруг присел возле одного из саркофагов. Он высунул из своего рюкзака край полотенца и принялся яростно что-то тереть.

– Смотри! Здесь какая-то табличка! – объяснил он Артуру. – Она вся в инее.

Он стер иней и принялся изучать надпись. Артуру она показалась следами паука, перебравшего кое-чего¹³ по поводу кое-какого паучьего праздника, но Форд немедленно распознал в ней древнюю форму галактического пешичетая.

– Здесь написано: “Гольгафринчум, Флотилия “Ковчег”, Корабль Б, Трюм 7, телефонотёр второго класса” – и номер.

– Телефонотёр? – переспросил Артур. – Мертвый телефонотёр¹⁴?

13 *Всех, кто сомневается, что пауки способны на такое поведение, я приглашаю заглянуть на <http://www.cannabis.net/weblife.html>. (Прим. перев.)*

14 *В оригинале “Telephone Sanitizer”. По поводу этой профессии на [домашней странице Тревора Блэкуэлла](#) написано (было) примерно следующее:*

“Большинство американцев, по-видимому, понимают этот термин буквально: мастер, который приходит к вам домой и дезинфицирует ваш телефон. На самом деле этот термин – традиционный британский эвфемизм для чистильщика уборных. Слово это вошло в обиход в Лондоне начала 1920-х годов, когда W.C. (что означает “Water Closet”, ватерклозет) еще были в новинку. Жены пролетариев чистили это санитарное оборудование самостоятельно, если таковое удобство вообще у них имелось; верхушка же общества содержала слуг, которые чистили у них всё, и в том числе это; но существовала также широкая прослойка среднего класса, в котором домохозяйка в целом чистила всё сама, но вот этим новомодным приспособлением брезговала. Неудивительно, что вскоре появилась целая профессия чистильщиков уборных по вызову. Они также устраняли функциональные неисправности в устройстве – ликвидировали протечки и прочищали заторы в трубах.

– В лучшем виде.

– Но что он здесь делает?

Форд пригляделся:

– Да почти что ничего, – сказал он, и лицо его озарила одна из тех улыбок, которые заставляли людей думать, что Форд в последнее время сильно перенапрягается и должен немного отдохнуть.

Форд склонился над другим саркофагом. Пошуршав полотенцем, он объявил:

– А тут у нас – мертвый парикмахер. Вот приколы!

В следующем саркофаге нашел свое последнее пристанище бухгалтер-консультант; за ним покоился риэлтор третьего класса.

Внимание Форда привлек смотровой люк в полу, и он присел рядом с ним на корточки, пытаясь открыть его. Он поднял облака морозящего газа и едва не скрылся в них.

Артур вдруг задумался:

– Если это гробы, – спросил он, – зачем их хранить в заморозке?

– Да и вообще – зачем их хранить? – спросил Форд, открывая люк. Газ хлынул туда потоком. – Кому понадобилось так заморачиваться и тратить такие деньги, чтобы возить по космосу пять тысяч трупов?

– Десять тысяч, – сказал Артур, указывая на арку, через которую виднелся следующий зал.

Форд просунул голову в люк, заглянул и вынырнул снова:

– Пятнадцать тысяч, – объявил он. – Тут внизу еще столько же.

– Пятнадцать миллионов, – поправил кто-то.

– Чертова уйма, – согласился Форд. – Просто чертова уйма народу.

– Медленно повернулись, – скомандовал кто-то, – и подняли руки! Одно лишнее движение, и я разнесу вас на мелкие кусочки.

Но семейство, которое дорожило своим престижем, не желало лицезреть перед своим домом фургон с надписью “Кенсингтон – Чистка Сортиров” или “Бромптонский Золотарь”, поскольку таким образом всем сразу делалось очевидно, что: 1) у нас не хватает на слуг, и 2) у нас грязный сортир. Поэтому один предприимчивый мастер написал на своем фургончике: “Telephone Sanitizing”, “Дезинфекция телефонов”. Такой фургончик означал 1) современность, 2) высокий уровень жизни (телефонов было мало, а стоили они дорого) и 3) предельную чистоплотность (“у нас даже телефоны продезинфицированы”). Этот сервис поимел бешеный успех у домохозяек, а название его скоро перешло на всю профессию.”

Примерно век спустя одному самодеятельному, но, право же, неплохому, пусть и не страдающему излишней скромностью, переводчику (я имею в виду себя) пришла в голову забавная идея заменить “телефончиста” на “телефонотёра”. Немало часов наблюдал он за своими современниками, водящими пальцем по сенсорному экрану своего смартфона, и со значительным количеством людей, занимающихся в жизни преимущественно этой деятельностью, он не без удовольствия поступил бы так же, как поступили со своими телефончистами руководители планеты Гольгафринчум. (Прим. перев.)

– А в чем проблема? – спросил Форд, медленно поворачиваясь, поднимая руки и не делая лишних движений.

– Ну почему, – вздохнул Артур Дент, – почему нам нигде не рады?

Дверной проем зала закрыл контур человека, который был им не рад. Нерадость его выражалась как в злобных лающих тонах его голоса, так и в том, как свирепо он направлял на них большой серебристый смертОлет.

Разработчику этого оружия явно было велено избегать всяких околичностей. “Сделай его страшным”, – объяснили ему. – “Сделай его таким, чтобы всякому сразу становилось ясно, как день, что у этой штуки есть только два конца – тот и не тот. И чтобы тому, кто стоит не с того конца, становилось ясно, как день, что дела его плохи. И если для этого надо, чтобы из него во все стороны торчали всякие острые блестящие штуки и вороненые штыри – сделай милость. Это оружие не предназначено для того, чтобы висеть на ковре над диваном или торчать из стойки для зонтиков. Это оружие для того, кто идет навстречу людям и несет им крупные неприятности.”

Форд и Артур невесело смотрели на ствол смертОлета.

Человек со смертОлетом вошел в дверь и зашел Форду и Артуру за спину. Когда он вышел на свет, стала видна его черная с золотом форма, пуговицы на которой были начищены так ярко, что встречные водители уже недовольно мигали бы ему дальним светом.

Он указал на выход.

– Вперед! – скомандовал он.

Человек, который может сопроводить свои слова таким количеством огневой мощи, не обязан добавлять к ним ещё и “пожалуйста”. Форд и Артур пошли вперед, а не тот конец смертОлета и пуговицы пошли за ними.

На повороте в большой коридор им встретились двадцать четыре бегуна трусцой, уже переодевшиеся после душа. Они проследовали в зал. Артур оторопело смотрел им вслед.

– Пошел! – крикнул человек в форме.

Артур пошел.

Форд пожал плечами и тоже пошел.

В зале бегуны разошлись по двадцати четырем пустым саркофагам, стоявшим вдоль стены, раскрыли их, залезли внутрь и погрузились в двадцать четыре беспробудных сна.

XXIV

– Эта... Капитан!

– Что у тебя, Первый?

– Там эта... как его... Второй... просил разрешить доложить...

– О господи... Ну, давай его сюда.

Высоко на мостике корабля капитан задумчиво вглядывался в бесконечные просторы космоса. Со своего поста в центре огромной прозрачной полусферы он мог обозревать перед собой и над собой великолепие звезд, мимо которых они летели. По мере их продвижения великолепие это делалось заметно жиже. Обернувшись назад на двухкилометровый корпус корабля, капитан видел гораздо более плотные звездные скопления, складывавшиеся в почти сплошную полосу. Так выглядел отсюда центр Галактики, из которого они летели, и летели уже не первый год со скоростью, которую капитан никак не мог сейчас припомнить, но помнил только, что это жутко огромная скорость. То ли она приближалась к скорости чего-то... то ли в три раза превышала скорость чего-то другого? В общем, с хорошей такой скоростью. Капитан вгляделся в сверкающие пространства позади корабля, словно выискивая среди них что-то. Так он делал каждые пять-десять минут, но никогда не находил того, что искал. Впрочем, он не беспокоился по этому поводу. Ученые парни в белых халатах говорили, что все будет хорошо, если только никто не будет паниковать и нервничать, а все будут спокойно и с подъемом делать каждый свое дело.

Поэтому капитан и не нервничал. Свое дело он делал просто прекрасно. Он потер лопатку большой пенистой губкой на палке. Воспоминание легкого раздражения всплыло посреди его мыслей. Что же это было?..

Вежливое покашливание напомнило ему о том, что первый помощник капитана стоит рядом.

Нет, он славный малый, этот Первый... Конечно, не хватает звезд с неба, и не без своих тараканов – например, эти его постоянные трудности со шнурками – но при всем при том вполне неплохой офицер. Капитан был не из тех людей, которые способны дать пинка человеку, завязывающему шнурки, сколько бы времени это у того ни занимало. Не то, что этот противный Второй, который вечно топчется повсюду, драит свои пуговицы и каждые полчаса является с докладом. “Корабль продолжает полет, сэр!” “Держим прежний курс, сэр!” “Поддерживаем уровень кислорода, сэр!..” “Оставь и ничего не трогай”, – неизменно отвечал капитан.

А! Так вот от чего это раздражение! Капитан повернулся к Первому.

– Ага... Капитан, он что-то там такое... про каких-то нарушителей...

Капитан задумался. Это было непохоже на Второго – но, с другой стороны, разве сейчас подходящее время выяснять отношения с подчиненными?

– Что ж! Может быть, это его развлечет, – сказал капитан. – Он давно уже ждет каких-нибудь нарушений.

Форд Префект и Артур Дент шагали по бесконечным коридорам корабля. Второй маршировал за ними, время от времени грозно советуя не делать лишних движений и напоминая о последствиях шага вправо или влево. Они прошли не меньше мили вдоль стены, обшитой коричневым линолеумом, изображающим циновку. Наконец, перед ними возникла большая стальная дверь, которая по команде Второго отъехала в сторону.

Все трое вошли.

Не пятнадцатиметровое прозрачное полушарие купола, накрывавшее мостик корабля, и не сверкающая за ним головокружительная панорама звездного неба более всего поразили воображение Форда Префекта и Артура Дента. Того, кто отужинал в Ресторане на Конце Света, этим не удивишь. Не поразили их воображение и бессчетные приборы на опоясывающей мостик длинной стене. Для Артура нормальный звездолет и должен был выглядеть именно так, а для Форда приборы эти были дремучей древностью: они подтверждали его опасения, что корабль-декорация "Авариума" занес их по меньшей мере на миллион, а то и на два миллиона лет в прошлое.

Нет. Что действительно ошеломило их, так это ванна.

Ванна стояла на двухметровой высоты постаменте из рихтованного голубого хрусталя, и была выполнена в стиле такого чудовищного барокко, какое нечасто можно увидеть за стенами максимегалонского Музея Больного Воображения. Кошмарную паутину труб и шлангов следовало бы по-хорошему не покрывать позолотой, а похоронить в полночь в могиле без таблички; а форма кранов и душа заставила бы горгулью запрыгать от восторга.

Эта ванна была ужасающе неуместна на мостике звездолета, и Второй приблизился к ней с оскорбленным достоинством человека, который хорошо это понимает.

— Господин капитан! — выкрикнул он сквозь стиснутые зубы: номер не из легких, но за долгие годы доведенный им до совершенства.

Над краем кошмарной ванны появились широкое добродушное лицо и пухлая добродушная рука, покрытая пеной.

— О, Второй! — воскликнул капитан, приветственно помахав мочалкой. — Как настроение?

Щелкнув каблуками, Второй подчеркнул свое присутствие еще более, нежели до сих пор.

— Задержанные мною в холодильнике номер семь доставлены, сэр! — отчеканил он.

Форд и Артур смущенно кашляли:

— Гм... доброе утро, — сказали они.

Капитан улыбнулся им в ответ. Значит, Второй наконец-то задержал настоящих задержанных! Молодец, черт побери, подумал капитан. Как приятно видеть человека, делающего то, что у него получается.

— Добрый день, — сказал капитан Форду и Артуру. — Прошу прощения, что я в таком виде... как раз залез малость сполоснуться. Не желаете стаканчик жентонника? Первый, по-

смотрите там в баре.

– Эта... слушаюсь, сэр.

Многим любопытно будет узнать тот факт – и многие, узнав его, не смогут решить, как относиться к тому факту – что не менее, чем в 86% всех известных миров в Галактике, как примитивных, так и весьма высокоразвитых, был рано или поздно изобретен напиток, название которого – “жентонник”, “цзинь-с-тоненьким” или “GeneStoney.com” и тому подобные вариации этой комбинации фонем. Сами напитки при этом значительно различаются между собой и варьируются от сивольвианского “Шин-100 Онником”, который является обычной водой, подаваемой при температуре чуть выше комнатной, до гагракакского коктейля “Джинстон и кум”, одна капля которого убивает лошадь на расстоянии в сто шагов. Собственно, единственное, что объединяет все эти напитки — помимо того, что названия их звучат похоже – так это то, что все они были изобретены и названы до того, как миры, где это произошло, вступили в контакт с другими мирами.

Какой вывод можно сделать из этого факта? Да никакого. Согласно всем теориям структуральной лингвистики такое совпадение невозможно, однако же факт – штука упрямая. Старые структуральные лингвисты страшно злятся, когда молодые структуральные лингвисты начинают рассуждать на эту тему. Молодые же структуральные лингвисты чрезвычайно воодушевляются и просиживают ночи напролет за книгами и спорами, убежденные, что вот-вот найдут ключ к чему-то очень-очень важному, но в итоге лишь до срока становятся старыми структуральными лингвистами, страшно обозленными на молодых. Структуральная лингвистика вообще занятие неблагодарное, и многие ее адепты рано приучаются топить свои невзгоды в местном эквиваленте “Визги ССО Давай”.

Второй помощник стоял перед капитанской ванной, и его едва не трясло от ярости.

– Будете допрашивать задержанных, сэр? – свирепо процедил он.

Капитан посмотрел на него с удивлением.

– За каким гольгафринчертом мне это делать? – спросил он.

– Выжать из них информацию, сэр! Узнать, зачем они к нам засланы!

– Да ну, вот еще! – фыркнул капитан. – Я уверен, что они просто заскочили к нам пропустить стаканчик-другой жентонника. Разве не так?

– Но, сэр! Это мои задержанные! Я должен допросить их!

Капитан оглядел Форда и Артура изучающе.

– Действительно... Ну, что ж, – сказал он. – Допросите, раз надо. Узнайте у них, чего они хотели бы выпить.

Глаза Второго зажглись холодным металлическим блеском. Он медленно подошел к Форду Префекту и Артуру Денту.

– Ну, мерзавцы, – прошипел он, – ну, подонки... – он ткнул Форда под ребро смертОле-

ТОМ.

– Полегче, Второй! – мягко посоветовал капитан.

– Что вы будете пить?!!! – прорычал Второй.

– Лично я не отказался бы от жентонника, – сказал Форд. – А ты, Артур?

Артур вздрогнул:

– Что? А... да, – проговорил он.

– Со льдом — или без? – проревел Второй.

– Со льдом, пожалуйста, – ответил Форд.

– А может быть, с лимоном?!!!

– Да, спасибо, – сказал Форд, – и еще не найдется ли у вас сырных палочек?

– Здесь вопросы задаю я!!! – прикрикнул Второй, покраснев от натуги.

– Э-э... Второй... – тихо окликнул капитан.

– Да, сэр!

– Нельзя ли потише? Они же не глухие. Тут некоторые принимают ванну, пытаются как-то расслабиться...

Глаза Второго сузились, превратившись в то, что на профессиональном жаргоне тех, чья служба и опасна, и трудна, называется холодным прищуром – выражение лица, заставляющее противника думать, что смотрящий потерял очки или с трудом удерживается, чтобы не заснуть. Почему эта гримаса должна пугать противника – вопрос, остающийся без ответа. Затем Второй сделал шаг в сторону капитана, сжав губы в тонкую линию. Опять же, трудно сказать, почему от этого кому-то должно делаться страшно. К примеру, если бы, прогуливаясь по джунглям Трааля, вы случайно наткнулись на знаменитого Кровожадного Зверя Жукообраза, то поблагодарили бы судьбу, если бы его рот выглядел тонкой линией, а не тем, чем он выглядит обычно – пропастью, полной сверкающих клыков.

– Разрешите напомнить, сэр, – прошипел Второй капитану. – Вы не вылезали из ванны последние три года.

Произнеся эту убийственную фразу, Второй развернулся на пятках и чеканным шагом отошел в угол, где принялся оттачивать перед зеркалом грозные взгляды исподлобья.

Капитан поежился в своей ванне. Он смущенно улыбнулся Форду:

– При такой работе, как моя, – объяснил он, – просто необходимо снимать напряжение.

Форд медленно опустил руки. Никакой реакции не последовало. Артур тоже опустил руки. Медленно и осторожно Форд подошел к постаменту, на котором возвышалась ванна. Он потрогал его:

– Симпатично, – солгал он.

Форду стало интересно, что случится, если он улыбнется. Медленно и осторожно он улыбнулся – ничего не случилось.

– А... – повернулся он к капитану.

– Слушаю вас, – отозвался тот.

– Если не секрет, – спросил Форд, – В чем состоит ваша работа?

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Форд прыжком развернулся.

Это был первый помощник.

– Пажалста, – сказал он.

– О, большое спасибо, – поблагодарил Форд. Они с Артуром взяли с подноса по стаканчику жентонника. Артур попробовал и, к своему удивлению, обнаружил, что на вкус напиток весьма похож на виски с содовой.

– Дело в том, что... – начал Форд, тоже пробуя напиток, – мы невольно обратили внимание... Эти трупы в трюме...

– Трупы? – удивленно переспросил капитан.

Форд прикусил язык. То, что очевидно тебе, необязательно очевидно кому-то другому, подумал он. А вдруг капитан вообще не знает, что у него на борту пятнадцать миллионов мертвецов?

Капитан добродушно смотрел ему в глаза. Он также, кажется, гонял по ванне резинового утенка. Форд поглядел по сторонам. Второй бросил на него из зеркала уничтожающий взгляд, но только на секунду – взгляд его постоянно менял выражение и ракурс. Первый помощник молча стоял с подносом и рассеянно улыбался.

– Какие трупы? – повторил капитан.

Форд облизнул губы:

– Ну... – сказал он, – мертвые телефонотёры, бухгалтеры... там, в трюме...

Капитан смотрел на него непонимающе. Потом он вдруг откинулся и рассмеялся.

– Ну, какие же это трупы? – сказал он. – Бог с вами, да нет, конечно! Они заморожены. Мы их оживим.

Форд сделал то, что делал крайне редко – изумленно вытаращил глаза. Артур вышел из своего трансa:

– То есть, полные трюмы замороженных парикмахеров? – спросил он.

– Конечно, – подтвердил капитан. – Миллионы! Парикмахеры, журналисты, страховые агенты, юристы, полицейские, консультанты по маркетингу – да кого там только нет. Мы летим колонизировать новую планету!

Форд чуть заметно пошатнулся.

– Здорово, правда? – сказал капитан.

– Колонизировать? С таким контингентом? – с сомнением спросил Артур.

– Не поймите меня неверно, – сказал капитан. – Мы – лишь один из кораблей Флотилии “Ковчег”. Мы – “Ковчег Б”, понимаете? Простите, можно вас попросить добавить малость

горячей воды?

Артур повернул кран, и струя розовой пенящейся воды ударила в ванну. Капитан издал стон блаженства.

– Большое, огромное вам спасибо! Угощайтесь, прошу вас.

Форд опрокинул свой стакан, взял с подноса первого помощника бутылку и наполнил себе еще один до краев.

– Что значит “Ковчег Б”? – спросил он, завершив эти манипуляции.

– Все вот это, – ответил капитан, весело присвистнув резиновым утенком.

– Это понятно, – сказал Форд, – но что конкретно...

– Дело в том, что, – сказал капитан, – наша планета – та, с которой мы прилетели – была обречена, так сказать, на гибель.

– На гибель?

– Ну да. Поэтому мы и решили: давайте посадим все население в такие огромные, гигантские звездолеты, высадимся на совсем другой планете и обоснуемся там.

Рассказав все это, капитан снова откинулся в ванне, вздохнув от удовольствия.

– Другой – в смысле, не такой обреченной? – спросил Артур.

– Что вы сказали, мой друг?

– Не такой обреченной планете? Вы собирались обосноваться...

– А, да. Собираемся обосноваться, да. И было решено построить три корабля – три Космических Ковчега, и... а вам вообще интересно?

– Конечно! – заверил Форд. – Очень интересно.

– Вы знаете, – заметил капитан, – чертовски приятно поговорить со свежим человеком.

Взгляд Второго метнулся по комнате и снова уперся в зеркало, как пара мух, ненадолго оторванных от любезного их сердцу куска просроченного месяц назад мяса.

– В чем трудность такого долгого путешествия, как наше, – продолжал капитан, – так это в том, что в конце концов неизбежно начинаешь разговаривать сам с собой, а это ужасно скучно, потому что половину времени ты заранее знаешь, что услышишь в ответ.

– Только половину времени? – удивленно спросил Артур.

Капитан на мгновение задумался.

– Да, мне кажется, примерно половину. В общем... ну, куда запропастилось это мыло? – он пошарил под водой и продолжил: – В общем, идея была такая, что в первый корабль, корабль “А”, погрузятся все президенты, ученые, великие артисты – так сказать, соль земли; а в третий, корабль “В” – все, кто, собственно, делает дела и всякие вещи. А корабль “Б” – это мы – возьмет всех остальных, тех, кто ни там, ни там.

Капитан мило улыбнулся.

– И нас послали первыми, вперед, – закончил он и замурлыкал песенку о том, как да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое.

Песенка о купании, сочиненная для капитана одним из самых плодовитых и популярных на его планете сочинителей рекламных песенок, который спал сейчас в трюме номер тридцать шесть метрах в девятистах под мостиком, не дала повиснуть неловкому молчанию. Форд и Артур потоптались, случайно встретились друг с другом взглядами и стремительно отвели глаза.

– А... – спросил Артур через некоторое время, – а что, собственно, стряслось с вашей планетой?

– Ну, как я уже сказал, она была обречена на гибель, – ответил капитан. – Кажется, она должна была упасть на солнце или что-то в этом роде. Или на нас должна была упасть луна. Что-то вот в этом роде. В общем, мрачная перспектива.

– Не, – вмешался вдруг первый помощник. – По-моему, на нас должен был напасть огромный такой рой трехметровых пчел-пираний. Что ли, нет?

Второй обернулся, и глаза его горели холодным огнем, которого ему удалось достичь лишь ему одному ведомым количеством упражнений.

– Я располагаю другой информацией, – прошипел он. – Командование поставило меня в известность, что планете угрожает гигантский межзвездный козел-мутант!

– Да ладно! – не поверил Форд Префект.

– Так точно! Чудовище из недр преисподней с клыками длиной в десять тысяч миль, от дыхания которого вскипят океаны, когти его вырвут с корнем целые континенты, у него тысяча глаз, которые горят, как солнца, сочащиеся ядом бивни длиной в миллион миль – чудовище, какого никто никогда... и нигде!

– И вас, значит, послали вперед, так? – повторил вопрос Артур.

– Ну, да, – подтвердил капитан. – Нам сказали – и, по-моему, очень правильно сказали – что это очень важно для поддержания духа поселенцев, чтобы, когда они прибудут на планету, там уже можно будет прилично подстричься, и телефоны будут как следует натёрты.

– Да, – согласился Форд, – это в самом деле очень важно. Так другие корабли – они летят за вами?

Капитан вдруг умолк. Он повернулся в своей ванне и поглядел назад, вдоль огромного корпуса корабля, в направлении центра Галактики. Он вгляделся в невообразимые дали.

– Хм... Забавно, что вы об этом спросили, – сказал он Форду Префекту, чуть нахмурившись. – Потому что вот уже пять лет, с самого нашего вылета, мы не слышали от них ни звука... Но они должны быть где-то там, сзади. – И капитан снова уставился в пространство.

Форд тоже посмотрел туда и задумчиво сдвинул брови:

– Если, конечно, – сказал он тихо, – их всех не пожрал козел...

– Вон оно что... Козел... – повторил за ним капитан, и в голосе его прозвучала неуверенность.

Он обвел взглядом приборы и экраны компьютеров, окружавших мостик. Те подмигивали ему, как ни в чем не бывало. Капитан поглядел на звезды, но ни одна из них ничего ему не сказала. Он посмотрел на своих помощников, но они, казалось, погрузились в свои собственные мысли. Наконец, капитан обратился к Форду Префекту, который вопросительно поднял брови.

— Забавная какая штука, — промолвил наконец капитан. — Стоит начать рассказывать все это свежему человеку, как... Второй, вот вам вся эта история не кажется странной?

— Никак нет! — отчеканил Второй.

— Вот что, — сказал Форд, — Я вижу, вам теперь есть, о чем поговорить, поэтому спасибо за угощение и, если вам не трудно высадить нас на ближайшей подходящей планете, то...

— Понимаете ли, тут есть одна загвоздка, — сказал капитан. — Наш курс — или, я бы даже сказал, траектория — был задан еще на Гольгафринчуме... возможно, потому, что я не очень-то силен в цифрах...

— То есть, мы что, подвисли на этом корабле? — Форд вдруг утратил все свое терпение. — Когда вы должны добраться до планеты, которую вы собрались колонизировать?

— О, да она уже где-то совсем рядом, — ответил капитан. — Буквально, с минуты на минуту. Даже, наверно, мне следовало бы уже вылезти из ванны. С другой стороны — с какой стати отказывать себе в удовольствии?

— То есть, с минуты на минуту мы должны приземлиться?

— Ну... не то, чтобы приземлиться... то есть, не совсем...

— Почетче! — потребовал Форд.

— В общем, — сказал капитан, стараясь осторожно подбирать выражения, — если я правильно помню, то, кажется, мы запрограммированы на аварийную посадку на этой планете.

— Аварийную? — переспросили встревоженно Артур и Форд.

— Ну, да, — ответил капитан. — Как-то так. По-моему, это часть общего плана. Была какая-то очень важная причина... сейчас я почему-то не могу ее вспомнить. Должно быть, так надо потому, что...

Форд не выдержал:

— Да вы тут просто толпа беспомощных кретинов! — воскликнул он.

— Точно! — прорычал капитан. — Вот именно по этой причине!

XXV

В “Путеводителе вольного путешественника по Галактике” о планете Гольгафринчум сказано следующее:

Это планета с древней, полной легенд и тайн историей, красная – и местами зеленая – от крови полчищ захватчиков, планета восхитительно пестрых и изумительно монотонных пейзажей, сладких и манящих ароматов душистых источников, что бьют из-под жарких и пыльных скал и орошают своими брызгами темные пахучие лишайники; планета проницательных взглядов и безудержных полетов фантазии – в особенности после порции темных пахучих лишайников – но также и планета холодной и сумрачной мысли тех, кто отверг лишайники и сел под сень дерева размышлений; а также планета стали, крови и героизма; планета красоты тела и духа. Всем этим полна ее история.

Но самыми таинственными персонажами во всей ее древней и полной тайн истории, несомненно, являются Великие Круговые Поэты из Ариума. Эти Круговые Поэты жили в труднодоступных Ариуманских горах, где подстерегали на перевалах небольшие караваны неосторожных путешественников, окружали их и забрасывали камнями. Когда же путешественники начинали кричать, какого черта вместо того, чтобы сидеть дома и писать стихи, они бросаются камнями в порядочных людей, Круговые Поэты вдруг переставали бросать камни и начинали исполнять какой-нибудь из семисот девяноста четырех великих Вассилианских Песенных Кругов. То были песни необычайной красоты и еще более необычайной длины, и сюжет у них всех был более-менее одинаков: в первой части каждой песни рассказывалось о том, как однажды из города Вассилиана выехали пять принцев-мудрецов на четырех конях. Принцы – разумеется, храбрые, благородные и мудрые – долго странствовали в далеких краях, сражались с великанами и людоедами, увлекались причудливыми философскими учениями, пировали с забытыми богами и спасали прекрасных чудовищ от ужасных принцесс, пока наконец не объявляли, что достигли просветления, и странствия их на этом завершены.

Следующая, значительно более длинная часть Песенного Круга рассказывала об их пиратствах по поводу того, кому придется идти обратно пешком.

Все это осталось в далеком прошлом планеты. Однако именно потомок одного из этих экстравагантных поэтов придумал распустить слухи о неизбежной скорой гибели планеты, которые позволили жителям Гольгафринчума избавиться от дармоедов, составлявших почти треть всего населения планеты. Остальные две трети, как понятно, остались дома и жили долго и счастливо, пока все внезапно не пали жертвой пандемии, вспыхнувшей из-за непротёртого телефона.

XXVI

В эту же ночь корабль совершил аварийную посадку на совершенно ничем не примечательной сине-зеленой планетке, что вращалась вокруг небольшого безвестного желтого солнца на задворках одного захолустного уголка в западном рукаве галактической спирали.

В последние часы полета Форд Префект отчаянно, но тщетно пытался вырвать управление кораблем из железных лап автопилота. Он довольно быстро понял, что корабль запрограммирован доставить свой груз к месту назначения в целости и сохранности – пускай и без особых удобств – и по окончании полета привести себя в состояние, исключающее возможность дальнейшей эксплуатации.

В грохоте и пламени пролетая сквозь плотные слои атмосферы, корабль сжег большую часть своих надстроек и брони, а финальное бесславное приземление оставило экипажу лишь несколько часов, чтобы разморозить и разгрузить все его трюмы, потому что корабль тотчас же начал погружаться в вонючее болото, медленно уходя своим гигантским корпусом в гнусную жижу. Несколько раз за ночь его силуэт высвечивали пролетающие по небу метеоры – догорающие обломки его могучего некогда тела.

В серой предрассветной мгле корабль издал громовой неприличный звук и навеки скрылся в зловонной пучине.

Вышедшее солнце осветило жидким светом широкую заболоченную низину, усеянную рыдающими парикмахерами, юристами, социологами и т.п., отчаянно выкарабкивающимися на твердую почву. Более слабохарактерное солнце от такого зрелища, должно быть, немедленно закатилось бы обратно, но это продолжило подниматься по небу, и через некоторое время целительное воздействие его лучей начало положительно сказываться на измученных и перепуганных существах.

Бессчетное их число сгнуло – чему не приходится удивляться – в ту ночь, выбираясь из болота, а миллионы не успели даже покинуть корабль, но уцелевших набралось несколько сотен тысяч, и к полудню все они расплзлись по окрестностям в поисках клочка твердой земли, на который можно было бы рухнуть без сил и забыться от кошмаров прошедшей ночи.

Двое сидели поодаль на возвышении.

С пригорка Форд Префект и Артур Дент взирали на ужасное зрелище, не ощущая себя причастными к нему.

– Экая гадкая выдумка, – промолвил Артур.

Форд почертил что-то палочкой по земле и пожал плечами.

– Я бы сказал – оригинальное решение проблемы, – сказал он.

– Почему люди никак не могут научиться жить все вместе в мире и согласии? – спросил Артур.

Форд расхохотался:

– Сорок два? – спросил он с невеселой усмешкой. – Не подходит! Да, ладно, не парься.

Артур посмотрел на Форда, чтобы понять, не сошел ли тот с ума, не нашел никаких опровержений своему предположению и пришел к выводу, что весьма разумно будет считать, будто именно это и случилось.

– Как ты думаешь, что с ними со всеми будет? – спросил Артур спустя какое-то время.

– В бесконечной Вселенной все может быть, – ответил Форд. – Может быть, они выживут. Невероятно, но возможно.

Форд еще раз осмотрел пейзаж вокруг и снова принялся разглядывать картину бедствия под холмом. Внезапно он заметил нечто любопытное.

– Ты знаешь, по-моему, у них есть шанс, – сказал он.

Артур поднял голову:

– Почему ты так думаешь? – спросил он.

Форд пожал плечами:

– Так, подумалось, – сказал он и отказался отвечать на дальнейшие расспросы.

– Нет, ты посмотри! – сказал он вдруг.

Артур посмотрел туда, куда он показывал. Там внизу, посреди распростертых тел двигался – точнее было бы сказать, колебался – человек. Он что-то нес на плече. Перебираясь от одного тела к другому, он, словно пьяный, водил направо и налево этим чем-то. Через некоторое время он бросил свое занятие и рухнул наземь.

Артур не имел ни малейшего понятия, что все это должно значить.

– Это камера, – объяснил Форд. – Он запечатлевает исторический момент.

– Короче, – сказал Форд, помолчав. – Не знаю, как ты, а я пошел.

И он молча сел на землю спиной к Артуру.

Артур понаблюдал за происходящим сколько-то времени и спросил наконец:

– Слушай, когда ты сказал, что пошел – что ты имел в виду?

– Хороший вопрос, – одобрительно заметил Форд. – Мне нужна тишина.

Заглянув ему через плечо, Артур увидел, что Форд деловито крутит ручки на маленькой коробочке. Коробочку Форд называл суб-Ф-ирным сенс-О-матом и он показывал ее Артуру прежде, но тот обыкновенно кивал с отсутствующим видом и не проявлял никакого любопытства. В его сознании Вселенная все еще делилась на две части – земное и все остальное. Поскольку Земля была снесена в ходе строительства нового гиперпространственного шоссе, этот взгляд на вещи страдал некоторой однобокостью, но Артур держался за эту однобокость, как за последнюю ниточку, связывавшую его с домом. Суб-Ф-ирные сенс-О-маты в его мировоззрении подпадали под категорию “все остальное”.

– Дырка от бублика, – мрачно констатировал Форд, встряхивая свою волшебную коробочку.

Бублик! – подумал Артур, бездумно оглядывая девственный мир вокруг. Чего бы я не отдал за простой земной бублик...

– Ты не согласишься, – сказал наконец Форд в отчаянии. – Полное молчание на несколько световых лет вокруг этой треклятой дыры! Ты слышишь?

– Что такое? – спросил Артур.

– У нас проблемы, – повторил Форд.

– Ну-ну, – сказал Артур. Это для него давно уже не было новостью.

– Пока вот эта машинка чего-то не поймает, – объяснил Форд, – шансов свалить с этой планеты у нас нет. Может быть, правда, это какой-нибудь шизанутый эффект стоячей волны в магнитном поле планеты. Тогда – будем идти по азимуту, пока не попадем в область устойчивого приема. Пошли?

Форд собрал свои вещички и зашагал вперед.

Артур поглядел на низину. Человек с камерой из последних сил поднялся на ноги, чтобы заснять сверху обессиленное падение одного из своих коллег.

Артур сорвал травинку, сунул ее в рот и пошел вслед за Фордом.

XXVII

– Надеюсь, ужин вам понравился? – спросил Зарнивуп у Зафода и Триллиан, когда те, тяжело дыша и с трудом ориентируясь в пространстве, материализовались на мостике звездолета “Золотое Сердце”.

Зафод открыл глаза и прорычал:

– Опять ты!

Он с трудом поднялся на ноги и поискал вокруг себя кресло, в которое можно было бы рухнуть. Найдя такое кресло, он немедленно рухнул в него.

– Я ввел в компьютер невероятные координаты нашего путешествия, – продолжал Зарнивуп. – Скоро будем на месте. У вас есть немного времени привести себя в порядок и подготовиться к встрече.

Зафод молчал. Молча он снова встал, подошел к маленькому бару, вынул из него бутылку старого выдержанного марочного бормотурата и сделал могучий затяжной глоток.

– Но после этого – баста, – сказал Зафод свирепым голосом. – Дудки! Завязали! После этого я могу отправляться, куда захочу, и делать там, что захочу? Валяться на пляже, и все дела?

– Это будет зависеть от результатов встречи, – сказал Зарнивуп.

– Зафод, что это за тип? – спросила Триллиан, осторожно поднимаясь на каблуки. – Что он делает на нашем корабле?

– Так, один придурок, – ответил Зафод. – Ему нужна встреча с человеком, который правит Вселенной.

– А-а, карьерист, – протянула Триллиан, принимая от Зафода бутылку и прикладываясь к ней.

XXVIII

Главная проблема... одна из главных проблем – потому что проблема-то не одна... ну, скажем так, одна из множества главных проблем, связанных с управлением – заключается в людях, которые его осуществляют; или, точнее, в тех людях, которые заставляют других людей позволить им его над ними осуществлять.

То есть, коротко говоря: общеизвестно, что те, кто более всех стремится управлять людьми, в силу самого этого факта менее всех к этому способны.

Еще короче: человеку, который может позволить себе стать президентом, ни в коем случае нельзя позволить им стать.

И, совсем уж коротко: проблема – она в начальстве.

Именно в этом корень той ситуации, которую мы имеем: длинная череда, целая плеяда Президентов Галактики, которые так любили сладкое бремя власти, что практически ни один из них так и не заметил ее полного отсутствия.

Но где-то за их спинами, в их тени скрывается – кто же?

В чьих руках может находиться власть, если никому из тех, кто стремится к власти, позволить властвовать нельзя?

XXIX

На маленькой безымянной планете посреди безвестного участка космоса – безвестного, потому что найти его невозможно, так как он защищен гигантскими полями невероятности, ключ от которых есть лишь у шести человек во всей Галактике – лил дождь.

Дождь лил, как из ведра, уже много часов. Он поднял туманы над морем, хлестал по деревьям; он превратил полосу прибрежных дюн в непроходимое месиво.

Струи дождя отбивали чечетку на покосившейся жестяной крыше маленькой хижины, стоявшей посреди этих дюн. Дождь превратил в реку тропинку, что вела от этой хижины к берегу моря, и разметал кучки симпатичных ракушек, собранных вдоль нее.

В хижине шум дождя, бьющего в крышу, оглушал, но ее обитатель не обращал на него внимания. Он был занят.

Это был высокий худой человек с нечесаной копной соломенных волос, сырых из-за протекающей крыши. Одежда на нем была старая, он заметно сутулился, и глаза его казались закрытыми, несмотря на то, что были открыты.

Посреди хижины стояло старое вытертое кресло, старый потертый стол, лежал старый матрас, несколько подушек и печка – маленькая, но теплая.

В хижине находился также немолодой выдавший виды кот, и внимание человека сейчас было обращено на кота. Он согнулся над ним.

– Кис-кис, – сказал он. – Кис-кис-кис. Кис хочет рыбку? Рыбка хорошая, вкусная. Кис хочет рыбку?

Кот, похоже, не пришел ни к какому решению по этому вопросу. Он было потянулся обнадеживающе к рыбке, протянутой ему, но отвлекся на комок шерсти, покотившийся по полу.

– Лучше бы кис кушал рыбку. Иначе кис зачахнет и пропадет. Я так думаю, – сказал человек. В голосе его прозвучала неуверенность. – Мне кажется, что так будет, – сказал он. – Но как можно это знать?

Он снова протянул коту рыбку.

– Пусть кис думает сам, – сказал он. – Или кушает рыбку, или не кушает рыбку. Я думаю, мне лучше не вмешиваться.

И человек вздохнул.

– Я думаю, рыбка вкусная. Но ещё я думаю, что дождь – мокрый, а кто я такой, чтобы судить?

Он бросил рыбешку на пол перед котом и вернулся в кресло.

– Ага! Мне кажется, я вижу, что ты кушаешь, – сказал он наконец, когда кот исчерпал все развлечения, которые мог предоставить ему комок шерсти на полу, и занялся рыбой. – Мне нравится, когда я вижу, как ты кушаешь рыбку, – сказал человек, – потому что я думаю, что ты пропадешь, если не будешь кушать.

Человек взял со стола лист бумаги и огрызок карандаша. Бумагу он взял в одну руку, а карандаш в другую, и принялся экспериментировать с различными способами их соединения. Он попробовал держать карандаш под бумагой, потом над бумагой, потом рядом с бумагой. Он попробовал также обернуть бумагой карандаш. Он попробовал провести тупым концом карандаша по бумаге, а потом попробовал провести по бумаге заточенным концом карандаша. Карандаш оставил на бумаге след, и это, как обычно, привело человека в восторг. Затем он взял со стола другой лист бумаги. На нем был кроссворд. Человек проглядел его, заполнил в нем пару слов и утратил к нему интерес.

Он попробовал сесть на собственную руку, и его очень заинтересовали необычные ощущения в ней.

– Это рыбка издалека, – сказал он. – Во всяком случае, так мне говорили. То есть, это я думаю, что мне так говорили. Когда прилетают люди – или когда мне кажется, что прилетают люди – на шести черных кораблях, тебе они тоже кажутся? Что ты видишь, кис?

Он поглядел на кота, которого способы разделаться с рыбешкой быстро, как только возможно, занимали гораздо больше, чем эти отвлеченные рассуждения.

– А когда я слышу их вопросы, ты тоже их слышишь? Что означают для тебя их голоса? Может быть, ты вообще думаешь, что они поют тебе песни.

Человек задумался и нашел в своих рассуждениях слабое звено.

– А может быть, они и поют тебе песни, – сказал он, – а мне только кажется, будто они задают мне вопросы.

Он снова умолк. Иногда он молчал по нескольку дней – просто чтобы посмотреть, что будет.

– Как ты думаешь, они прилетали сегодня? – спросил он, – Я думаю, что да. На полу грязь и следы, на столе сигареты и виски, в твоей миске рыба, а в моей памяти – их прилет. Все это, разумеется, мало о чем говорит, это я понимаю, но всё вообще мало о чем говорит. Смотри, что ещё они мне привезли. – Человек потянулся к столу. – Кроссворды, словари и калькулятор.

Около часа он игрался с калькулятором. Кот в это время мирно спал, а дождь за стенами лил, как из ведра. Наконец, человек отложил калькулятор.

– Мне кажется, я имею основания думать, что они задают мне вопросы, – сказал он. – Прилетать из такой дали и привозить все эти вещи только затем, чтобы петь тебе песни, было бы очень странным поведением. Во всяком случае, мне так кажется. Но кто знает, кто знает?

Человек вынул из пачки, лежавшей на столе, сигарету и раскурил ее от уголька, выпавшего из пачки. Он глубоко затянулся и откинулся в кресле.

– Кажется, я видел сейчас в небе еще один корабль, – сказал он через некоторое время. – Большой и белый. Большого белого я еще никогда не видел, только шесть черных. И шесть зеленых. И еще другие, которые говорят, что прилетели издалека. А больших и белых – ни разу. Может быть, шесть маленьких черных могут иногда казаться одним большим белым? А может быть, мне хочется стаканчик виски? Да, это более вероятно.

Человек нашел на полу возле матраса стакан. В него он налил виски из бутылки и снова сел.

– Может быть, кто-то еще прилетел ко мне в гости, – сказал он.

В ста метрах от него под яростными струями дождя стояло “Золотое Сердце”.

Открылся люк, и из него вышли трое, закрывая лица от дождя и ветра.

– Вот там? – спросила Триллиан, перекивая дождь.

– Там, – подтвердил Зарнивуп.

– В этом сарае?

– В нем.

– Прикольно, – сказал Зафод.

– Да тут же ничего нет! – сказала Триллиан. – Мы явно не туда попали. Разве можно управлять Вселенной из сарая!

Они побежали под проливным дождем и остановились, мокрые до нитки, у двери хижины. Они постучали, дрожа крупной дрожью.

Дверь открылась.

– Здравствуйте, – сказал человек.

– Прошу прощения, – начал Зарнивуп, – но я имею основания полагать...

– Так это ты управляешь Вселенной? – спросил Зафод.

В ответ человек улыбнулся:

– Я стараюсь этого не делать, – ответил он. – Вы промокли?

Зафод посмотрел на него удивленно:

– А что, по нам не видно? – спросил он.

– То, что видно мне – это одно, – пояснил человек, – но то, что вы, возможно, думаете по этому поводу – может быть, совсем другое. Если вы думаете, что тепло вас обсушит, то лучше зайдите внутрь.

Они вошли.

Трое оглядели хижину: Зарнивуп с брезгливостью, Триллиан с интересом, Зафод – с восхищением.

– Слушай, отец, – спросил Зафод, – тебя как зовут?

Человек поглядел на него задумчиво:

– Я не знаю. Да и зачем? Странно было бы как-то называть совершенно случайный набор ощущений.

Он пригласил Триллиан присесть в кресло. Сам он примостился на подлокотнике кресла;

Зарнивуп облокотился о стол, а Зафод плюхнулся на матрас:

– Вау! – воскликнул он. – Отселе править миром я могу! – и пощекотал кота под подбородком.

– Послушайте, – начал Зарнивуп. – Я должен задать вам несколько вопросов.

– Пожалуйста, – согласился человек. – Если хотите, вы можете также спеть песню моему коту.

– Он это любит? – спросил Зафод.

– Спросите у него, – посоветовал человек.

– Он у тебя что, говорящий?

– Я не помню, чтобы он у меня говорил, – ответил человек. – Но это ничего не значит.

Зарнивуп вынул из кармана блокнот:

– Итак, – сказал он, – вы управляете Вселенной. Это так?

– Как я могу это знать? – ответил человек.

Зарнивуп сделал пометку в блокноте.

– И как давно вы этим занимаетесь?

– Гм, – ответил человек, – Это вопрос о прошлом, я правильно понял?

Зарнивуп поднял глаза от блокнота. Он ожидал другого.

– Ну, конечно! – сказал он.

– Как я могу знать, – спросил человек, – что прошлое это не умозрительный конструкт, изобретенный мною для того, чтобы объяснить несоответствия между моими физическими ощущениями в данный момент времени и состоянием моего сознания?

Зарнивуп оторопело смотрел на человека. Пар поднимался от его сохнувших брюк.

– Вы на все вопросы отвечаете подобным образом? – спросил он.

– Когда я слышу, что говорят люди, я говорю то, что мне приходит на ум сказать. По-другому я не умею.

Зафод рассмеялся:

– За это стоит выпить, – сказал он, вынимая из-за пазухи початую бутылку бормотурата.

Зафод приподнялся на матрасе и протянул бутылку правителю Вселенной, который принял ее с благодарностью.

– Твое здоровье, командир! – воскликнул Зафод. – Так держать!

– Минуточку! – вмешался Зарнивуп. – К вам сюда прилетают люди? На кораблях?

– Мне кажется, что да, – ответил человек. Он передал бутылку Триллиан.

– И они задают вам вопросы, – продолжал Зарнивуп, – просят принять решения? О жизни и смерти, о судьбах миров, об экономике, войнах – обо всем, что творится там, во Вселен-

ной?

– Там? – переспросил человек. – Где – там?

– Там! – Зарнивуп показал на дверь.

– Откуда вы знаете, что там что-то есть? – вежливо спросил человек. – Ведь дверь закрыта.

По крыше хижины по-прежнему стучал дождь, но внутри было тепло.

– Вы прекрасно знаете, что там – целая Вселенная! – воскликнул Зарнивуп. – Вы не имеете права пренебрегать своими обязанностями и заявлять, что она не существует!

Зарнивуп возмущался, а правитель Вселенной размышлял.

– Вы слишком уверены в себе, – сказал он наконец. – Я не стал бы полагаться на выводы человека, который так уверен в том, что Вселенная реальна – если какая-то реальность вообще возможна.

Зарнивуп продолжал возмущаться, но уже молча.

– Я принимаю решения, касающиеся моей собственной Вселенной, – продолжал человек. – Моя Вселенная – это то, что видят мои глаза и слышат мои уши. Все остальное – игра воображения.

– Вы вообще ни во что не верите?

Человек пожал плечами и посадил к себе на колени кота.

– Я вас не понимаю, – сказал он.

– Вы не понимаете, что здесь, в этой вашей развалюхе, вы решаете судьбы миллиардов людей? Это просто ужасно! Это чудовищная несправедливость!

– Не знаю. Я никогда не встречался ни с одним из тех людей, о которых вы говорите. Мне кажется, что и вы их не видели. Они существуют только в словах, которые мы с вами слышим. Безосновательно утверждать, будто тебе известно, что происходит с другими людьми. Это известно лишь им самим, если только они существуют. У них есть свои собственные Вселенные, в их собственных глазах и ушах.

Триллиан сказала:

– Пойду-ка я пройдуся, – встала и вышла в дождь.

– Вы не верите в существование других людей? – не отставал Зарнивуп.

– У меня нет мнения об этом. Откуда мне знать?

– Пойду-ка посмотрю, как там Триллиан, – сказал Зафод и тоже выскользнул за дверь.

За дверью он сказал ей:

– По-моему, Вселенная в надежных руках. Ты как думаешь?

– Надежнее некуда, – сказала Триллиан.

Они скрылись в струях дождя.

В хижине Зарнивуп продолжал допрос:

– Вы отдадите себе отчет, что жизнь и смерть людей зависит от вашего слова?

Правитель Вселенной держал паузу столько, сколько мог. Услышав вдалеке гул двигателей звездолета, он заговорил, чтобы заглушить его.

– Это не мое дело, – сказал он. – Я тут ни при чем. Бог свидетель – я не злой человек.

– Ага! – воспрянул Зарнивуп. – Вы сказали “Бог”! Значит, во что-то вы все-таки верите!

– Бог – это мой кот, – пояснил человек, глядя и лаская его. – Я назвал его Бог. Я люблю своего кота.

– Ну, хорошо, – не сдавался Зарнивуп. – Но откуда вам известно, что этот кот существует? Откуда вам известно, что он понимает, что вы его любите, и что ему приятна ваша любовь?

– Ниоткуда не известно, – ответил человек, улыбнувшись. – Мне просто нравится вести себя определенным образом по отношению к тому, что представляется мне котом. Разве у вас это происходит по-другому? Прошу простить меня, мне кажется, что я устал.

Зарнивуп тяжело вздохнул и оглядел хижину.

– А где эти двое? – спросил он вдруг.

– Какие двое? – поинтересовался правитель Вселенной, откидываясь в кресле и наливая себе еще виски.

– Библброкс и его девка! Те двое, которые были здесь! Вы что, забыли?

– Я никого не помню. Прошное – это всего лишь конструкция, изобретенная, чтобы...

– Ах, чтоб тебя! – крикнул Зарнивуп и выбежал под дождь.

Звездолета не было. Дождь продолжал месить грязь. Звездолета простыл и след. Зарнивуп заорал что-то нечленораздельное, но дождь заглушил его голос. Он бросился обратно в хижину, но дверь ее была заперта.

Правитель Вселенной дремал в своем кресле. Проснувшись, он еще поигрался с карандашом и бумагой, и снова пришел в восторг, обнаружив, что можно оставлять отметки одним на другой. Снаружи продолжали доноситься разнообразные звуки, но он не мог знать, реальны они или нет. Следующую неделю правитель Вселенной посвятил беседе со своим столом, чтобы посмотреть, как тот будет реагировать на него.

В эту ночь звезды зажглись большие, яркие и чистые. Форд и Артур прошагали гораздо большее расстояние, чем могли прикинуть, и наконец устроили привал. Ночь была свежа и спокойна, воздух чист, суб-Ф-ирный сенс-О-мат – нем, как рыба.

Над миром стояла чарующая тишь. Нежные ароматы лесов, негромкий стрекот цикад и ясный свет звезд навевали волшебный покой, врачуя потрепанные души наших героев. Даже Форд Префект, повидавший миров больше, чем можно перечислить за целый выходной, спрашивал себя тайком, не самый ли это прекрасный мир из всех, что он видел. Весь день они шли по зеленым округлым холмам и лугам, на которых росли шелковистые травы, душистые дикие цветы и высокие деревья с густыми кронами; их согревало солнце, оведали ветерки, и Форд Префект доставал свой суб-Ф-ирный сенс-О-мат все реже и реже и все мягче и мягче выражался по поводу его неизменного молчания. Форд начинал думать, что ему здесь нравится.

Ночь выдалась прохладной, но Форд и Артур спали на открытом воздухе здоровым сном и проснулись за несколько часов до того, как выпала роса, отдохнувшие, но проголодавшиеся. В “Последнем Пути” Форд успел на ходу сунуть в свой рюкзачок несколько ломтей хлеба, и ими они позавтракали, а после тронулись дальше.

До сих пор они шли, куда глаза глядят, но теперь отправились точно на восток, решив, что если они собрались разведать этот мир, то следует иметь четкое представление о том, откуда и куда они идут.

Примерно в двенадцатом часу они встретили первые признаки того, что планета, на которую они приземлились, не совсем необитаема: в ветвях дерева краем глаза они заметили лицо. Лицо исчезло в тот же миг, но оба успели понять, что это был гуманоид, и он следил за ними с любопытством, но без страха. Еще через полчаса они снова углядели лицо в кустах, а еще через десять минут – снова.

Через минуту они вышли на поляну и встали, как вкопанные.

Перед ними посреди поляны стояло десятка два мужчин и женщин. Они стояли молча и смотрели на Форда с Артуром. За ноги некоторых женщин держались малыши, а за спинами людей видны были шалаши из веток и мха.

У Форда с Артуром перехватило дух.

Самый высокий из мужчин ростом едва превышал полтора метра; все они сильно горбились, имели низкие лбы и длинные волосатые руки; но на пришельцев, не отрываясь, глядели большие умные глаза.

Видя, что оружия в руках у туземцев нет, и они стоят, не приближаясь, Форд и Артур перевели дух.

Некоторое время те и другие смотрели друг на друга, не двигаясь. Пришельцы озадачили туземцев, и те, не выказывая никакой угрозы, в то же время явно не спешили предлагать им дружбу.

Прошла пара минут, и никто ничего не делал.

Через пару минут Форд решил, что пора уже сделать что-нибудь.

– Привет, – сказал он.

Женщины прибрали к себе детей.

Мужчины почти не пошевелились, но по их позам было отчетливо видно, что они не приветствуют гостей – не гонят их, не боятся, а просто не приветствуют.

Один из мужчин, стоявший чуть впереди остальных – скорее всего, вождь – шагнул вперед. Лицо его было спокойным – почти торжественным.

– Ур-р-ргх ух ух р-рух у-у-ргх, – промолвил он негромко.

Для Артура это было неожиданностью. Он так уже привык к тому, что вавилонская рыбка мгновенно переводит все, что он слышит, что совсем забыл о ней, плавающей в его ухе, и вспомнил лишь сейчас, потому что она, похоже, спасовала. Смутные тени понятий промелькнули где-то на грани его сознания – но никаких слов, за которые можно было бы ухватиться. Артур решил – как выяснилось потом, совершенно справедливо – что эти люди овладели пока лишь самыми зачатками языка, и поэтому вавилонская рыбка тут не может ничем помочь. Артур повернулся к Форду, бесконечно более опытному в таких ситуациях.

– Мне кажется, – тихо сказал Форд, не поворачивая головы, – что он просит нас, если мы не против, обойти их поселение стороной.

Человекообразное существо сделало жест, со всей очевидностью подтверждающий предположение Форда.

– Р-р-р-р-ургх ур-р-ргх; ургх ургх – ух-ух! – р-р-ру-р угх, – добавил человекообразный.

– Общий смысл, насколько я понимаю, – сказал Форд, – в том, что мы можем продолжать идти, куда нам вздумается, но если мы обойдем их деревню стороной вместо того, чтобы пройти через нее, это доставит им радость.

– Что же мы будем делать?

– Доставим им радость, – сказал Форд.

Неторопливо и осторожно Артур и Форд двинулись по краю поляны. Туземцам это явно понравилось: они слегка поклонились им и разошлись по своим делам.

Форд с Артуром продолжили свой путь через лес. Не уйдя далеко от поляны, они вдруг наткнулись на горку каких-то плодов – ягоды, поразительно напоминающие малину и землянику, и сочные зеленые фрукты, поразительно напоминающие груши.

До сих пор они избегали встречавшихся им плодов и ягод, хотя деревья и кустарники просто гнулись от них.

– Посмотри на это так, – говорил Форд. – Отведав плодов и ягод с незнакомой планеты, ты либо выживешь, либо помрешь. Поэтому экспериментировать с ними можно только тогда, когда иначе по-любому помрешь. Это беспроигрышная тактика. Секрет здоровья на трассе – фаст-фуд.

Теперь они с сомнением глядели на горку плодов перед ними. Плоды выглядели так, что у них буквально голова закружилась от голода.

– Посмотри на это так, – сказал Форд. – Э-э-э...

– Как? – переспросил Артур.

– Ну, я пытаюсь найти такую точку зрения, чтобы получалось, что надо их съесть, – объяснил Форд.

Солнечные лучики, пробивающиеся сквозь листву, играли на глянцевой кожице плодов, напоминающих груши. Ягоды, напоминающие малину и землянику, выглядели сочнее и ярче, чем Артур видел даже в рекламе мороженого.

– Давай съедим их сейчас, а придумаем потом? – предложил он.

– А может быть, это как раз то, чего они ждут!

– Ну, ладно. Посмотри на это так... – начал Артур.

– Гм, начало мне нравится.

– Они положили это сюда для нас. Это либо подарок, либо отравы. Либо они хотели угостить нас, либо отравить. Если это отравы, и мы ее не съедим, то они разделаются с нами каким-нибудь другим способом. Таким образом, если мы это не съедим – в любом случае мы в проигрыше.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – признал Форд. – Съешь одну.

Артур нерешительно взялся за один из плодов, напоминающих грушу.

– Я всегда думал то же самое по поводу Райского Сада, – сказал Форд.

– Чего?

– Райского Сада. Ну, там, дерево, яблоко – помнишь эту телегу?

– Конечно помню.

– Там этот ваш Бог ставит посреди сада яблоню и говорит: ребята, тусуйте, оттягивайтесь, но только вот какая фишка – не ешьте яблоки. Ясный пень, в какой-то момент ребята добираются до яблок, и тут Бог выскакивает из-за куста и кричит: “А-а, статья!” Но ведь если бы никто и не ел никаких яблок, все было бы точно так же!

– Как это?

– Да уж так. Если приходится иметь дело с таким типом, которому не в падлу подложить на мостовую кошелек на ниточке – дело твое труба. По-любому, он тебя сделает. Так или иначе.

– Вот это ты сейчас о чем вообще?

– Да так, ни о чем. Кушай.

– А знаешь, это место очень похоже на Райский Сад...

– Ешь, я тебе говорю.

Артур надкусил плод, напоминающий грушу.

– Это груша, – сказал он.

Спустя мгновение-другое, когда от горки ничего не осталось, Форд Префект обернулся и громко сказал:

– Спасибо! Большое спасибо! Вы очень любезны.

И они продолжили свой путь.

На протяжении следующих полсотни километров их пути на восток они находили время от времени на своем пути горку плодов, и пару раз им показалось, что они видели в ветвях силуэт человекообразного туземца; но больше в прямой контакт с местным населением они не вступали. Посоветовавшись, они решили, что им весьма по душе народ, который так ясно выражает свою благодарность за то, что их оставили в покое.

Через полсотни километров плоды и ягоды кончились, потому что началось море.

Не имея других более срочных дел, Артур и Форд построили плот и переправились через море. Море было в разумных пределах спокойное, имело всего километров семьдесят в ширину, и переправа выдалась в разумных пределах приятной. Они высадились в местности по меньшей мере столь же прекрасной, как та, которую они покинули.

Коротко говоря, жизнь у них пошла до забавного приятная, и – по крайней мере, покамест – им удавалось справляться со скукой и одиночеством, просто не уделяя им внимания. На случай, если им очень захочется общества, они знали, где его найти; покуда же им было исключительно приятно знать, что от гольгафринян их отделяют сотни и сотни миль.

Несмотря на это, Форд Префект начал чаще доставать свой суб-Ф-ирный сенс-О-мат. Лишь однажды ему удалось засечь сигнал, но сигнал был таким слабым, и с такого огромного расстояния, что Форд загрустил еще больше, чем обычно, когда никаких сигналов не было.

По собственному желанию они повернули на север. После нескольких недель путешествия они вышли к другому морю, построили другой плот и переправились через него. Эта переправа далась им труднее первой – климат здесь стал суровее. Артур начал подозревать в поведении Форда Префекта тайный мазохизм – все возрастающая сложность, казалось, придавала маршруту видимость смысла, которого Форду не хватало. Форд упрямо шагал вперед.

Путешествие на север привело их в страну крутых гор, где от просторов и красоты пейзажа захватывало дух. Крутые заснеженные пики кружили голову. Холод пронизывал до костей.

Здесь они оделись в шкуры и меха животных. Форд Префект добыл их при помощи техники, которой научили его два пралита-расстриги, державшие курорт и клуб ментал-серфинга в Хунианских горах.

В Галактике полным-полно пралитов-расстриг, и дела у них всех идут колоссально благодаря техникам ментального контроля, которые их монашеский орден развил до удивительных высот и включил в набор обязательных дисциплин для молодого послушника. Невероятное количество монахов покидает Орден сразу по окончании послушания – до принятия высшего монашеского обета провести остаток своих дней взаперти в тесном железном ящике.

Техника Форда состояла в основном в том, что он неподвижно стоял и улыбался.

Через некоторое время животное – скажем, олень – выходило из-за деревьев и опасливо оглядывало Форда. Форд продолжал улыбаться ему, глаза его лучились, и сам он, казалось, испускал могучие волны вселенской любви – любви, охватывающей все мироздание. Дивное спокойствие нисходило на округу, мир и благодать струились от этого преображенного человека. Олень осторожно, шаг за шагом подходил к Форду, едва не касаясь его своим большим влажным носом. Тогда внезапным резким движением Форд ломал ему шею.

– Это все феромоны, – объяснял он. – Надо просто уметь испускать правильный запах.

XXXI

Через несколько дней после высадки в этой гористой местности Артур и Форд вышли на побережье, тянувшееся с юго-запада на северо-восток. Это было побережье, полное величественной красоты: глубокие трагические пропасти, головокружительные ледяные пики, фьорды.

Два следующих дня путешественники карабкались по скалам и ледникам, очарованные их красотой.

– Артур! – вдруг заорал Форд.

Подходил к концу второй день. Артур сидел на утесе и глядел, как волны с ревом дробятся о грозные скалы.

– Артур! – снова крикнул Форд.

Артур поглядел туда, откуда ветер доносил отголоски крика Форда.

Форд ушел осмотреть ледник, и Артур нашел его сидящим перед мощной стеной голубого льда. Форд был вне себя от возбуждения, и едва обернулся, когда Артур подошел.

– Смотри! – сказал он, – смотри!

Артур посмотрел и увидел мощную стену голубого льда.

– Ну? – сказал он. – Ледник. Сколько я уже таких видел.

– Нет, – возразил Форд. – Ты смотришь на него, но ты не видишь. Смотри!

Форд показывал на что-то глубоко внутри ледника.

Артур всмотрелся, но не увидел ничего, кроме теней.

– Отойди подальше, – настаивал Форд, – и посмотри снова!

Артур отошел назад и посмотрел снова.

– Ничего не вижу, – сказал он, пожав плечами. – А что, собственно, я должен был увидеть?

И тут он увидел.

– Видишь?

Артур видел.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но мозг его решил, что сказать ему нечего, и закрыл рот. Затем мозг с головой ушел в попытки осознать то, что сообщали ему глаза, и утратил контроль за ртом, который тотчас же раскрылся снова. Снова захлопывая челюсть, мозг Артура отвлекся от левой руки, которая принялась бесцельно плавать в воздухе. Пару секунд мозг Артура пытался заниматься левой рукой, не упуская из внимания рта, и в то же время пытался осознать то, что скрывалось во льду, и, должно быть, по этой причине ноги Артура подкосились, и он грохнулся наземь.

Причиной всего этого неврологического кризиса был рисунок трещин во льду на глуби-

не примерно полуметра. Если поглядеть на них под нужным углом, они складывались в отчетливые контуры букв инопланетного алфавита, примерно в метр высотой каждая; для тех же, кто, как и Артур, не читал по-магратеянски, под буквами во льду покоилось лицо.

Это было лицо старика с тонкими благородными чертами, усталое, но не лишенное доброты.

Это было лицо человека, получившего приз за дизайн побережья, на котором, как им теперь стало доподлинно известно, они находились.

XXXII

В воздухе плыл пронзительный мерзкий звук. От него дребезжали ветки деревьев и пускались в бегство белки. Птицы в ужасе летели прочь. Звук разносился по полю и возвращался эхом от опушки леса. Звук зудел, он завывал, он был невыносим.

Капитан, однако, снисходительно смотрел на потуги одинокого волынщика. Мало что могло потревожить его благодушие; в самом деле, погоревав об утрате своей великолепной ванны во время тех неприятных событий в болоте сколько-то месяцев назад, капитан начал находить свою новую жизнь в высшей степени замечательной. На вершине известнякового холма, высящегося посреди равнины, была выдолблена яма, и в ней он плескался каждый божий день, а помощники подливали воду. Воду, надо сказать, не особенно теплую, поскольку способов нагревать ее им пока не удалось найти. Ничего, всему свое время, а пока что разведчики были посланы обследовать местность и найти на ней горячий источник, желательно в густой тени листвы; а если поблизости еще окажутся мыльные копи – просто превосходно. Тех, кто утверждал, будто мыльных копей, кажется, не бывает, капитан мягко спрашивал, так ли хорошо они искали, и те с неохотой признавали, что, возможно, не так хорошо.

Да нет, жизнь была прекрасна, и самое замечательное в ней было то, что, когда отыщется наконец горячий источник в надлежащей тени густой листвы, а по прошествии должного времени по холмам пронесется весть о том, что обнаружена мыльная копь, выдающая на-гора до пятисот брусков в день, жизнь станет еще более прекрасной. Ведь это очень важно – глядеть в будущее с оптимизмом.

Вз-з-з, вз-з-з, и-и-и, у-у-у-у, и-и-и, вз-з-з, – продолжал волынщик, доводя Капитана, и без того уже блаженствующего, до экстаза мыслью, что настанет миг, и он умолкнет. Это тоже было из числа вещей, вселяющих оптимизм при взгляде в будущее.

Что же еще такого хорошего? – спросил капитан сам себя. Да много, очень много чего: багрец и золото лесов, говорящие о приближении осени; мирный щебет ножниц в нескольких шагах от ванны, где парочка парикмахерш практиковалась на задремавшем художнике-оформителе и его помощнике; солнечные зайчики от шести сверкающих чистотой телефонов, выстроившихся в шеренгу на краю капитанской каменной ванны. Прекраснее телефона, который не трезвонит все время – и вообще никогда – могут быть только шесть телефонов, которые не трезвонят все время – и вообще никогда.

А всего приятнее было слышать веселый гул сотен людей, постепенно собирающихся вокруг холма на вечернее заседание комитета.

Капитан прищелкнул своего резинового утенка по клюву. Вечерние заседания комитета он просто обожал.

Не он один оглядывал собирающихся людей. В кроне высокого дерева на опушке леса притаился Форд Префект, недавно возвратившийся из дальних странствий. Шесть месяцев путешествия придали его телу стройность и крепость, глаза его сверкали; на нем была теплая оленья шкура; борода его стала серьезной и густой, а лицо загорело и обветрилось, сделав

его похожим на автора-исполнителя со слета самодеятельной песни.

Форд и Артур Дент наблюдали за гольгафринянами уже с неделю, и Форд решил, что пришло время объявиться.

Поле уже заполнилось народом. Сотни людей сидели на траве, болтая, закусывая фруктами и вели себя вполне непринужденно. Их тренировочные костюмы испачкались и у многих даже порвались, но прически у всех были безупречные. Форд с недоумением заметил, что многие из них набили карманы своих тренировочных костюмов листьями – не для тепла же? – думал он. Форд прищурился. С чего это вдруг такой интерес к ботанике?

Размышления его прервал голос капитана, покрывший гул разговоров:

– Прекрасно, – сказал он, – Я хотел бы, если можно, призвать собравшихся соблюдать определенную тишину и некоторый порядок. Если никто не против. – Капитан добродушно улыбнулся. – Я подожду, хорошо?

Разговоры постепенно смолкли, и все стихло на поле – за исключением волынщика, который, по-видимому, находился в своем собственном суровом и необитаемом музыкальном мире. Те немногие, что сидели в непосредственной близости от него, бросили в него несколькими пригоршнями листьев. Если в этом действии и был какой-то смысл, то он на этот раз ускользнул от Форда Префекта.

Несколько человек сгруппировались вокруг капитана, и один из них явно собрался говорить. Он продемонстрировал свою готовность тем, что встал, прочистил горло и принялся глядеть вдаль поверх голов, как бы показывая присутствующим, что собирается с мыслями и вернется к ним через секунду.

Естественно, все взгляды собравшихся обратились к нему.

Воцарившуюся тишину Форд счел удачным моментом для своего эффектного выхода на сцену. Человек набрал в грудь воздуха. Форд спрыгнул с дерева.

– Здравствуйте, люди, – сказал он.

Все обернулись к нему.

– А, здравствуйте, друг мой! – обрадованно сказал капитан. – У вас случайно не найдется спичек? Или зажигалки? Или чего-нибудь в этом роде?

– Нет, – ответил Форд, несколько сбитый с толку. Он не был готов к такому приему, но решил не отступать. – Спичек у меня нет, – продолжил он. – Но у меня есть для вас новости...

– Какая жалость! – сказал капитан. – У нас у всех кончились. Уже которую неделю без горячей воды...

Форд не дал себя отвлечь.

– У меня есть для вас новости, – сказал он. – Мы сделали важное открытие. Вам будет любопытно узнать...

– Это есть в повестке дня? – спросил человек, которого Форд перебил.

Форд улыбнулся широкой и белозубой улыбкой барда.

– Да ладно! – сказал он добродушно.

– В таком случае, я прошу прощения, – процедил человек, – но, проработав долгие годы консультантом по финансам, я хотел бы подчеркнуть важность следования протоколу заседания и соблюдения субординации в управляющих структурах!

Форд повернулся к зрителям:

– Псих какой-то, – сказал он. – Короче! Это доисторическая планета...

– Я бы попросил обращаться ко всему круглому столу! – прошипел консультант по менеджменту.

– Какому еще столу? – обалдел Форд. – Тут одни камни.

Консультант по финансам решил, что ситуация требует проявить строгость:

– Эти камни называются круглым столом, – сказал он строго.

– Почему не называть их просто камнями? – спросил Форд.

– Должен вам заметить, – сказал консультант по финансам, плавно меняя свою строгость на покровительственную снисходительность, – что вы совершенно не ориентируетесь в современных бизнес-методиках.

– А вы совершенно не ориентируетесь, где вы находитесь! – воскликнул Форд.

Молодая женщина, обладательница неприятно визгливого голоса, вскочила на ноги и пустила свой дар в ход:

– Ну, что у нас там за прения? – выкрикнула она. – Я хочу вынести на круглый стол предложение!

– Если оно такое же круглое, как этот стол, его лучше выкатить! – хихикнула парикмахерша.

– К порядку! К порядку! – закричал консультант по финансам.

– Ну, ладно, – сказал Форд, – посмотрим, как вы тут...

И он сел по-турецки там, где стоял, любопытствуя, насколько же ему хватит терпения.

Капитан примирительно покашлял.

– Я бы попросил, если можно, соблюдать порядок, – сказал он мягко. – Пятьсот семьдесят третье заседание Комитета по Колонизации Финтльвудльвикса прошу считать...

Секунд десять, сказал себе Форд и вскочил на ноги снова:

– Да вы вконец офигели! – воскликнул он. – Пятьсот семьдесят третье заседание, и вы еще до сих пор не добыли огонь!

– А вы, коллега, – ответила женщина с визгливым голосом, – потрудились бы сначала изучить повестку дня!

– Повестку пня, – весело засмеялась парикмахерша.

– Спасибо, мне уже все ясно, – сказал Форд уныло.

– Там вы нашли бы, – продолжала женщина, – отчет Комиссии парикмахеров по разработке огня!

– Ой... да! – проснулся парикмахер, похожий на барана, со взглядом, который по всей Галактике означает “Давайте вы зайдете через неделю”.

– А, прекрасно, – Форд повернулся к нему. – Ну, так что сделано? Какие планы? Какие соображения по разработке огня?

– Ну... Я не могу вам так сказать... – начал парикмахер. – Нам выдали две палки...

– И что вы с ними сделали?

Покрываясь пятнами от волнения, парикмахер порылся в карманах своего тренировочного костюма и протянул Форду плоды своего труда.

Форд поднял их на всеобщее обозрение:

– Завивочные щипцы! – воскликнул он.

Раздался гром аплодисментов.

– Ну, ладно, допустим, – сказал Форд. – Москва не сразу сдвоилась.

Никто не понял, что Форд имеет в виду, но слова его воодушевили всех. Аплодисменты возобновились, теперь уже в его адрес.

– Понятно, коллега: вам не хватает опыта, – подытожила женщина. – Проработав с мое в маркетинге вы бы знали, что перед тем, как браться за разработку нового бренда, его нужно правильно спозиционировать. А для этого нужно выяснить – какое место он занимает в сознании людей? С чем они его сопоставляют? Чего люди хотят от огня?

Все поглядели на Форда, ожидая от него чего-нибудь сногшибательного.

– Да в ж... – начал он было.

– Вот именно! Именно это мы и должны узнать! – подхватила маркетологиня. – Может быть, людям нужен огонь, который можно применять перанально!

– И что, нужен? – спросил Форд у людей.

– Нужен! – весело закричали одни. – Не нужен! – закричали другие не менее весело. Нужен или не нужен – они не знали, но сам процесс им чрезвычайно нравился.

– Да! И колесо, – напомнил капитан. – Что там у нас с колесом? Проект был очень многообещающий.

– Видите ли, – замялась маркетологиня. – С колесом имеются определенные трудности.

– Трудности?! – удивился Форд. – Какие трудности? Какие тут могут быть трудности? Это же самый примитивный механизм во всей Вселенной!

Маркетологиня смерила его ядовитым взглядом:

– Ну, что же, – сказала она. – если вы такой умный, может быть, тогда вы нам расскажете – какого цвета оно должно быть?

Зрители взвыли от восторга. Один-ноль в нашу пользу, поняли они. Форд пожал плечами

и снова сел на землю.

– Зарконе правый, – взмолился он, – неужели никто из вас ничего не сделал за все это время?!

Словно бы в ответ на его вопрос с дальней стороны поля послышались голоса и шум. Зрители не верили своим глазам – сегодня количество развлечений превышало все границы: по полю шагал отряд примерно в полтора десятка мужчин, облаченных в лохмотья формы Третьего Гольгафринчумского полка. Примерно у половины из них за поясом еще висели смертОлеты, остальные же несли копья, которыми в такт ходьбе стучали о камни. Выглядели они загорелыми, обветренными и до последней крайности истощенными и грязными. По команде взвод остановился – один солдат упал и больше уже не поднялся.

– Господин капитан! – крикнул второй помощник – это он был главнокомандующим. – Разрешите доложить!

– О! Привет, Второй! Добро пожаловать, с возвращением, и все такое. Нашли горячие источники? – спросил капитан без особой надежды в голосе.

– Никак нет, сэр!

– Я так и думал...

Второй помощник прошел сквозь толпу и встал по стойке смирно перед ванной.

– Мы открыли новый континент!

– Где же он?

– Он находится за морем... – Второй многозначительно прищурился, – На востоке!

– А, за морем...

Второй помощник повернулся кругом. Он поднял смертОлет над головой. Великолепное зрелище, – подумали зрители.

– Мы объявили ему войну!

По всему полю раздались крики “ура!” – развлечение превзошло все ожидания.

– Минуту! – закричал Форд Префект. – Минуту!

Форд вскочил на ноги и потребовал тишины. Через какое-то время он дождался ее – или, точнее, максимальной тишины, какую можно было рассчитывать получить в этой обстановке: волынщик внезапно взялся за сочинение государственного гимна.

– Этот волынщик обязательно должен тут быть? – рассерженно спросил Форд.

– Разумеется, – ответил капитан. – Это же председатель Союза Композиторов!

Форд хотел было открыть дискуссию по этому поводу, но почти тут же сообразил, что это было бы безумием. Вместо этого он метнул в волынщика подходящих размеров булыжник и обратился ко Второму помощнику.

– Значит, объявили войну?

– Так точно! – Второй презрительно оглядел Форда Префекта.

– Соседнему континенту?

– Так точно. Войну до победного конца!

– Но он же необитаемый!

Гм! – подумали зрители. – Интересный поворот событий.

Второй выслушал Форда, не смутившись и не моргнув глазом. Глаза его в этом смысле напоминали двух москитов, которые целеустремленно подбираются сантиметр за сантиметром к вашему носу, и их не могут смутить ни фумигаторы, ни ваши кулаки, ни свистящие в воздухе полотенца.

– Так точно, – сказал он. – Но когда-нибудь он будет обитаем! Поэтому мы предъявили ему бессрочный ультиматум – с открытой датой!

– Чего?

– И уничтожили несколько укреплений потенциального противника!

Капитан вынырнул из своей ванны по пояс:

– Укреплений? Второй, какие укрепления? – спросил он.

Второй моргнул глазом.

– Укрепления, сэр, потенциального противника, сэр, как то: деревья... – Здесь секундная неуверенность миновала, и глаза Второго снова заскользили по зрителям, как лучи прожекторов. – Кроме того... – Второй возвысил голос до победного рева, – Мы взяли в плен вражескую козу и подвергли ее допросу!

Второй лихо забросил свой смертОлет в кобуру под мышкой и зашагал через охваченную экстазом толпу. Он не сделал и нескольких шагов, как его подняли на руки и понесли. На руках он проделал круг почета и исчез вдали.

Форд сидел и бездумно постукивал камнем о камень.

– Что вы еще тут натворили? – спросил он со вздохом после того, как стихло торжество.

– Мы неуклонно повышаем культуру, – заявила маркетингология.

– Чего? – переспросил Форд.

– Чего слышали! Наш ведущий телережиссер сейчас снимает сериал о пещерных людях.

– Какие же они пещерные?!

– Самые натуральные. Пещерные люди.

– Разве они живут в пещерах?

– А разве нет?

– Они живут в шалашах!

– Наверно, у них в пещерах сейчас делают капремонт, – выкрикнул кто-то из толпы.

– Очень смешно, – огрызнулся Форд. – И что же, вы не заметили, что они вымирают?

На обратном пути Артур и Форд нашли две брошенные деревни, а по лесам тут и там попадались трупы туземцев – они уходили умирать в лес. Те, что еще были живы, выглядели растерянными и безвольными, словно на них напала какая-то болезнь, скорее душевная, чем телесная. Они бродили по земле в беспредельной тоске. У них отняли будущее.

– Они вымирают! – повторил Форд со слезой в голосе. – Вы понимаете, что это значит?

– Э-э... наверно, стоит поднять им страховые премии? – снова высказался остроумец из толпы.

Форд проигнорировал его.

– Ну, постарайтесь понять, – воззвал он. – Они начали вымирать, как только сюда попали мы!

– Между прочим, в сериале эта тема освещена исключительно рельефно, – заметила маркетингология. – Это-то и придает ему ту остроту и актуальность, которые характеризуют настоящую журналистику. Режиссер никого не оставляет равнодушным...

– Оно и видно, – пробормотал Форд.

– Кстати, у меня есть информация, – маркетингология повернулась к капитану, который было задремал, – что следующий сериал он будет делать о вас, капитан.

– Не может быть! – немедленно очнулся капитан. – Как это мило с его стороны!

– Он нашел очень интересный и нетривиальный ракурс – бремя ответственности, одиночество на вершине административной пирамиды...

Пока она говорила, капитан довольно хмыкал и кивал.

– Знаете, я бы посоветовал ему не перегибать в этом ракурсе, – сказал он наконец. – Никто не одинок, пока с ним его резиновый утенок.

Капитан предъявил утенка собравшимся, и тот удостоился своей порции аплодисментов.

Все это время консультант по финансам сидел в гробовом молчании, потирая виски кончиками пальцев, чтобы всем было видно, что он ждет, и может ждать хоть целый день, если это необходимо.

Сейчас он решил, что все-таки не собирается ждать хоть целый день, а лучше сделает вид, что последнего часа просто не было.

Он встал.

– Не могли бы мы, – сказал он строго, – уделить несколько минут вопросам бюджета?

– Бюджета? – переспросил пораженный Форд Префект. – Он сказал “бюджета”?

Консультант по финансам одарил его взглядом, достойным хорошо выявленной воблы.

– Я сказал “вопросам бюджета”, – повторил он.

– Да откуда у вас возьмется бюджет, – возмутился Форд, – если никто ничего не производит? Деньги – они же не растут на деревьях!

– Может быть, я смогу продолжить?

Форд отрешенно кивнул.

– Благодарю вас. С тех пор, как несколько недель назад было решено принять древесный лист в качестве платежного средства, размеры наших активов растут самыми высокими темпами.

К своему изумлению Форд услышал одобрительный гул и увидел, как многие ощупывают охапки листьев в карманах и за пазухами тренировочных костюмов.

– Но это, – продолжал консультант по финансам, – привело также к некоторой проблеме – определенной инфляции, вызванной высокой эмиссией листа. Если я не ошибаюсь, сегодняшний официальный курс – три лиственных леса за один корабельный сухарик.

Собрание тревожно загудело. Консультант по финансам жестом успокоил зрителей.

– В целях решения этой проблемы, – продолжил он, – и поднятия платежеспособности листа нами был принят план широкомасштабной кампании по дефолиации и... в общем, мы решили сжечь все леса. Думаю, все согласны с тем, что в данных обстоятельствах это самый разумный шаг.

Пару секунд собравшиеся молчали, не зная, что думать, пока не начали осознавать, насколько ценнее это сделает листья, которыми набиты их карманы. Послышались возгласы, крики восторга, зрители встали, и консультант по финансам удостоился продолжительной овации. Перед финансистами, экономистами и биржевиками замаячила жаркая осень.

– Да вы же все рехнулись! – осенило Форда Префекта.

– Крыши у вас поехали! – оповестил он собравшихся.

– Вы же больные и не лечитесь! – сообщил он им.

Тут его рейтинг стал стремительно падать. То, что началось, как восхитительное развлечение, превратилось теперь в глазах собравшихся в поток банальных оскорблений, а поскольку поток этот был направлен против них же, удовольствия для них в нем не было никакого.

Почувствовав эту перемену в социальных трендах, маркетингиня обратилась к Форду:

– Мне кажется, настало время, – сказала она холодно, – в свою очередь, поинтересоваться, чего добились вы за последние два квартала? Вы с вашим компаньоном отсутствовали с самого дня прибытия.

– Мы путешествовали, – ответил Форд. – Мы отправились разузнать что-нибудь об этой планете.

– Путешествовали, – повторила менеджер с усмешкой. – Звучит чрезвычайно продуктивно.

– Продуктивно? Так вот, милочка, у меня есть для вас чрезвычайно интересные новости. Мы знаем будущее этой планеты!

Форд поглядел по сторонам, чтобы увидеть, какой эффект произвело его заявление. Никакого эффекта оно не произвело. Никто не понял, о чем он говорит.

Форд продолжил.

– Что бы вы тут ни делали, цена этому всему - песий хвост! Жгите леса, делайте, что хотите – все это не имеет никакого значения. Ничего не изменится. Ваша будущая история уже известна. У вас есть два миллиона лет, а потом – каюк! Через два миллиона лет от вас не останется ничего, ни пылинки. Так и знайте! Два миллиона!

Толпа недовольно зашумела. Такие солидные люди, какими они внезапно стали, не обязаны выслушивать всякую чепуху. Может быть, бросить бедолаге пару листиков, и он убежится восвояси?

Впрочем, беспокойство было излишним. Форд сам зашагал по направлению к опушке. Он остановился только, чтобы покачать головой, поглядев на Второго, уже палящего из смертОлета в близстоящие деревья.

Но напоследок Форд обернулся:

– Два миллиона! – крикнул он и расхохотался.

– Ну, что же, – подытожил капитан с умиротворяющей улыбкой. – Пожалуй, хорошенько искупаться я еще успею. Кто-нибудь может подать мне губку – я, кажется, уронил ее за борт?

XXXIII

На поляне в лесной чаще Артур Дент был так увлечен своим занятием, что не услышал, как подошел Форд.

Занятие же он себе нашел прелюбопытное, и вот в чем оно состояло: на широком плоском валуне он выцарапал большой квадрат и расчертил его клетками, тринадцать на тринадцать.

Затем он набрал кучку маленьких плоских камешков и нацарапал на каждом по букве. За всем этим наблюдали с безразличным видом два уцелевших туземца, которым Артур Дент пытался объяснить замысловатые концепции, воплощенные в этих камнях.

Материал усваивался трудно. Ученики уже попытались съесть одни камешки, закопать в землю другие и разбросать остальные вокруг. Наконец, Артуру удалось убедить одного из них положить несколько камешков на расчерченную им доску, но большего в этот день он не достиг. Вместе с духовным кризисом этих существ, казалось, постиг также и стремительный упадок интеллекта.

Пытаясь увлечь их, Артур сам стал выкладывать на доске слова и жестами приглашал туземцев присоединяться.

Игра не клеилась.

Форд молча наблюдал из-за дерева.

– Да нет, – возражал Артур одному из туземцев, который только что в порыве отчаяния развалил несколько слов, – нет, “Щ” стоит десять очков, к тому же все слово утраивается, поэтому... Слушай, я же объяснял тебе правила... Да нет же, нет, ну посмотри... Да оставь ты свою дубину... Ладно, начнем сначала. Только в этот раз постарайтесь повнимательнее.

Форд устало оперся о дерево и положил голову на руку.

– Что ты делаешь, Артур? – тихо спросил он.

Артур поглядел по сторонам. Внезапно ему показалось, что со стороны то, чем он занимается, выглядит довольно глупо. Но в детстве эта игра завораживала его, как колдовство! Может быть, тогда все было по-другому... То есть, будет...

– Да вот, пытаюсь научить пещерных людей играть в “Эрудит”, – ответил Артур.

– Какие же они пещерные!

– Да самые натуральные. Пещерные люди.

Форд решил не продолжать.

– Ну, пусть будут пещерные, – сказал он.

– Сизифов труд, – сказал Артур устало. – Все, что они могут – это рычать и ухать, а как это правильно пишется, они не знают.

Артур вздохнул и лег на землю.

– А смысл в чем? – спросил Форд.

– Ну, надо же их как-то развивать! Они же должны развиваться! – воскликнул Артур сердито и расстроено. Он надеялся, что усталый вздох и сердито-расстроенный возглас как-нибудь помогут ему справиться с ощущением глупости, начинающим его мучить. Ничего не получилось. Артур поднялся на ноги.

– Слушай, ты можешь представить себе мир, населенный потомками этих... этих уродов, с которыми мы прилетели? – спросил он.

– Что значит представить? – Форд удивленно поднял бровь. – Что тут представлять? Мы с тобой его видели.

– Но, может быть, все-таки... – Артур воздел руки к небу.

– Видели, видели, – покачал головой Форд. – Ничего не попишешь.

Артур пнул со злостью валун.

– Ты рассказал им, что мы нашли? – спросил он.

– А, что? – Форд задумался и не услышал.

– Ну, про Норвегию, про автограф Старпердупеля в леднике – ты им это рассказал?

– А смысл? – спросил Форд. – Что это должно для них значить?

– Как это? – не понял Артур, – Как это что? Ты же прекрасно знаешь, что это значит. Это значит, что эта планета – Земля! Что это мой дом! Я здесь родился!

– Родился? Уже? – переспросил Форд.

– Ну, рожусь... рождусь... Буду рожден!

– Ага, не пройдет и двух миллионов лет. Расскажи им и это тоже. Пойди к ним и скажи: “С вашего позволения, мне хотелось бы обратить ваше внимание на тот факт, что через два миллиона лет я буду рожден неподалеку отсюда.” Посмотрим, что они с тобой сделают. Я так думаю, загонят на дерево и поджарят вместе с веткой.

Артур помрачнел.

– Ничего не попишешь, – повторил Форд. – Те придурки там на лугу – вот твои предки. А не эти горемыки.

Форд прошелся мимо неандертальцев, бессмысленно игравшихся с каменными буквами. Он покачал головой.

– Убирай, Артур, свой “Эрудит”, – сказал он. – “Эрудитом” ты человечество не спасешь. Потому что они – не человечество. Человечество сейчас сидит вон за тем холмом и снимает про себя сериалы.

Артура передернуло.

– Но что-то же наверняка можно сделать! – воскликнул он.

Он вдруг похолодел от отчаяния. Он здесь, он дома, он на Земле – но на Земле, будущее у которой отнято ужасающе глупой катастрофой; а теперь, как выясняется, и прошлое тоже!

– Нет, – сказал Форд. – Делать нечего. Историю Земли не изменить. Это и есть история

Земли, понимаешь? Нравится тебе это или нет, но вы происходите от гольгафринян. И через два миллиона лет вас уничтожат вогоны. История никогда не меняется. Все сцеплено между собой, все сопрягается, как камешки в мозаике. Природа вещей, старик. Забавная штука.

Форд взял с доски букву “Щ” и зашвырнул ее в заросли крапивы. Там она застигла врасплох молодого кролика, который в ужасе бросился прочь и не останавливался, пока не попался в зубы лисе, которая подавилась одной из его косточек и издохла на берегу реки, воды которой унесли ее труп.

Прошло несколько недель. Форд Префект, поостыв и отбросив гордость, завязал отношения с девушкой, служившей на Гольгафринчуме в отделе кадров, и был страшно расстроен, когда она внезапно скончалась, попив речной воды, испорченной трупом дохлой лисицы. Единственная мораль, которую возможно вывести из этой истории, это то, что никогда не следует бросать букву “Щ” в заросли крапивы; но иногда, к сожалению, бывают моменты, когда избежать этого не удастся.

Как и почти все действительно важные происшествия, эта цепочка событий осталась совершенной тайной для Форда Префекта и Артура Дента.

Однажды они сидели и грустно глядели на то, как один из туземцев бездумно передвигает буквы по доске.

– Н-да... – сказал Артур. – Бедные пещерные...

– Они не пещерные...

– Что?

– Да нет, ничего.

Несчастное существо издало жалобный вой и трахнуло по валуну кулаком.

– Все зря, – сказал Артур. – Вся их жизнь – зря.

– Ух-ух ургх-х-х, – проговорил туземец и снова трахнул кулаком по валуну.

– Телефонотёры объехали их на кривой козе.

– Ургх, гр-гр, гр-р-ух! – настаивал туземец, продолжая стучать кулаком по валуну.

– Чего он стучит по валуну? – спросил Артур.

– Мне кажется, он хочет, чтобы ты поиграл с ним в “Эрудит”, – сказал Форд. – Он показывает на буквы.

– А-а. Наверно, опять написал “вквивхнлсств”. Бедолага. Сколько раз я ему говорил, что в “вквивхнлсств” одна “х”!..

Туземец снова трахнул по валуну кулаком.

Артур и Форд глянули на доску.

И глаза их вылезли на лоб.

Там в мешанине камешков восемь букв выстроились в одну ровную линию. И из них

сложилось два слова. И слова эти были –

“Сорок два”.

– Гр-р-р-ургх гургх гургх, – объяснил туземец. Затем он свирепо разметал буквы и присоединился к своему коллеге, который бессмысленно валялся под соседним деревом.

Форд и Артур глядели на него. Потом они поглядели друг на друга.

– Там было написано то, что я подумал? – спросили они друг у друга одновременно.

– Да, – ответили они друг другу.

– Сорок два, – подтвердил Артур.

– Сорок два, – подтвердил Форд.

Артур подбежал к двум неандертальцам:

– Что, что вы хотели сказать? Что вы имели в виду?

Один из неандертальцев покатался по земле, взбрыкнул ногами в воздух, перекатился на бок и заснул. Второй взобрался на дерево и кинул в Форда Префекта конским каштаном. Что бы они ни хотели сказать, это уже было сказано.

– Да ты сам прекрасно знаешь, что они имели в виду. – сказал Форд.

– Кто, я? Нисколько.

– Сорок два – это число, которое Могучая Дума выдала как Главный Ответ.

– Ну, так...

– А Земля – это компьютер, который Могучая Дума сконструировала и построила, чтобы найти Вопрос к Главному Ответу.

– Ну, так нам сказали.

– И жизнь на Земле была частью компьютерной матрицы.

– Ну, была, если хочешь.

– Хочу, не хочу – причем тут я? Суть в том, что эти туземцы, эти приматы – изначально часть программы, а мы и гольгафриняне – нет.

– Но пещерные люди вымирают, а гольгафриняне займут их место – судя по всему.

– Именно. Теперь ты понимаешь, что это значит?

– Нет. Что?

– Ну, неужели ты ничего не замечаешь? – спросил Форд Префект.

Артур посмотрел по сторонам.

– Планета пропала, – сказал он. – Ничего не вышло. Все зря.

Форд же задумался.

– Но все-таки что-то должно было из этого выйти, – сказал он наконец. – Ведь Марвин сказал, что видит Вопрос, записанный в волновых паттернах твоего мозга.

– Не знаю. Не думаю.

– Может быть, это неправильный вопрос. Или правильный, но искаженный. Но, может быть, мы сможем догадаться, каков был правильный, если узнаем этот! Я, правда, не знаю, как.

Они помолчали. Артур сидел на земле и начал было срывать травинку за травинкой, но это занятие не смогло его как следует увлечь. Он не верил в эту траву. Деревья стояли вокруг какие-то бессмысленные; гряды зеленых холмов уходили в никуда, а будущее выглядело темным туннелем, в конце которого ждал тупик.

Форд потыкал свой суб-Ф-ирный сенсОмат. Тот молчал. Форд вздохнул и убрал машинку.

Артур же поднял с земли букву своего самодельного “Эрудита”. Это оказалась буква “П”. Артур вздохнул и вернул букву на землю. Рядом к этой легла буква “А”. Артур потянулся и подобрал еще пару букв. Эти буквы оказались буквами “О” и “Ж”. По забавному совпадению получившееся слово исключительно точно описало состояние Артура в этот момент.

Артур глядел на получившееся слово. Он не составлял его. Оно получилось само, совершенно случайно.

Артур плавно перевел свой мозг на вторую скорость.

– Форд, – сказал он. – Слушай. Если Вопрос записан в волновых паттернах моего мозга, но мое сознание о нем ничего не знает, то он должен быть где-то в моем подсознании?

– Ну, да, наверно. Где-то же он должен быть. Не там, так там.

– Тогда, возможно, существует способ выявить этот паттерн подсознания.

– Да ну. Какой же?

– Ну, устроить какой-нибудь эксперимент со случайным выбором, который будет управляться этим паттерном.

– Как например?

– Как например – вытягивать буквы “Эрудита” из мешка с закрытыми глазами.

Форд вскочил на ноги:

– Блестящая мысль! – воскликнул он. Он вытащил из рюкзака свое полотенце и, связав его концы, превратил его в подобие мешочка.

– Это сущий бред, – сказал он, – и полный идиотизм. Но мы это сделаем, потому что это блестящий идиотизм. Поехали.

Солнце из уважения к моменту зашло за тучу. Упало несколько капель грустного осеннего дождика.

Нашарив все буквы, какие смогли, в траве, они ссыпали их в мешок. Форд встряхнул мешок несколько раз.

– Давай, – сказал Форд, – закрывай глаза. И тяни. Поехали, поехали.

Артур зажмурился и запустил руку в полотенце, полное камешков. Он пошарил в нем, захватил пригоршню и протянул ладонь Форду. Форд выложил камешки на землю в том порядке, в каком они лежали на ладони Артура.

– “С”, “К”... – прочитал Форд. – “О”, “Л”, мягкий знак, “К”, опять “О”... “Сколько”!! – Форд потряс головой. – Работает! – воскликнул он.

Артур вытащил еще пяток камешков.

– “Т”, “Е”, “Д”, “У”, “Б”... – прочитал он. – Нет, похоже, все-таки не работает.

– Вот еще три.

– “Ш”, “Е”, “С”... “Тедубшес”? Боюсь, что никакого смысла в этом нет.

Артур достал еще три камешка, и Форд добавил их.

– “Т”, опять мягкий знак, “Ю”... “Тедубшес тью”? А! Я перепутал порядок! Надо было начинать сверху! “Будет шесть ю”! Слушай, работает, работает!!!

– Едем дальше... – Артур стал лихорадочно вытягивать камешки один за другим так быстро, как только мог.

– “Д”... “Е”... – читал Форд. – “Сколько будет шесть юде”.... “В”... “Я”... “Т”... Мягкий знак... “Сколько будет шестью девять”! Ну, что дальше?

– Дальше все, – сказал Артур. – Больше букв нет.

Артур перевел дух. Он покопался в узлах полотенца, но ни одного камешка туда не завалилось.

– То есть, как? Это всё? – спросил Форд.

– Это всё, что есть.

– Шестью девять?.. Сорок два?..

– Вот именно. Это все, что у нас есть.

XXXIV

Солнце выглянуло из-за тучки и дружелюбно оглядело землю. Высоко в ветвях запела птица. По листве пробежался ласковый теплый ветерок, поднял головки скромным лесным цветам и понес по роще их легкий аромат. Прожужжало крыльями крупное насекомое, торопясь туда, куда торопятся все крупные крылатые насекомые ввечеру. Невдалеке послышались голоса, а через мгновение показались и их обладательницы, замершие при виде Форда Префекта и Артура Дента, корчащихся на земле – но не в агонии, как могло показаться, а от беззвучного хохота.

– Погодите! Не убегайте! – выдавил Форд Префект между приступами смеха. – Сейчас!

– Что тут происходит? – спросила одна из девушек, та, что была повыше и постройнее. На Гольгафринчуме она была секретаршей, но ей не очень-то нравилась ее работа.

Форд сделал героическую попытку собраться.

– Простите, – сказал он. – Добрый вечер. Мы тут с моим другом размышляли о смысле жизни. Знаете, это увлекательное занятие.

– А, это вы, – сказала девушка. – Ну вы и устроили шоу нам сегодня. Выглядели вы забавно, надо сказать, но и занятно тоже. Было интересно.

– Что, правда?

– Правда-правда! А к чему вы всё это говорили? – спросила другая девушка, поплотнее и пониже ростом. На Гольгафринчуме она работала криэйтором в небольшом рекламном агентстве. При всех неудобствах ее нынешней жизни, она каждый вечер ложилась спать с чувством глубокой благодарности судьбе за то, что новое утро встретит ее чем угодно, только не сотней практически одинаковых фотографий изобретательно освещенных тюбиков с зубной пастой.

– К чему? Да ни к чему. Всё – ни к чему! – весело воскликнул Форд Префект. – Присаживайтесь. Я Форд, а это Артур. Мы как раз собирались повалять дурака, но это может подождать.

Девушки недоверчиво оглядели их.

– Меня зовут Агда, – сказала та, что повыше. – А это Мелла.

– Очень приятно. И давайте перейдем на ты.

– А вы всё время молчите? – спросила Мелла Артура.

– Не всё, – сказал Артур и улыбнулся. – Но до Форда мне очень далеко.

– Ну, что ж. Это не так уж и плохо.

Помолчав, Агда спросила:

– И все-таки, что вы имели в виду – про то, что у нас всего два миллиона лет? Я ничего не поняла.

– А, ты об этом, – ответил Форд. – Да это неважно. Не имеет никакого значения.

– Дело в том, что эта планета пойдет под снос, чтобы проложить новое гиперпространственное шоссе, – объяснил Артур. – Но это будет еще через два миллиона лет, да и в любом случае – это же вогоны, чего от них ждать.

– Вогоны? – переспросила Мелла.

– Они самые. Но тебе с ними встретиться не грозит.

– И откуда вы всё это знаете?

– Вот уж это совершенно неважно. Будем считать, что это сон. Воспоминание о прошлом. Или о будущем.

Артур улыбнулся и отвернулся в сторону.

– А это нормально, что ты все время несешь какую-то окоlesiцу? – спросила Агда.

– Да ладно, – сказал Форд. – Забудем. Проехали. Всё фигня. Смотрите, какой вечерок чудесный выдался. Солнце, зелень, холмы, река, пожар в лесу...

– Даже если это сон – это все-таки жуть какая-то, – промолвила Мелла. – Снести планету только для того, чтобы построить шоссе...

– Да ну, я слышал про вещи и похуже, – заверил Форд. – Я читал об одной планете в седьмом измерении, которой сыграли в межгалактический билиард. Ее зафигачили в черную дыру. Десять миллиардов народу погибло.

– С ума сойти! – выдохнула Мелла.

– Вот и я говорю. И, главное, всего-то тридцать очков!

Агда с Меллой переглянулись.

– А знаете, – сказала Агда, – сегодня после собрания будут танцы. Приходите, если хотите.

– Я не против, – сказал Артур.

– Ясный пень, придем! – подхватил Форд.

Спустя много часов Артур и Мелла сидели на холме и глядели, как над заревом пожара встает луна.

– Знаешь, – начала Мелла, – этот твой рассказ о планете, которую снесли...

– Снесут. Через два миллиона лет.

– Ты это говоришь так, как будто сам в это веришь.

– Так и есть, я в это верю. Я сам там был. То есть, буду.

Мелла покачала головой.

– Ты такой необычный, – сказала она.

– Да нет. Я самый обыкновенный, – возразил Артур. – Просто попал в необыкновенные обстоятельства. Можно сказать так: я отличаюсь от других, но никаких особых отличий у

меня нет.

– А то, что твой друг рассказывал, про планету, которую загнали в черную дыру?..

– Вот про это я ничего не знаю. Мне кажется, он это вычитал в книжке.

– В какой?

Артур помолчал.

– “Путеводитель вольного путешественника по Галактике”, – ответил он наконец.

– Это что такое?

– Да так, одна штука, которую я сегодня вечером выкинул в реку. Думаю, она мне больше не понадобится, – ответил Артур Дент.